

А.В. Дьяконов

ЖИВОПИСЬ
ТУЖЕВЦЫ И ЯЗЫКОВЕДЫ
ТЮКОВЫ (КУТЕПОВ)
И ЕГО ВРЕМЯ

Очерки из жизни

Нижний Новгород
Издательство «Кварц»
2018

УДК 271.2(092)(470.41)
ББК 86.72.24-3,8 Кутепов Николай
Д 93

Дьяконов А.В.

Д 93 Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) и его время: Очерки из жизни. – Нижний Новгород, Кварц. 2018. – 168 с., ил.
ISBN 978-5-906698-82-7

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) (1924–2001) – видный деятель Русской православной церкви второй половины XX века. Несоветский человек советского времени. Его жизнь и служение были неразрывно связаны с церковью, которая оставалась в СССР единственной легальной организацией, признаваемой властью своим идеологическим противником. Ветеран Великой Отечественной войны, монах и патриот своей Родины, величественный архипастырь и душевный собеседник, он жил в гуще церковных событий, встречался и дружил со многими известными людьми, путешествовал по миру, вел переписку с братьями архипастырями и советскими чиновниками. Книга представляет интерес не только для тех, кто лично знал владыку, но и для всех изучающих церковную историю XX века.

УДК 271.2(092)(470.41)
ББК 86.72.24-3,8 Кутепов Николай

ISBN 978-5-906698-82-7

© Дьяконов А.В., 2018
© Издательство «Кварц», 2018

От автора

Работа над этой книгой началась в августе 2011 года, когда я был в очередной туристической поездке в Подкарпатской Руси (Закарпатской области Украины). В Никольском женском монастыре в городе Мукачево, где приснопамятный владыка Николай (Кутепов) начинал свое архипастырское служение, я нашел сестер, которые еще помнили его и поделились со мной своими удивительными воспоминаниями о нем.

Это сподвигло меня серьезно заняться изучением обширного личного архива святителя, ныне находящегося в фонде Фундаментальной библиотеки Нижегородской духовной семинарии и насчитывающего более 10 000 единиц хранения. Этот архив включает служебные и личные документы, фотографии и другие ценные материалы, в полной мере характеризующие личность архипастыря.

В течение последующих нескольких лет я посетил места архипастырского служения владыки Николая – Калугу, Ростов-на-Дону, Омск и Владимир, где работал в епархиальных и государственных архивах этих регионов. В связи с этим хочу выразить искреннюю благодарность первому проректору Нижегородской духовной семинарии протоиерею Александру Мякинину, благодаря поддержке и ценным советам которого эта исследовательская работа стала возможной.

Также хотелось бы сказать огромное спасибо митрополиту Омскому и Таврическому Владимиру (Иким), благодаря вниманию и поддержке которого я смог найти серьезную информацию о периоде служения приснопамятного владыки Николая (Кутепова) в Омске (1963–1969 гг.). В омской епархиальной прессе благодаря помощи владыки Владимира в 2017 году появились мои статьи, посвященные нижегородскому архипастырю.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. 1924–1942 гг.

По итогам большой исследовательской работы за прошедшие годы в нижегородской епархиальной прессе (газетах «Нижегородские епархиальные ведомости» и «Ведомости Нижегородской митрополии», журналах «Дамаскин», «Нижегородская старина» и «Моя надежда»), а также в разных научных сборниках, в том числе и на Украине, было напечатано более 80 моих статей, посвященных жизни и деятельности приснопамятного митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая. Также на сайте Нижегородской митрополии на основе моих статей был создан специальный проект, рассказывающий о его жизни.

Отдельную благодарность хотел бы выразить своей коллеге, которая провела много лет рядом с владыкой и первая начала серьезную работу по изучению его личности и служения – Ольге Викторовне Буковой. В процессе подготовки её книги «Святитель земли Нижегородской», вышедшей к 85-летию архипастыря в 2009 году, были использованы материалы личного архива владыки Николая, а в процессе подготовки данного издания Ольга Викторовна делилась со мной ценными воспоминаниями и материалами о нижегородском святителе.

Передаю также слова благодарности коллегам из Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки имени В.И. Ленина – лично Ольге Николаевне Лисятниковой и Маргарите Борисовне Кувшиновой, а также всем сотрудникам библиотеки. Все эти годы мы вместе работали над популяризацией личности приснопамятного нижегородского архипастыря, к чему призвано и это издание, которое, надеюсь, откроет неравнодушному читателю всю многогранную и неординарную личность митрополита Николая (Кутепова).

О детских годах Владыки Николая нам известно не очень много, поскольку весь опыт прошедшей жизни научил его не быть откровенным. При всей своей публичности и обилии интервью он оставался очень закрытым человеком. Только в последние годы жизни владыка стал больше говорить о своих родителях и своём детстве.

Отец Николая – Василий Ильич Кутепов – родился в местечке Абакумовские выселки Богородицкого уезда Тульской области в семье казённых крестьян. Там храма не было, и на второй день после рождения младенца отвезли в соседнее село Крюково, где в церкви Знамения Пресвятой Богородицы он и был крещён.

О маме – Варваре Ивановне Кутеповой, в девичестве Алёхиной, сведений также немного. Известно только, что она была крещена 29/30 ноября 1892 года в церкви села Вышнее Костомарово Крапивинского уезда Тульской губернии. Владыка говорил, что две сестры матери – Екатерина и Пелагея – были монахинями Тульского Успенского монастыря. В архивных документах этой обители упоминаются сёстры Алёхины: Екатерина 1888 года рождения и Пелагея 1891 года рождения. Екатерина несла церковное послушание, а Пелагея проходила послушание при настоятельнице.

Повенчались родители Владыки Николая в 1912 году и жили в доме родителей мужа на хуторе Кутепово, получившем название по фамилии деда, в двух верстах от Абакумовских выселок, на собственной земле. Земли было много, держали скот, выращивали хлеб, сажали сады, трудились не покладая рук. Хозяйство было крепким, зажиточным. На сохранившейся фотографии молодой пары – Варвара Ивановна, стройная, красивая, с одухотворенным лицом...

Владыка вспоминал: «...В моём роду почти все мужчины, все мои дяди по линии отца, были людьми могучими, здоровыми и ещё до революции служили в царской гвардии. Один из них, Семён Федорович Кутепов, остался служить в армии и после 17-го года, воевал в Великую Отечественную и даже вошёл в русскую литературу в образе генерала Серпилина из романа Константина Симонова „Живые и мёртвые“... Если мужчины в роду были воинами, то женщины были молитвенницами.

Родители владыки Николая (Кутепова)

В 1913 году в молодой семье родилась дочка Нина, а затем долгих одиннадцать лет детей не было, и все эти годы Варвара Ивановна горячо молилась святителю Николаю Угоднику, прося о рождении сына, наследника. Сын появился на свет 4 октября 1924 года. Варвара Ивановна пошла за советом к священнику, ведь родился он в день обретения мощей свт. Димитрия Ростовского. Батюшка сказал: «Молилась св. Николаю, обещалась, так и называй Николаем». Так мальчик стал Николаем.

Посещение храма для него всегда было радостью, праздником. Варвара Ивановна приводила своего непоседу сына в церковь к пению Херувимской, когда весь храм готовился к причастию. Коленка заворожённо слушал церковное пение и с благоговением подходил к причастию. Так прошли шесть самых счастливых и светлых лет жизни в большом и просторном доме деда, о которых владыка с большой теплотой вспоминал позднее. Казалось, так будет всегда...

В 1929 году в семье Кутеповых родился третий ребёнок – девочка, которую назвали Риммой, а следующий, 1930 год, принёс семье горе: хозяйство раскулачили, а их, изгнав из родного дома, выслали с хутора.

По милости Божией Василий Ильич смог избежать высылки семьи в Калмыкию и перевёз своих домочадцев в Тулу, где они поселились в небольшом домике сестры Василия Ильича на рабочей окраине города. Улица, где они теперь жили, была вымощена булыжником, который после дождя белел, словно сахар. На ночь окна в доме закрывались ставнями, как в родном доме деда, на хуторе. Этот уголок старой Тулы очень напоминал жизнь села.

Отец много работал: сначала в лесном хозяйстве, позже – в банно-прачечном, поскольку только он обеспечивал семью, а она была большой: их пятеро, старики родители, а после закрытия Успенского монастыря в семью Кутеповых пришли сестры Варвары Ивановны. Но все жили мирно и дружно.

Варвара Ивановна не работала, она всегда занималась домашним хозяйством. Кутеповы держали корову, кур, за домом был большой сад и огород. У каждого ребёнка были свои обязанности. Мама была хорошей хозяйкой, владыка вспоминал, что в доме всегда были пироги и плюшки, а в пост пеклась постная выпечка. Николай очень любил мамины плюшки, коврижки и печенье, ему казалось, что так должно быть в каждом доме – вкусный запах пирогов.

Недалеко от дома Кутеповых находилось несколько церквей, но ближе всего был храм во имя Рождества Христова. Владыка так рассказывал об этом времени в своей жизни: «С раннего детства я полюбил церковное служение... шести-семилетним мальчиком, играя с сестрёнкой, я подражал диакону... Ещё мальчишкой слушал пластинки со службами в Троице-Сергиевой Лавре. Мать, будучи сугубо верующим человеком, прививала веру ненавязчиво, давала внутренний фундамент богопочитания. Вместе с тем у нас почиталось чтение литературы, любили поэзию». Вера в Бога в семье Кутеповых была глубокой, искренней и естественной.

Младшая сестра Римма вспоминала: «...Он словно родился со своей церковностью, не играл в обычные детские игры, а всё церкви строил из кубиков, щепочек и песка». Тётушки-монахини рассказывали своему племяннику много интересных и поучительных историй из жизни святых угодников Божиих, истории святых обителей. И это не могло не оставить доброго следа в его душе.

В семь лет Николай пошёл в школу, которая находилась на той же улице. Учиться он хотел, ему было интересно получать знания. Но именно здесь, в школе, его ждали испытания, из-за которых ему пришлось отстаивать

НА ФРОНТЕ. 1942–1943 гг.

своё понимание жизни. Самым сильным впечатлением детства стала атеистическая борьба всей школы с маленьким Колей, учеником начальных классов. Владыка рассказывал: «Кто-то из учителей узнал, что я хожу в церковь. И вот прихожу я в школу, а в коридоре строем стоят дети всех трёх или четырёх начальных классов и кричат мне в лицо: „Поп! Поп! Поп!“ Сколько пророческой истины было в их крике...». Но юный Николай не отвернулся от Бога, не бросил церковь и даже не стал хуже учиться.

В пионерах Николай был всего один день: мать, увидев галстук, сказала: «Я тебе такого пионера покажу, снимай-ка скорее!»

Николай очень любил маму, женщину терпеливую, жертвенную и очень добрую, безоговорочно верил ей, уважал и гордился отцом, человеком справедливым, сильным, рядом с которым он чувствовал себя спокойно и уверенно. Детей в семье не баловали, не потакали шалостям, отец всегда старался объяснить сыну, в чём он не прав и наказывал, но, как говорил владыка, обиды не было – понимал, что за дело. Маме достаточно было посмотреть Коле в глаза, чтобы он понял, что совершил ошибку.

Николай рос добрым, весёлым и в то же время не по годам рассудительным мальчиком, он был душой компании, настоящим заводилой. Да и мама всегда угощала его друзей пирогами и никогда не гнала из дома.

С Николаем было интересно ещё и потому, что он много читал, что называется «глотал» книги. Книги в семье Кутеповых любили и ценили. В школе, где он учился, была большая библиотека, и Николай был самым активным её читателем.

Римма Васильевна вспоминала, что любовь Николая к книгам была совершенно удивительной. «Заберётся куда-нибудь ночью с книгой – и не оторвать его. Родители ругались, что свет ночами горит: так Владыка сделал себе что-то вроде шахтёрского фонарика, чтобы на голову надевать, – и читал под одеялом». Успевал и хорошо учиться.

Десятый класс пришёлся на самые тяжёлые 1941–1942 годы. Тулу бомбили часто и сильно, в пятистах метрах от их дома стоял бронепоезд, поэтому вокруг всё было разрушено. Мама и Римма при звуках сирены бежали в подвал соседнего дома и прятались в убежище, а Николай оставался в доме. Римма вспоминала: «Я его зову и плачу, а он отвечает: „Я лучше почитаю или посплю“. Страх у него не было, он никогда не уходил из дома».

Мальчишки рвались на фронт, но их заставили окончить школу. В июне 1942 года Николай получил аттестат об окончании 10-го класса средней школы. Троек у него не было, и школьный аттестат это подтверждает. Но шла война, и детство для Николая закончилось, – он стал солдатом.

После окончания школы Николаю Кутепову, которому тогда шел восемнадцатый год, дали отдохнуть только несколько месяцев. Шла война, и юный выпускник был направлен в Тульское пулеметное училище, а через три месяца, как отмечает владыка в своей автобиографии, он «был отправлен на фронт». В течение этих месяцев в очень большой спешке готовили пополнение для терпевшей поражение за поражением Красной армии. На сержантов и лейтенантов не учили, поэтому выпустили вчерашних школьников рядовыми.

Почти каждый день мама и сестра Римма приходили в училище к Николаю, поскольку небезосновательно боялись, что его увезут, возможно, навсегда, и они не смогут с ним проститься. Так оно и случилось. В конце октября 1942 года курсанты пулеметного училища завершили ускоренный курс обучения и отправились на фронт. «Он ушел, – вспоминала потом сестра, – и я не знаю, был ли у него хоть грошик. Крест вот точно был, мама сама ему накануне надела...».

Как свидетельствуют документы военного архива, денежное довольствие курсанты все-таки получили, а вот крестик Николаю Кутепову пришлось тогда снять. Однако мама Варвара Ивановна и две его тетушки-монахини сразу после его ухода стали читать Неусыпаемую Псалтирь, моля Бога, чтобы страшная война не забрала Николая и чтобы он вернулся домой живым.

В октябре 1942 года курсанты еще в училище приняли присягу и были направлены на Сталинградский фронт для пополнения рядов 1-й гвардейской армии под командованием Рокоссовского. Рядовой Николай Кутепов попал в 38-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая в начале сентября

была переброшена в район Сталинграда, где «вела тяжелые оборонительные бои, одновременно изматывая силы противника контратаками» (из документов военного архива).

Во второй половине октября 1942 года дивизия была выведена во второй эшелон армии и направлена в город Ртищево (северо-восточнее Саратова). Здесь её укомплектовали пополнением, в составе которого и был рядовой Кутепов, и провели обучение.

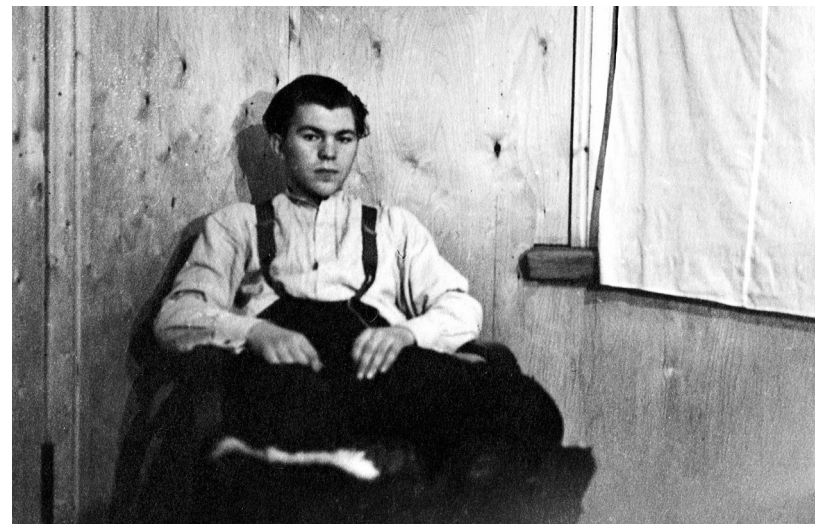
В ноябре дивизия была передислоцирована на станцию Филоново. Затем, совершив двухсоткилометровый марш, части дивизии сосредоточились на правом берегу Дона в районе Замостье – Кстовка – Новый Лиман напротив 8-й итальянской армии Вермахта. Итальянцы, как свидетельствуют документы, не подозревали о смене частей и 10 декабря 1942 года предприняли попытку отбросить наши части с плацдарма на северном берегу реки Северный Донец. Однако противник был отбит с большими для него потерями. В эти дни и началась война для рядового Николая Кутепова.

На следующий день, 11 декабря, части 113-го гвардейского стрелкового полка, где воевал будущий святитель, «провели разведку боем» и штурмом взяли опорный пункт врага – город Оголёв. Было захвачено более 50 пленных. В это же время авиация противника периодически производила разведку местоположения наших частей, одновременно сбрасывая по 10–15 бомб на район расположения дивизии. За один только день 11 декабря было совершено три авианалета: в 10.30, 11.30 и 15.00, в которых участвовали 15, 27 и 36 вражеских самолетов соответственно.

С 11 по 14 декабря, как отмечает автор книги «Святитель земли Нижегородской» О.В. Букова, фашисты сосредоточили значительные наземные силы на участке дислокации 113-го гвардейского стрелкового полка с целью выбить наши войска из Оголёва. Полк отбивал яростные контратаки врага, продолжавшиеся и ночью и днем, усиленные ударами авиации противника, а также артиллерийским, минометным и пулеметным обстрелом. Только за 12 декабря в части, где воевал Николай, было убито 14 человек и ранено 114.

На улице стояли сорокаградусные морозы, а на передовой катастрофически не хватало продуктов, горячего питания и боеприпасов. Как писал командир 113-го полка гвардии майор Корнаухов, «обеспеченность продуктами была только на одни сутки, а ГСМ для машин – только на одну заправку, полку срочно требовались средства против обморожений и транспорт для эвакуации раненых». Несмотря на это, 14 декабря полк успешно разбил подразделения 8-й итальянской армии и захватил важный плац-

дарм на южном берегу реки Дон. 16 декабря 1942 года после активного наступления наших войск сопротивление итальянского экспедиционного корпуса было сломлено, и начался его полный разгром. В полках, как отмечается в документах, «царило исключительное воодушевление».

Николай Кутепов после возвращения с фронта, 1943 г.

В таких тяжелых условиях оказались молодые бойцы, только-только прибывшие на фронт. Рядовой Николай Кутепов был наводчиком ПТР (противотанкового ружья). Напарником его был татарин, с которым Николай ел из одного солдатского котелка, и было совершенно неважно, мусульманин ты или иудей, поскольку все одинаково рисковали своей жизнью. «Все мы были солдаты и просто выполняли свой долг – защищали Родину», – говорил потом владыка Николай о своем пребывании на фронте.

38-я гвардейская стрелковая дивизия продолжала наступление в направлении города Миллерово (северо-западнее Ростова-на-Дону). 25 декабря 1942 года взять город с ходу не удалось, и дивизии задержалась здесь почти на месяц. Вражеская артиллерия периодически обстреливала позиции наших войск, а авиация постоянно наносила бомбовые удары. После одного из таких ударов война на передовой для рядового Николая Кутепова закончилась. Он был тяжело ранен, контужен и получил сильное обморожение.

Владыка позже подробно рассказывал, что шел сильный артобстрел, а он со своим расчетом находился в окопе, как вдруг непонятно какая сила

СЛУЖЕНИЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ВИТАЛИЕМ (ВВЕДЕНСКИМ).

1943–1946 гг.

вынесла его из укрытия. Убежать далеко ему, однако, не удалось, поскольку в этот момент в окоп попал снаряд и Николая накрыла ударная волна. Он потерял сознание и был засыпан снегом и землей. Сколько рядовой Кутепов пролежал в этом положении, неизвестно. Через некоторое время его нашла бригада санитаров, обходившая передовую. Они заметили торчавшие из земли ноги, подметки сапог были срезаны, но пальцы ног еще дергались.

Николая откопали и отправили в госпиталь. После осмотра обмороженных и уже почерневших пальцев ног выяснилось, что спасти их не удастся. Остался один выход – ампутация. Операция проходила очень тяжело. Николаю, восемнадцатилетнему мальчишке, влили в рот кружку спирта и дали в зубы палку. Никакого другого наркоза не было. Во время операции один доктор держал больного, буквально навалившись, чтобы тот не дергался, а другой – пилил пальцы ног прямо по живому.

После этого, как отмечает будущий архипастырь в своей автобиографии, он пролежал в госпитале еще полгода – с января по июнь 1943 года, а в одной из своих анкет указывал местонахождение этого госпиталя – город Кирсанов Тамбовской области.

В это время, в апреле 1943 года, в возрасте 53 лет умер отец Николая. Он всего несколько месяцев не дождал до возвращения сына с фронта, очень ждал его и звал перед смертью. Остальные члены семьи очень переживали, поскольку ничего не знали о ранении. Римма Васильевна вспоминала: «Писем от него долго не было, мы все страшно волновались. Только через несколько месяцев пришло от Николая письмо, и мы узнали, что он в госпитале. Стали ждать».

В июне 1943 года Николай Кутепов вернулся домой, в Тулу. Римме тогда было всего 14 лет. Она заканчивала восьмой класс, сдавала экзамены и, возвращаясь как-то из школы, услышала в доме мужской голос (отца уже не было в живых) и поняла: брат вернулся! Радость в семье была великая, но когда Николай стал рассказывать, как он был ранен и как его оперировали, все женщины плакали. А когда Римма впервые увидела его искалеченные ноги, она зарыдала.

Измученный, худой, с кровоточащими ногами Николай Кутепов вернулся с войны живой, и вся семья благодарила за это чудо Бога. Впоследствии он говорил: «Может быть, Богу было угодно наслать на меня такую беду, чтобы я остался жив».

Николай с трудом привыкал к жизни дома, здоровье было подорвано войной и тяжёлым ранением. Ему не было ещё и девятнадцати, а он уже перенёс много страданий: у него на глазах гибли боевые товарищи, он потерял отца, остался инвалидом. Но главное – он был жив. И этот дар он стал воспринимать как дар Божий, понимая, что жив только благодаря милости Господа и что неустанная молитва его родных была услышана.

Как писал владыка в одной из своих ранних автобиографий, сохранившихся в его личном архиве, его мама очень хотела, чтобы он получил высшее образование и поступил в Тульский механический институт. Однако ещё целый год после возвращения с войны он приходил в себя и залечивал душевные и телесные раны: из госпиталя он вернулся исхудавшим, с глубоко запавшими глазами и стал даже немного сутулиться.

Кроме того, как вспоминала сестра Римма, когда Николай вернулся с фронта, «он первым делом пошел в церковь, стал часто туда ходить. Раз зашел в алтарь, да так и остался там. Видимо, что-то было у него внутри, в душе, с самого детства. То, что отличало его от всех нас, то, что заставило его остаться в церкви на всю жизнь». То, что он остался жив во время массированного наступления под городом Миллерово в декабре 1942 года, или, как говорил сам владыка, «заживопогребённость», особенно способствовали этому. Факт чудесного спасения в безжалостной бойне произвёл переворот в сознании молодого человека, реально показал ему хрупкость человеческой жизни – это и привело его в храм, открыло его сердце к принятию Бога.

Тем не менее через год, в сентябре 1944 года, он, повинувшись желанию матери, поступил на первый курс Тульского механического института

и, как писал потом, «проучился там пять с половиной семестров». В том же 1944 году архиепископ Тульский Виталий заметил молодого алтарника в храме и пригласил его на должность своего иподиакона. «Три архиерейские личности сыграли в моей жизни огромную, если не решающую роль», – любил говорить много позже нижегородский святитель. Первым из этих архиереев и был архиепископ Виталий.

Тульский архиепископ Виталий (в миру Владимир Федорович Введенский) был очень неоднозначной личностью. Он родился в 1870 году в Белевском районе Тульской губернии в семье диакона. Православная энциклопедия повествует, что обучался Владимир Введенский сначала в Тульском духовном училище, а потом в местной духовной семинарии. В 1891 году он принял священный сан и служил в приходах города Тулы и Тульской епархии, работал инспектором епархиального женского училища и преподавал в церковных и гражданских учебных заведениях Тулы. В 1917 году священник Владимир участвовал в заседаниях Поместного собора Русской церкви, а через два года – в 1919 году – принял монашество.

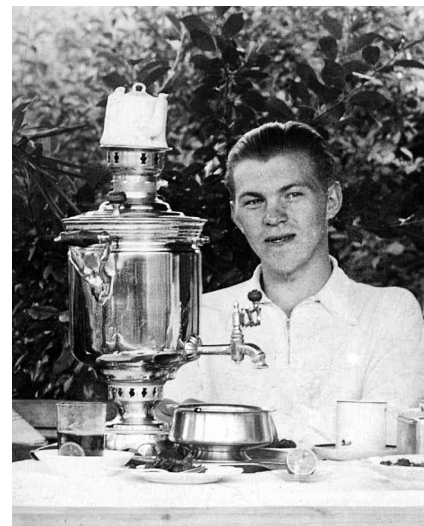
Архиерейское служение будущего тульского архиерея началось в 1920 году, когда он стал епископом Епифанским, викарием Тульской епархии, однако уже в 1922 году он под сильным влиянием членов обновленческого ВЦУ присоединился к так называемому «обновленческому расколу», за что в 1923 году по указу святейшего патриарха Тихона был лишён монашества. На протяжении последующих 22 лет он принимал активное участие в деятельности обновленческих церковных управленческих структур, получив в 1935 году даже титул «первоиерарха Московского и обновленческих православных церквей в СССР».

В 1944 году в зале заседаний Синода РПЦ архиепископ Виталий принес покаяние патриарху Сергию и был принят в общение с церковью в сане епископа. 5 мая того же года ввиду острой нехватки епископата его возвели в сан архиепископа и 13 июля назначили на Тульскую кафедру. За недолгий срок служения в Туле архиепископ Виталий оставил о себе самое благоприятное впечатление и у своей паствы, и у областного руководства.

Владыка Николай вспоминал, что «служил тульский архипастырь каждое воскресенье, каждый праздник, к службе относился не как к работе, а как к внутренней потребности своей души». И он почувствовал это: однажды придя в храм на архиерейское богослужение архиепископа Виталия, он, как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», «почувствовал в душе необычное благоговение». Именно тогда он осознал,

что Бог – есть, и всё происходящее в храме во время богослужения – это божественная истина.

Владыка Виталий принял молодого иподиакона очень приветливо, и тот ощутил очень теплое к себе отношение. По воспоминаниям владыки, архиепископ Виталий был человеком необычайной доброты, что для молодого человека, недавно вернувшегося из самого пекла войны, стало спасением и определило весь его дальнейший жизненный путь.

Николай Кутепов в Туле, 1946 г.

Полтора года Николай Кутепов прислуживал владыке Виталию в алтаре. Летом 1946 года архиепископ Виталий был назначен архиепископом Дмитровским, викарием Московской епархии, и покинул Тулу. Однако этот архиерей навсегда остался в памяти владыки Николая как пример благоговейного служения церкви, показавший Николаю всю красоту и глубину православного богослужения.

НИКОЛАЙ КУТЕПОВ И АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (МАРЦЕНКО). 1946–1951 гг.

Аетом 1946 года архиепископа Виталия (Введенского) на тульской кафедре сменил архиепископ Антоний (Марценко) – человек, который заменил Николаю Кутепову отца, стал ему мудрым духовным наставником и способствовал формированию личности будущего владыки. Николай считал архиепископа Антония одним из тех архиереев, которые «сыграли огромную роль в его человеческом и пастырском становлении».

В своем личном архиве митрополит Николай бережно хранил документы, связанные с владыкой Антонием: рукописные проповеди, статьи, письма и множество фотографий того периода своей жизни.

Архиепископ Антоний, в миру Александр Францевич Марценко, как говорил сам владыка Николай, «был человеком сложной судьбы». Он родился в 1887 году в Одессе, где и провёл первые 20 лет жизни. В 1910 году он окончил Одесскую духовную семинарию, а затем, в 1914 году, – Санкт-Петербургскую духовную академию с ученой степенью кандидата богословия. Как отмечается в Православной энциклопедии, ещё в годы обучения в академии, в 1912 году, Александр Марценко принял монашество с именем Антоний. В 1914 году иеромонах Антоний уже служил в Урминской миссии в Персии, а затем стал насельником Глинской пустыни. В 1915 году его перевели в Ставрополь, где он исполнял обязанности благочинного монастырей и преподавал в духовной семинарии.

Лихолетье революции и Гражданской войны коренным образом изменило жизнь иеромонаха Антония (Марценко). Он оказался в военных частях Белой армии Юго-Востока России и выполнял функции полкового священника и благочинного кавалерийского корпуса. В 1919 году он был

возведён в сан архимандрита. А в следующем, 1920 году, архимандрит Антоний был вынужден покинуть Россию и эмигрировал сначала в Сербию, а в 1922 году – в Польшу.

Служение в Польше затянулось на долгие и трудные 20 лет. Сначала архимандрит Антоний был назначен настоятелем варшавского Александро-Невского кафедрального собора и председателем Варшавской духовной консистории. Затем в том же году стал администратором Виленской епархии, а в феврале 1923 года был назначен епископом Люблинским, викарием Варшавско-Холмской епархии.

В ноябре 1924 года епископ Антоний высказался в поддержку автокефалии Польской православной церкви, неканонически провозглашённой константинопольским патриархом, а затем, занимая другие епископские кафедры, принимал активное участие в церковной жизни, о чём свидетельствуют сохранившиеся в личном архиве приснопамятного митрополита Николая (Кутепова) фотодокументы.

25 июня 1940 года епископ Антоний через покаяние воссоединился с Русской православной церковью и был назначен викарием Волынской епархии. В годы Второй мировой войны он мужественно нёс бремя архипастырского служения на оккупированных территориях Западной Белоруссии и Украины, в частности с августа 1941 по март 1944 года он занимал родную для него Одесско-Херсонскую кафедру. После окончания войны, по свидетельству Православной энциклопедии, архиепископ Антоний был назначен сначала на Орловскую кафедру, а 19 июля 1946 года стал новым тульским архиереем.

Отношения с тульскими властями у архиепископа Антония (Марценко) не сложились сразу. Новый тульский архиерей, долгое время живший за границей, совершенно не знал реалий советской действительности. Непонимание и трудности возникали по самым разным поводам, начиная от необходимости бесконечно согласовывать с уполномоченным решения по любому епархиальному вопросу и заканчивая препонами, которые по указанию властей чинили управляющему епархией в богослужебной и бытовой сфере.

В частности, как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», управление торговли Тульской области отказывалось продавать епархии муку для изготовления просфор ни по фиксированным, ни по коммерческим ценам, а бензин для развозов преосвященного по епархии продавали только втридорога. Священнослужителям и мирянам во время крестных ходов на Пасху запрещалось выходить за пределы церковной ограды, а в Крещение категорически возбранялось освящение вод на реках и озёрах.

Кроме того, недоверие к новому тульскому архиепископу выражалось в тотальной слежке за ним. О любом его действии, слове, произнесённом даже в самом узком кругу, сразу докладывалось в следственные органы. Телефон преосвященного прослушивался, а среди верующих и духовенства периодически проводились опросы – не высказывал ли архиепископ жалоб на жизнь в СССР и неустройство повседневного быта.

Однако владыка Антоний был умным и очень осторожным человеком. Уполномоченный докладывал вышестоящему начальству, что преосвященный никогда не жаловался и всегда повторял, что он монах и ему много не нужно. Никогда не хвалил жизнь за рубежом и не уставал благодарить областное начальство за малейшее внимание к своим нуждам.

В это время к архиепископу Антонию (Марценко) пришёл на службу фронтовик и студент 3-го курса Тульского механического института Николай Кутепов. И эта встреча полностью изменила его дальнейшую жизнь.

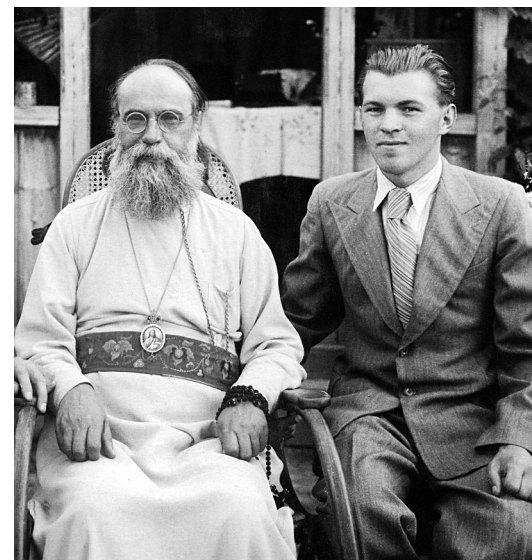
Случилось это осенью 1946 года и, вероятнее всего, их знакомство произошло за богослужением. В институте Николай тогда так и не доучился. Возможно, потому, что там узнали о работе студента в церкви. Сам владыка в одной из своих автобиографий писал так: «Я был личным секретарем тульского архиепископа... и в связи с этим я вынужден был в 1947 году оставить институт». С 1 октября 1946 года Николай Кутепов стал вторым иподиаконом и секретарем преосвященного. Позднее – келейником, и жил в доме преосвященного.

Между фронтовиком и тульским архипастырем сразу сложились теплые доверительные отношения. Николай, потерявший отца, тянулся к архипастырю, видя в нем мудрого старшего наставника и впитывая его жизненный опыт. Друг владыки Николая, митрополит Владимир (Котляров) вспоминал, что Николай «был очень привязан к своему наставнику и очень почитал его», а владыка Антоний относился к своему иподиакону с подлинно отцовской любовью и заботой. В частности, он ходатайствовал о продлении ему регистрации паспорта, прописки, помогал с подготовкой к поступлению в Московскую духовную семинарию и часто беседовал с ним на самые разные темы.

Благодаря помощи своего мудрого наставника Николай Кутепов из худого сутулого юноши с печальными глазами превратился в интересного, внутренне спокойного и уверенного в себе молодого человека с пытливым взглядом. На фотографиях тех лет видно, что он стал красиво, даже щеголевато одеваться, а лицо его осеняла едва уловимая улыбка.

Служебная деятельность иподиакона и секретаря была очень разнообразной и напряженной. Нам немного известно о тех поручениях, кото-

рые давал своему секретарю архиепископ Антоний, но в архиве владыки Николая удивительным образом сохранился один документ, свидетельствующий об этой работе. В последние декабрьские дни 1949 года, накануне праздников Рождества Христова и Крещения, настоятелям приходов Тульской епархии поступила выписка из распоряжения правящего архиерея за подписью секретаря архиепископа Антония Николая Кутепова, согласно которой «во избежание несчастных случаев освящение воды в день Крещения Господня надлежало совершать около храма и никаких церковных процессий в этот день не попускать». С этой выпиской, как отмечается в документе, настоятелям также посылались «послание на праздник Рождества Христова для оглашения в церкви за Литургией».

Архиепископ Антоний (Марценко) и Николай Кутепов, 1950 г.

Владыка Антоний был очень образованным человеком. Как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», он владел иностранными языками, разбирался в музыке, литературе, имел патефон и большую коллекцию пластинок. Заинтересовал он всем этим и своего секретаря и иподиакона. В минуты отдыха они слушали классическую музыку, и Николай научился понимать и любить её. Эту любовь к музыке нижегородский архипастырь сохранит на всю жизнь. Кроме того, архиепископ Антоний был прост в общении, и часто они сидели за самоваром или на завалинке

с самым простым людом, о чем нам также рассказывают сохранившиеся фотографии.

В начале декабря 1951 года тульские следственные органы приняли решение об аресте владыки Антония. Он был арестован 4 декабря 1951 года и осуждён по статье 58 п. 1а УК РСФСР 1938 года за «измену Родине, то есть действия, совершённые гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелёт за границу». Согласно положению этой статьи, осуждённые карались «высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет». Архиепископ Антоний был осуждён на 25 лет с полной конфискацией имущества.

Архиепископ Антоний (Марценко) с прихожанами в Туле.
Второй справа – Николай Кутепов.

Обвинение было очень серьезным. Все близкие тульского архипастыря пережили шок, но самым страшным стало не это. Для Николая Кутепова подлинным испытанием стал факт полной изоляции, в которой он

оказался после ареста владыки, когда даже священнослужители перестали с ним общаться и избегали встреч с ним. Кроме того, чтобы поколебать в народе веру в своего архипастыря, по городу о нём стали распространять самые нелепые и грязные слухи. Его обвинили в стремлении к роскоши и богатству, хотя сохранившиеся фотографии быта архиерея убедительно опровергают это.

В августе 1952 года владыка Антоний был вывезен из Тулы в неизвестном направлении, как потом выяснилось, – в Иркутскую область, в подразделения ГУЛАГа под названием ЮжЛАГ и ОзёрЛАГ, центром которых был уездный город Тайшет Иркутской области (в 680 километрах от областного центра). В течение второй половины 1952 и почти всего 1953 года Николай Кутепов ничего не знал о судьбе своего наставника. За это время Николай успел окончить Духовную семинарию и был возведён в сан диакона. В конце 1953 года между архиепископом Антонием и Николаем завязалась оживленная переписка, несмотря на всю опасность этого шага для молодого диакона

В своём личном архиве митрополит Николай бережно хранил все письма, полученные от своего духовного наставника из иркутской ссылки и копии своих писем к нему. Также он сохранил квитанции об отосланных архиепископу Антонию почтовых переводах и посылках с полным перечнем вложений в них. Это даёт нам возможность проследить историю взаимоотношений учителя и ученика на протяжении двух лет после трагических событий, связанных с арестом тульского архипастыря.

Первое письмо, сохранившееся в архиве владыки, датировано 4 декабря 1953 года. Николай пишет: «Только на днях достал Ваш адрес и считаю своим долгом написать, чтобы получить ответ». Он спрашивает своего духовного отца о том, какая помощь тому необходима, и отмечает, что «Тула вспоминает о своём архипастыре и молится, дабы Господь укрепил его и дал силы для испытаний».

23 января 1954 года архиепископ Антоний ответил своему бывшему секретарю. «Не писал, так как не знал, куда и как писать», – объясняет он своё прежнее молчание. В этом письме Антоний жалуется на сильно ослабевшее здоровье и просит никаких посылок ему не посылать, однако добавляет: «Единственно, если бы можно было прислать две пары белья, так как здесь у меня кое-что пропало».

В Чистый понедельник, 8 марта 1954 года, диакон Николай отправил своему духовному отцу письмо, в котором выразил радость, что тот даже «в такие тяжелые минуты своей жизни не теряет присутствия духа». Вместе

с письмом он отправил архиепископу Антонию большую посылку с необходимыми вещами: «Послал вам три пары белья, одна пара шерстяного, шесть платков, шесть пар носок, из которых две полушерстяных, пять лимонов и фуфайку с собственного плеча. Если вы не будете её носить, то хорошо её разрезать и употребить на портянки». В постскриптуме читаем: «Послал Вам немного денег, думаю, что они и там необходимы». В архиве приснопамятного владыки сохранились и квитанция о вручении архиепископу Антонию посылки с вещами, датированная 20 марта 1954 года, и квитанция о приёме почтового перевода на 100 советских рублей.

С мая 1954 года переписка между диаконом Николаем и архиепископом Антонием стала более оживленной и менее напряженной, поскольку, как отмечал последний, в условиях его заключения «наступило значительное облегчение» и писать можно было гораздо свободнее. Теперь они обменивались письмами каждый месяц и иногда не по одному разу.

В письме от 21 июня молодой диакон рассказывал своему духовному отцу, что в Устюжне в эти дни установилась хорошая погода, а он всё своё свободное время проводит на реке: купается и ловит рыбу. А архиепископ Антоний в ответном письме от 2 июля поделился своими мыслями и мечтами: «Мечтаю, если освобожусь, выехать на Кавказ, так как мои ноги требуют лечения». Здоровье бывшего тульского архипастыря действительно ухудшалось. В своём следующем письме он написал: «Здоровье моё значительно расшатано, и особенно ноги, так что хожу с палочкой. Всё же я твердо верю, что буду в скором времени иметь возможность увидеться с вами и проехать на Кавказ для лечения».

В это время в Москве начался пересмотр дела бывшего тульского архиепископа, об этом хлопотали его сестра Мария Францевна, разные люди из военной прокуратуры и других инстанций. В письме к Николаю, датированном 5 мая 1954 года, архиепископ Антоний писал: «Ожидаю ответа из Москвы, где у Главного военного прокурора пересматривается моё дело». В другом письме он отмечал, что эти «хлопоты продолжаются и небезуспешно», а ещё позже писал, что «курс сейчас благожелательный и некоторых освобождают». 5 марта 1953 года умер И.В. Сталин и многие политзаклочённые надеялись на освобождение.

Однако дело затягивалось. В письме от 9 июля 1954 года архиепископ Антоний писал, что по состоянию здоровья ему находиться в «местном климате далее невыносимо». А затем сетовал на власть, поступившую с ним несправедливо. В частности он писал: «Вам как моему секретарю известно, насколько я был предан советским властям, и какие отношения у меня

были с властями – за что же теперь такая немилость? ...Ведь это непотыжная для меня интрига». И добавлял: «Всю жизнь я прожил на виду, и имя мое было всегда незапятнанным. Хочу умереть на свободе».

13 августа архиепископ Антоний известил своего бывшего секретаря, что решением Военной прокуратуры от 10 июля он «должен быть вскоре, месяца через два-три, освобождён по старости лет» и сможет вернуться к месту своей службы. Николай получил письмо лишь в начале сентября. «Получил ваше письмо перед самой службой, – писал он в ответном послании. – Нет слов, которыми можно было бы выразить радость по поводу вашего освобождения, и только святость места не позволила мне прыгать, как козлу». «Я единственно, что просил у Бога, – это сохранить вас. Буду считать дни до момента встречи, и этот момент будет равносильен красному яйцу в Пасху!» Этому, однако, не суждено было случиться.

В октябре 1954 года архиепископ Антоний написал Николаю, что медицинская комиссия признала необходимость его полного освобождения, а в прокуратуре практически решён вопрос об отмене судебного приговора. Его перевели на амбулаторное лечение в иркутскую больницу, о чём он написал Николаю 19 октября: «Здесь врачи хорошие и лечат основательно, так что надеюсь скоро поправиться и прибыть домой». Однако болезнь усиливалась. Письмо от 14 декабря 1954 года владыка Антоний уже не смог написать сам, а только поставил под ним свою подпись, а 28 января следующего, 1955 года, Николай узнал от бывшего сокамерника владыки Антония, что 19 декабря 1954 года ровно в полночь его не стало. «Для меня это была тяжёлая утрата, – писал он потом. – Но, видимо, Божия воля».

Во всех письмах Николай выражал своему духовному наставнику самые добрые и искренние сыновние чувства, а архиепископ Антоний всегда находил возможность духовно поддерживать и наставлять своего воспитанника. В ответ на желание Николая высылать большие посылки он писал: «Мой верный друг, будьте бережливы, как и я был в своей жизни». А размышляя о том, что пришлось им пережить в эти непростые для обоих годы, отмечал: «Конечно, вы перестрадали немало, но всё это вознаградится... да и вообще, ваш твердый характер поможет вам в будущем». Эти слова глубоко запали в душу молодого диакона, и всей своей последующей жизнью он доказывал, насколько его духовный наставник был прав.

ОБУЧЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

1950–1952 гг.

ВСТРЕЧИ 20 ЛЕТ СПУСТЯ.

1972 г.

Предположительно в сентябре 1972 года (вероятно, не раньше, поскольку только 9 сентября 1972 года владыка Николай был удостоен сана архиепископа, в коем он и запечатлен на фотографиях) состоялась встреча выпускников Московской духовной семинарии 1952 года, среди которых был и митрополит Николай. В архиве нижегородского архипастыря сохранились два памятных фотоальбома, посвященных этому событию.

Сначала в академическом Покровском храме была отслужена Божественная литургия, которую возглавили два выпускника в епископском сане – на тот момент архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Кутепов) и архиепископ Ростовский и Новочеркасский Владимир (Котляров). После богослужения все выпускники почтили память почивших наставников – преподавателей Московских духовных школ, отслужив панихиду у памятного знака, а затем состоялось фотографирование с многочисленными родственниками в академическом саду на фоне Успенского собора и колокольни Троице-Сергиевой лавры.

После этого повзрослевшие выпускники снова сели за парты, как и 20 лет назад, причем друзья по семинарии владыка Николай, владыка Владимир, протоиерей Дмитрий Фролов и снимавший всю компанию протоиерей Леонид Кузьминов сели за последние парты, видимо, как они это делали в годы обучения. Завершилась встреча торжественной трапезой в палатах первого этажа Царских чертогов. Звучали тосты и воспоминания и, конечно, пожелания снова встретиться здесь в этом же составе. Фотографии свидетельствуют, что такая встреча состоялась – еще через 20 лет, в сентябре 1992 года.

В декабре 1998 года Московская духовная академия и семинария праздновала 50-летие возвращения в стены Троице-Сергиевой лавры. 2 декабря, в день памяти святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, Святейший Патриарх Алексий II (Ридигер) совершил Божественную литургию в лаврском Трапезном храме, а затем присутствовал на Филаретовском вечере в Московских духовных школах. В официальном отчете, опубликованном в «Журнале Московской Патриархии», отмечено, что своими воспоминаниями с участниками вечера тогда делились митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай, архиепископ Брянский и Севский Мелхиседек и другие видные церковные деятели, окончившие Московские духовные школы в те далекие годы. А вспомнить им действительно было что, поскольку время их обучения пришлось на тяжелые послевоенные годы, проходившие в сложнейших условиях антирелигиозной борьбы и отсутствия самого необходимого: одежды, книг, элементарных удобств и много другого.

Архиепископ Николай (Кутепов) и архиепископ Владимир (Котляров) за богослужением в Покровском академическом храме МДАиС, 1972 г.

Обратимся к истории. Как известно, в 1917 году после Октябрьской революции большевики объявили беспощадную войну церкви и носителям её культуры. В ходе «красного террора» массово расстреливали и сажали в лагеря выдающихся церковнослужителей и простых верующих,

разрушали храмы. В то время прекратили свою воспитательную и образовательную деятельность все духовные школы. И только Великая Отечественная война заставила главу советского правительства изменить свои взгляды на веру народа в Бога.

В сентябре 1943 года состоялась памятная встреча трех митрополитов во главе с местоблюстителем патриаршего престола Сергием (Страгородским) с руководителем советского государства И.В. Сталиным, бывшим семинаристом, вновь обратившим свой взор к Церкви во время войны. Эта встреча ознаменовала начало нового исторического этапа в истории Русской православной церкви. Отношение государства к церкви изменилось, и теперь стало возможным возрождение по всей стране закрытых еще на волне переворота 1917 года духовных школ.

По достигнутой между церковью и властью договоренности в 1944 году в Москве были открыты Православный богословский институт и Богословско-пастырские курсы, первоначальным местом размещения которых стал Московский Новодевичий монастырь. Ввиду отсутствия в обители действующих храмов студенты сначала молились в Богоявленском кафедральном соборе в Елохове, однако уже в мае 1945 года институту была передана Успенская трапезная церковь, остававшаяся вплоть до начал 1990-х годов единственной действующей на территории монастыря.

В августе 1946 года было принято решение преобразовать Московский православный богословский институт в Московскую духовную академию и семинарию (МДАиС), причем III и IV курсы института стали I и II курсами академии, а подготовительные курсы и первые два курса института – семинарией с четырехлетней программой обучения. Как пишет А.К. Светозарский, после вступительных экзаменов 1946 года в семинарии числилось 147, а в академии – 14 учащихся.

Как вспоминал один из первых студентов – архимандрит Кирилл (Павлов), воспитанники «жили в подвале, по 18 человек в комнате, кругом царила послевоенная разруха, но моральный дух студентов был очень высок. Все были заинтересованы в том, чтобы усвоить как можно больше знаний». Преподавательская корпорация состояла из 15 человек, в числе профессоров и доцентов были известный церковный писатель и богослов архимандрит Вениамин (Милов), священник Александр (Ветелев) и профессор А.И. Георгиевский.

Уже через год, в 1947 году, состоялся первый выпуск семинарии – 38 человек, 26 из которых были направлены в приходы, а 12 стали студентами духовных академий. Во время вступительных экзаменов летом того же года заявления подали более 500 человек. Причем 47 абитуриентов являлись

участниками Великой Отечественной войны, то есть пришли в духовные школы практически прямо с поля боя. Поступавшим чинились всевозможные препятствия, но у каждого было одно желание – служить церкви. 268 человек в итоге были зачислены на первый курс.

Для материальной поддержки студентов при академии был учрежден стипендиальный фонд, а размер стипендии зависел от успеваемости и старшинства курса (от 100 до 400 рублей). По предложению совета по делам Русской православной церкви преподаватели богословских учебных заведений были причислены к квалифицированным работникам народного образования и получали продовольственные карточки – такие же, как и преподаватели вузов. Студенты получали рабочие карточки, и им предоставлялась отсрочка от призыва.

Постановлением Совета Министров СССР от 29 мая 1946 года духовные академии были открыты также в Ленинграде и Киеве с числом обучающихся на первом курсе до 50 человек, а ранее открытые пастырско-богословские курсы в Ленинграде, Киеве, Саратове, Львове, Одессе, Минске, Луцке и Ставрополе были преобразованы в духовные семинарии с четырехгодичным сроком обучения. Несмотря на благожелательное отношение советского государства к церкви в этот период, атеистическая работа не была свернута полностью. В 1948–1949 годах под руководством ЦК КПСС была предпринята попытка возобновить активную антирелигиозную пропаганду и гонения на церковь в СССР. Однако позиция И.В. Сталина возобладавала, и антирелигиозная кампания была быстро свернута.

Для церкви эта вспышка атеизма однако не прошла даром: в академиях были закрыты кафедры русской религиозной мысли, а из учебных программ исключены логика, христианская психология, история философии и христианская педагогика, что имело целью понижение уровня образования духовенства. Кроме того, 189 человек из числа преподавателей и студентов духовных школ были арестованы, в том числе инспектор академии профессор архимандрит Вениамин (Милов).

В 1949 году произошло еще одно важное событие: Московские духовные школы были переведены из Москвы в Троице-Сергиеву лавру, где традиционно существовали с середины XVIII века вплоть до своего закрытия в 1919 году. Решение об этом было принято еще в ноябре 1947 года, когда Совет Министров СССР передал Московской Патриархии ряд зданий в Троице-Сергиевой лавре, в том числе и здание Царских чертогов. После небольшого ремонта чертоги, как их называют и поныне, стали и учебными аудиториями, и общежитием для студентов возрожденной духовной школы.

В 1951 году ректором МДАиС стал протоиерей Константин Ружицкий, с именем которого связана целая эпоха в истории МДАиС, когда из неё выходили архипастыри и пастыри, профессора и руководители духовного образования, заменявшие уходившее поколение, такие как митрополит Волоколамский и Юрьевский Пителим (Нечаев). Он вспоминал: «Когда нас перевели в Лавру, она представляла собой страшное запустение. Горы мусора доходили до второго этажа, все росписи были закрашены, в Покровском храме размещался клуб, а монахи ютились в двух комнатках у Святых врат. Учебников не было, библиотека начиналась с мешка книг, которые удалось сохранить в условиях запрета на духовную литературу».

Одним из выпускников того времени стал будущий архипастырь церкви Николай Васильевич Кутепов, впоследствии нижегородский владыка, поступивший в Московскую духовную семинарию в 1950 году. Решение поступить туда фронтовик Николай Кутепов принял не сразу. Как писала в газете «Нижегородские новости» от 7 ноября 1992 года многолетний пресс-секретарь владыки Т. Упирвицкая, сначала он попытался поступить в Московский энергетический институт, но эта попытка оказалась неудачной. Поэтому он поступил в Тульский механический. Однако его всегда тянуло стать врачом.

«В жизни своей я стремился стать доктором. Мне это очень нравилось, – рассказывал преосвященный. – Но шансы поступить в медицинский институт почти равнялись нулю. Вот и пошел я в механический, хотя с математикой всю жизнь был не в ладах». В механическом институте Николай Кутепов проучился всего два с половиной года и понял, что ему всё же суждено стать врачом, но врачевать не физически, а духовно – врачевать души человеческие. В середине осени 1950 года, когда занятия уже начались, Николай успешно сдал вступительные экзамены и поступил в семинарию сразу на третий курс.

Ему тогда шел 25-й год, он прошел тяготы войны и уже имел особый жизненный опыт, как многие студенты-фронтовики, и поэтому выделялся среди молодых еще семинаристов, вчерашних школьников. По воспоминаниям одноклассников по семинарии, «встретили Николая сначала настороженно, поскольку думали, что он будет претендовать на лидерство и важничать. Однако они не заметили, как полюбили его». Через некоторое время сложился круг верных друзей: Николай Кутепов, Владимир Котляров, Леонид Кузьминов и Дмитрий Фролов. Некоторые из них также прошли войну, например Дмитрий, который воевал в партизанском отряде, а после ранения обеих рук работал санитаром в госпитале. Но о тяжелых военных

годах они старались не вспоминать и сдружились потому, что им было интересно вместе.

Протоиерей Леонид Кузьминов вспоминал: «Николай был старше нас, мы еще совсем дети были, а у него уже такой жизненный опыт... Мы его сначала проигнорировали, смотрели, как он поведет себя, а он ничего, простой, добрый очень. Этим он и растопил наши сердца. Время-то тяжелое было, послевоенное, а мы многие издалека. Голодно было, с одеждой проблемы: то носков нет, то рубах, так Николай всегда поможет, свое отдаст, последнее. И никакого чувства превосходства, важности. Легко с ним было».

Студент Московской духовной семинарии Николай Кутепов, 1952 г.

Учиться однако было тяжело, уроков – очень много. Как отмечает О.В. Букова в книге «Святитель земли Нижегородской», «Николай был очень усердным и старательным, но и на шалости хватало времени и сил». Однажды, как рассказывал владыка, они устроили танцы. Классы в чертогах шли анфиладой, а в самом последнем классе стояла фисгармония. Семинаристы плотно закрыли все двери между классами и начали танцевать. Один семинарист играл вальсы, а другие парами танцевали. Это занятие оказалось столь увлекательным, что обо всем остальном они просто забыли, в том числе о занятиях. Однако когда пришел преподаватель, его реакция оказалась неожиданной: «Браво! Браво! Вот уж не знал, что семинаристы у нас артистического уклона!».

Митрополит Владимир (Котляров) вспоминал: «Знакомство с Николаем произошло в Московской семинарии, там же зародилась наша дружба, а сблизила нас любовь к классической музыке. В классе стояло фортепиано,

подойдешь иногда, поиграешь, Николай сразу тут же рядом. Он, оказывается, слушал много пластинок с классической музыкой, не считал это плохим, ззорным... Николай приобщил меня к театру, к опере, водил в Большой театр, мы слушали лучших исполнителей, прекрасные голоса, которые теперь уже достояние истории и живут лишь в наших ностальгических воспоминаниях».

Часто после вечерней службы семинарист Николай Кутепов по два-три часа, преодолевая боль в ногах, ходил по лавре. Он готовил себя к многочасовым церковным службам. Его друзья удивлялись, как он мог выносить такую боль: ампутированные на фронте ступни ног кровоточили, косточки выходили кусочками, так что ему самому приходилось их доставать щипчиками.

О.В. Букова пишет, что уже тогда будущий архипастырь учился петь: со своим другом Дмитрием Фроловым они вдвоем уходили в лесок около лавры и там репетировали ектеньи, ведь они оба хотели быть диаконами. Сам Дмитрий Фролов был иподиаконом у ректора семинарии и часто после уроков ездил в Москву на службы в церкви Знамения Пресвятой Богородицы. Оттуда он привозил друзьям с приноса хлеб и сладости, почему и получил прозвище «кормилец».

Когда учеба в семинарии подходила к концу, перед друзьями-семинаристами встал вопрос дальнейшего определения. Дмитрий сразу сказал ректору, что хочет жениться, а Владимир и Николай промолчали. Позже на вопрос преподавателя гомилетики отца Александра Ветелева о дальнейшей жизни Николай ответил: «Я иноком буду».

Еще более укрепился он в этом решении после одной поездки. «Когда я окончил семинарию, встал вопрос, что мне делать дальше: ведь для того, чтобы стать диаконом или священником, нужно либо жениться, либо принимать монашество, – рассказывал владыка. – Не то чтобы я не хотел иметь семью, просто как-то не складывалось. Тогда я отправился с одним моим товарищем в Козельск, где доживал свой век последний оптинский старец Мелетий. Он нас принял, довольно долго со мной разговаривал и благословил на монашеский постриг. Вот тогда я уже нарушить благословения не мог».

По сведениям О.В. Буковой, Дмитрий Фролов вскоре женился, а Николай Кутепов был у него свидетелем и держал венцы во время венчания. Вскоре после венчания Дмитрия рукоположили во диакона, а затем и во иерея. Он был поставлен настоятелем храма в Москве, где и прослужил почти пятьдесят лет. Сразу после семинарии Владимир Котляров и Николай помогали ему в алтаре, а последний был некоторое время его секретарем.

Однако у самого Николая в последние месяцы возникли очень серьезные затруднения, связанные с тем, что до поступления в семинарию он несколько лет был секретарем и иподиаконом тульского архиепископа Антония (Марценко), арестованного в 1950 году и сосланного в лагерь. Из-за этого на Николае Кутепове сразу было поставлено клеймо «врага народа», поэтому накануне выпуска, в начале 1952 года, его постигло новое испытание. Бывшего иподиакона владыки Антония почти месяц продержали под домашним арестом, ежедневноводя на допросы. По воспоминаниям владыки это выглядело так: «В девять часов утра я являлся в органы госбезопасности, где меня держали до двух часов ночи. А в два часа ночи начинался допрос. Но, так как за мной ничего не было, через месяц они потеряли ко мне интерес».

Так получилось, что время допросов совпало с выпускными экзаменами, но, несмотря на это, Николай смог взять себя в руки и успешно окончить курс семинарии по второму разряду. В дипломе, сохранившемся в личном архиве владыки, читаем: «20 июня 1952 года Николай Васильевич Кутепов окончил полный курс Московской духовной семинарии и при отличном поведении показал следующие успехи:

1	По Библейской истории	Три
2	По Священному Писанию Ветхого Завета	Четыре
3	По Священному Писанию Нового Завета	Четыре
4	По Катехизису	Четыре
5	По Догматическому богословию	Пять
6	По Нравственному богословию	Четыре
7	По Сравнительному богословию	Пять
8	По Основному богословию	Пять
9	По Церковному уставу	Четыре
10	По Литургике	Четыре
11	По Гомилетике	Четыре
12	По Практическому руководству для пастырей	Пять
13	По Общей церковной истории	Четыре
14	По Истории Русской церкви	Пять
15	По Расколоведению	Пять
16	По Сектоведению	Пять
17	По Конституции СССР	Пять
18	По Церковно-славянскому языку	Три
19	По Греческому языку	Четыре
20	По Латинскому языку	Три
21	По Английскому языку	Четыре
22	По церковному пению	Четыре
23	По письменным работам	Четыре

Церковно-славянский язык владыка впоследствии будет преподавать в Киевской духовной семинарии, о чем свидетельствует одна из его ранних автобиографий. Это даст ему возможность выучить его и для себя исправить нелестную оценку в дипломе.

После окончания семинарии вопрос дальнейшего определения встал с особой остротой. Выпускнику Н.В. Кутепову припомнили дружбу и работу с «врагом народа» владыкой Антонием, так что направления в академию он не получил.

Для того же, чтобы продолжать церковное служение в священном сане, необходимо было иметь рекомендацию священнослужителя и место для службы. Из архивных документов ясно, что новый тульский архиерей епископ Сергей (Ларин) сразу освободил Николая от должности секретаря и иподиакона, а затем и вовсе от него отказался. Резолюция епископа Сергея, направленная воспитаннику 4-го класса Московской духовной семинарии Н.В. Кутепову, гласила: «Освободить от должности секретаря Архиепископа Тульского и Белевского, а также второго иподиакона при Всехсвятском кафедральном соборе ввиду нецелесообразности его дальнейшего пребывания в составе работников Тульской епархии». Как вспоминал позднее владыка, епископ Сергей даже в Синод написал, чтобы домой, в Тулу, Кутепова не присылали.

О.В. Букова в своей книге отмечает, что ситуация складывалась очень сложная. Казалось, что на этом церковный путь будущего преосвященного прервется. Но Господь милостив, и в жизни Николая Кутепова появился человек, которому будущий архипастырь будет благодарен всю последующую жизнь. Этим человеком стал вологодский епископ Гавриил (Огородников). «Он принял меня вопреки всему, – вспоминал владыка. – Не побоялся и принял». И началось служение молодого выпускника в клире Вологодской епархии.

Время, проведенное владыкой Николаем в стенах Московской духовной семинарии, предопределило его жизнь. Это был первый шаг на пути самоотверженного церковного служения, которому он посвятил свою жизнь без остатка. Семинарские годы не только сформировали круг его друзей, но и ясно дали понять, что служение церкви легким не будет.

СЛУЖЕНИЕ В ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ. 1952–1954 гг.

После окончания Московской духовной семинарии в 1952 году первым местом церковного служения Николая Кутепова стала Вологодская епархия. Однако этого могло и не случиться, поскольку в начале 1950-х годов после ареста тульского архиепископа Антония (Марценко) Николай был обвинен в пособничестве врагу народа. Это было серьезным обвинением, однако Николай всё же смог успешно окончить семинарию; после нескольких месяцев изнурительных допросов обвинения с него были сняты, но позорное клеймо осталось, поэтому Николая уже никто из архиереев не хотел брать в свои епархии, а в Духовную академию ему по той же причине распределения не дали.

На службу молодого выпускника взял вологодский епископ Гавриил (Огородников). Это был один из наиболее авторитетных и уважаемых архипастырей второй половины XX столетия. Он родился 26 октября 1890 года в городке Солигаличе Костромской губернии. По окончании в 1908 году коммерческого училища поступил в училище военное, а затем прошел офицером всю Первую мировую войну и был ранен. После войны он поехал работать в Харбин на Китайско-Восточную железную дорогу, а в 1926 году поступил в Российскую духовную миссию в Китае, где изучал богословие и готовился к духовной деятельности. В 1930 году принял монашество и был рукоположен в иеродиакона, в 1933 году – в иеромонаха. С конца 1934 по 1938 год был настоятелем Михаило-Архангельской церкви в городе Дальнем.

В это время православные епархии в Китае находились в подчинении Русской православной церкви за границей, которая не имела молитвенного общения с церковью в России, но после победы Красной армии над

Германией и Японией в октябре 1945 года большая часть иерархов и клира Зарубежной церкви, находившихся в Китае, воссоединилась с матерью-церковью.

В 1948 году Гавриил уже в то время в сане архимандрита был командирован в Москву на торжества по случаю 500-летия автокефалии Русской православной церкви от Русской духовной миссии в Китае, а после торжеств, 29 августа, был хиротонисан в епископа Владивостокского. Через год, в августе 1949 года, владыка Гавриил возглавил Вологодскую кафедру.

Как пишет историк А. Жамков, «владыка Гавриил был необычайно светлым человеком. Все знавшие его люди отмечали такие его качества, как смирение, всепрощение, терпение, кротость и милосердие». Вологжане до сих пор помнят его необычайно чистый и светлый лик.

Положение в Вологодской епархии в начале 1950-х годов, как и в других епархиях русской церкви, было очень тяжелым. Антирелигиозная пропаганда в это время значительно усилилась и приняла в некоторых районах боевой и наступательный характер. Почти все местные и районные газеты время от времени помещали статьи хлесткого антирелигиозного содержания, а в школах и клубах проводились лекции и инсценировки на эти темы. Однако, по отзывам очевидцев, научная трактовка сотворения мира, происхождения человека и бытия Бога преподносились слушателям в таком виде, что изобличали докладчиков как невежественных людей, поэтому печать не раз отмечала, что подобные доклады служат только на пользу религии.

Подобное негативное отношение к религии не могло не сказаться на отношении верующих к священнослужителям, тем не менее в отчете по Вологодской епархии за 1954 год отмечалось значительное увеличение посещаемости храмов и количества крещений детей. Кроме того, только за пять лет – с 1949 по 1954 год – количество приходов в епархии увеличилось почти в шесть раз – с трех до 17.

В этих непростых условиях в конце 1952 года молодой выпускник семинарии Николай Кутепов был назначен на клирос Воскресенского собора города Череповца на должность внештатного псаломщика. Здесь, как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», он «встретил старое духовенство дореволюционной закалки, которое исповедовало Православие так, как исповедовали его многие подвижники этого северного края, такие как преп. Кирилл Белозерский, преп. Нил Сорский и другие».

Воскресенский собор Череповца был заново открыт после войны – в 1946 году и был самым большим приходом епархии. В связи со стро-

ительством в Череповце большого металлургического завода и резкого увеличения населения города уполномоченный озаботился «вредным влиянием церкви, распространяемым на десятки километров в округности». Посещаемость собора новыми рабочими действительно была очень высокой, и со стороны власти были предприняты многочисленные попытки под разными предлогами собор закрыть и снести, дабы «возвести на этом месте стадион и другие сооружения для культурного досуга советских граждан».

Настоятель Воскресенского храма протоиерей Михаил Смирнов, прихожане и весь клир, в том числе и внештатный псаломщик Николай Кутепов, сделали все возможное, чтобы не допустить уничтожения храма, и это стало для будущего архиепископа первым уроком стойкости в борьбе за свои религиозные убеждения.

Диакон Николай Кутепов в Вологде, 1953 г.

В феврале 1953 года псаломщик Николай Кутепов написал прошение с просьбой о рукоположении его во диакона, и 12 июля по благословению святейшего патриарха Алексия I (Симанского), как отмечено в официальных документах, «был возведен в диаконовый сан в безбрачном состоянии». 14 июля того же года указом епископа Гавриила диакон Николай «был зачислен в состав причта Казанской церкви в г. Устюжна».

Казанская каменная церковь была построена на месте существовавших здесь ранее деревянных церквей, сменявших друг друга в XVI–XVII веках

и располагавшихся за пределами городской застройки на «всполье». Изначально в 1547 году на этом месте находился храм, посвященный Рождеству Христову, но в 1648 году на его месте устюженским посадским человеком Михаилом Олончанином по обету был построен деревянный храм в честь явления Казанской иконы Божией Матери. В 1675 году на месте сгоревшей от удара молнии церкви построили холодный храм во имя Преполовления Пятидесятницы и теплый – во имя царевича Димитрия.

Епископ Вологодский и Череповецкий Гавриил (Огородников)

В 1694 году на месте бывших деревянных церквей на средства Григория Строганова была построена великолепная каменная Казанская церковь, а в 1764–1767 годах мастером Петром Белавиным – возведена каменная шатровая колокольня. В интерьере основного храма и паперти до сего дня сохранились росписи, выполненные в 1756–1757 годах на средства местного помещика Василия Федоровича Козлянинова артелью ярославских иконописцев под руководством Афанасия и Ивана Андреевых Шустовых. В 1937 году храм был закрыт, и в нём разместили склад автомоторов, но по просьбе верующих города Устюжны 22 октября 1943 года храм был вновь открыт.

Уже 15 июля 1953 года молодой диакон Николай Кутепов переехал на жительство в Устюжну, небольшой город в 250 километрах от Вологды. Он

поселился в доме одной прихожанки храма. Небольшой дом был рассчитан на двух хозяев и имел отдельные входы. Кроме того, дом находился недалеко от храма.

В книге «Святитель земли Нижегородской» приводятся слова этой прихожанки, которая вспоминала, что «холостяцкий быт молодого диакона делила ручная белка. Она сидела в шкафу, грызла орехи и семечки, которыми Николай кормил её, иногда прыгала на шнур от лампы под потолком и раскачивалась на нём». Кроме того, «у него было очень много книг, и он любил читать, а во время службы частенько подпевал левому клиросу, состоявшему из хора любителей».

Первое посещение великолепнейшего строгановского Казанского храма буквально потрясло Николая, однако постоянно служить на холодном каменном полу XVII века ему было очень тяжело, поскольку ампутированные ступни ныли и болели, особенно в зимние месяцы. Жажда служения Богу однако преодолевала всё. Немалым утешением молодому диакону также были частые приезды в приход епископа Гавриила. Будущий нижегородский святитель присутствовал при архиерейских служениях вологодского владыки, которые всегда отличались красотой и торжественностью, а проповеди были проникновенными и очень содержательными. Всё это впоследствии стало отличительной чертой всех богослужений и владыки Николая.

Кроме того, владыка Гавриил был прост в общении и часто вместе с пастырью и клиром ходил в лес по грибы, а потом за столом за картошкой с грибами они долго разговаривали о самых разных вещах. Эту простоту в общении будущий нижегородский святитель также усвоил и впоследствии был для своей паствы всегда близок и открыт. Таким образом время, проведенное будущим нижегородским архипастырем под омофором владыки Гавриила (Огородникова), стало для него первым и главным уроком церковной жизни, а пример вологодского архипастыря во многом сформировал характер и устои его будущего епископского служения.

ОБУЧЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

1954–1958 гг.

В одном из писем к своему духовному наставнику архиепископу Антонию (Марценко), пребывавшему тогда в ссылке в Иркутской области, будущий нижегородский святитель писал: «Не так давно возвратился из Ленинграда: был там, где Вы учились, и, быть может, ходил по тем же дорожкам, по которым и Вы ходили. Сейчас нахожусь под впечатлением города и всего того, что пришлось увидеть. Видел Ваших профессоров, а ещё больше видал Ваших учеников, которым теперь уже по 40-45 лет». Это письмо было датировано 21 июня 1954 года.

Диакон Николай Кутепов окончил Московскую духовную семинарию в 1952 году по второму разряду, но ему не дали направления в академию по причине его дружбы с «врагом народа». Тогда его, не побоявшись опасности, взял к себе в епархию епископ Вологодский и Череповецкий Гавриил (Огородников). Как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», сначала Николай служил внештатным псаломщиком Воскресенской церкви города Череповца, а после рукоположения во диакона был командирован в приход Казанской церкви Устюжны, небольшого города на западе Вологодской области.

В конце 1953 года молодой диакон задумался о продолжении своего духовного образования. Протоиерей Михаил Смирнов, настоятель и череповецкого, и устюжского храмов, сам не сумевший когда-то из-за вихрей революции получить полного духовного академического образования, поддержал его стремление и написал письмо правящему архиерею с личным ходатайством. Затем прошение написал сам диакон Николай. Епископ Гавриил благосклонно воспринял это желание, и по его ходатайству постановлением педагогического совета ЛДАиС от 2 ноября 1953 года диакон

Николай Кутепов был зачислен в число студентов первого курса заочного отделения Ленинградской духовной академии.

«Я всё же поступил на заочное отделение в Ленинградскую академию, – писал диакон Николай своему духовному наставнику в места заключения. – В свободное время занимаюсь – готовлюсь к сессии». Однако за прошедшие с ноября 1953 года полгода ему удалось лишь один раз посетить Ленинград и сдать всего три зачёта – по историографии литургики (на «отлично»), по пастырскому богословию и догматике (оба на «хорошо»). Николай писал тогда: «Первое посещение Академии показало, что с моими темпами для освоения богословских наук мне потребуется минимум восемь лет – срок долгий и обременительный».

Ещё одной причиной затруднений в прохождении академического курса, как писал диакон Николай в другом письме к архиепископу Антонию (Марценко), было «полное отсутствие учебных пособий, да и вообще какой-либо богословской литературы». Кроме того, необходимость исполнения многочисленных служебных обязанностей в Казанской церкви отвлекали молодого диакона от подготовки к экзаменам и зачётам.

В июне 1954 года диакон Николай обратился к епископу Гавриилу с письмом: «Припадая к Святительским стопам Вашего Преосвященства, сыновне испрашиваю владычнего благословения для перехода с заочного обучения при Ленинградской академии – на стационар». По словам вологодского архипастыря, «диакон Николай Кутепов был воодушевлён желанием получить высшее богословское образование», поэтому владыка Гавриил удовлетворил просьбу своего клирика и указом от 8 сентября 1954 года направил его в Ленинград «для поступления в Ленинградскую духовную академию в качестве студента-стационара».

15 сентября 1954 года будущий нижегородский святитель написал прошение на имя ректора академии протоиерея М. Сперанского: «Не имея возможности систематически прорабатывать академические лекции, а также отсутствие богословской литературы для сочинений заставляет меня обратиться к Вам с просьбой о зачислении меня на стационарное обучение».

Уже 23 сентября того же года решением совета ЛДАиС устюжский диакон Николай Кутепов был зачислен на первый курс стационарного отделения Ленинградской духовной академии. Отчёт по Вологодской епархии за 1954 год подтверждает это. Согласно ему, «диакон Казанской церкви г. Устюжны Николай Кутепов, уехавший в Ленинград, исключён из списка клира и ныне состоит студентом Духовной академии».

Согласно указу императора Петра I об организации в России общедоступных духовных школ в 1721 году при Александро-Невском монастыре по распоряжению архиепископа Новгородского Феодосия (Яновского) была учреждена Славянская школа для обучения азбуке, письму, псалтири, арифметике, грамматике и толкованию евангельских блаженств. Уже через четыре года, в 1725 году, её переименовали в Славяно-греко-латинскую семинарию, куда ученики набирались из самых разных сословий.

В 1736 году Славяно-греко-латинская семинария была объединена с семинарией, действовавшей в доме епископа Феофана (Прокоповича) на реке Карповке, а 1788 году учебное заведение было преобразовано в Главную семинарию, куда посылали учиться лучших воспитанников из других семинарий России, в том числе из Нижегородской.

Революционное лихолетье не обошло петербургские духовные школы стороной. В 1918 году академия была закрыта. Продолжателем её традиций некоторое время был Петроградский богословский институт (1920–1923 гг.), а в 1925–1928 годах – Высшие богословские курсы, но и они прекратили своё существование в связи с новой волной гонений на религию и церковь.

В годы Великой Отечественной войны в помещениях семинарии и академии работал госпиталь, однако восточная часть здания была разрушена попавшей в него авиационной бомбой, а другая часть сильно пострадала. Однако именно в это же время благодаря стараниям митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) начался новый этап в истории ленинградских духовных школ.

Как пишет петербургский историк М.В. Шкаровский, 8 сентября 1943 года новоизбранный Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) поручил тогда ещё архиепископу Григорию разработать проект организации в стране духовных учебных заведений среднего и высшего типа. Согласно этому проекту «предполагалось учредить Православный богословский институт в Москве и сеть богословско-пастырских курсов в крупных епархиях», в том числе в Ленинграде.

12 июня 1945 года согласно резолюции Святейшего Патриарха Алексия было объявлено о начале приёма слушателей на Ленинградские двухлетние богословско-пастырские курсы лиц старше 18 лет со средним образованием по рекомендациям приходских священников, а 22 ноября 1945 года состоялось торжественное их открытие.

После состоявшихся 30–31 октября приёмных экзаменов на курсы были приняты 24 человека. Согласно донесению совета по делам Русской пра-

вославной церкви, «эти ученики представляли собой совершенно особые кадры. Сюда пошли люди, выкристаллизовавшиеся при приходах как преданные церковники, по большей части немолодые... “Отцы” – старшие, оказались старорежимно настроенными фанатиками, мечтавшими к тому же скорее попасть на приходы». Таким образом, это были люди глубоко преданные церкви, сохранившие верность ей в пору самых тяжёлых гонений.

По решению Священного Синода 1 июля следующего, 1946 года, Богословские курсы были преобразованы в Ленинградскую духовную академию и семинарию. На первый курс академии были приняты 16 человек, а в семинарию – 36, причём, как и в Московских духовных школах, около половины принятых на первые курсы учащихся составляли недавние участники боевых действий.

Торжественное открытие Ленинградских духовных школ состоялось в праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1946 года в присутствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. С этого времени в возрождённой духовной школе началась учебная и молитвенная жизнь. Именно сюда, в Ленинградскую духовную академию, поступил в 1954 году будущий нижегородский святитель Николай Кутепов.

10 сентября 1954 года после двухмесячных каникул Ленинградские духовные школы приступили к занятиям. Отчёт в «Журнале Московской Патриархии» рассказывает о том, как прошёл этот день: «Утром ректор протоиерей М. Сперанский при участии всего академического духовенства отслужил в академическом храме молебен перед началом учения и призвал Божие благословение на предстоящие учащим и учащимся труды в выполнении ответственной и благородной задачи воспитания усердных пастырей церкви и преданных Родине патриотов. С особым наставлением отец ректор обратился к студентам, зачисленным в состав студентов академии и семинарии. Он напомнил им характер и назначение школы, в которую они поступили, и предупредил, что на них лежит долг дорожить званием питомца этой школы, вести себя так, чтобы не унижать её достоинства, и настойчиво, с надеждой на помощь Божию, трудиться и готовиться к предстоящему церковному служению».

Диакон Николай, вероятнее всего, не присутствовал на этом мероприятии, но слова, сказанные ректором, стали для него руководством к действию и на время обучения в академии, и в дальнейшем.

Как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», «учёба в академии была для Николая Кутепова сложной: он много и старательно учился, свободного времени у него было мало». Сокурсники нижегородского

владыки говорили потом о том времени: «После войны у нас была такая жажда к знаниям, мы так хотели много знать, мы много читали, мы так добивались истины, много спорили, обсуждали, мы горели. И горение это мы перенесли на приходы». И на всю свою жизнь, и на церковное служение.

Первый курс в академии оказался для диакона Николая Кутепова очень насыщенным. 22 ноября 1954 года он подал прошение в совет академии с просьбой разрешить ему вместо трёх сданных в период обучения на СЗО предметов заниматься в лекционное время углублённым изучением древних языков. В этом, как он писал, он «испытывал крайнюю необходимость» и ведомость успеваемости за первый курс доказывает, что это было действительно так. Согласно документам личного дела студента Кутепова такое разрешение было им получено.

В течение первого курса и всего времени обучения в академии диакон Николай Кутепов часто совершал диаконское служение. «Нам приходилось иногда служить вместе в академическом храме, – вспоминал один из однокурсников. – Он был строгий на службе, требовательный. Но с ним было проще и легче, чем с другими».

Студент Ленинградской духовной академии диакон Николай Кутепов на экскурсии в Петергофе, 1956 г.

Не упускал он возможности послужить диаконом и на приходах города Ленинграда и области. На Николу зимнего 19 декабря 1954 года по распоряжению митрополита Ленинградского и Ладожского Григория его командировали в Александро-Невскую церковь посёлка Волосово Ленинградской области.

На праздник Благовещения, в Вербное воскресенье, во время Страстной и Пасхальной седмиц 1955 года диакон Николай Кутепов совершал богослужения в Павловском соборе города Гатчины. В этом же храме он служил 22 мая 1955 года, на Вознесение (26 мая), на Троицу (5 июня) и на Духов день (6 июня). А в каникулярное время – с 1 августа по 4 сентября 1955 года – его командировали в Челябинскую область, в город Еманжелинск, где он исполнял обязанности псаломщика в местном молитвенном доме. Везде, как отмечается в отзывах с мест, диакон Николай «к своим обязанностям относился честно и добросовестно».

Кроме того, здесь в Ленинградской духовной академии будущий нижегородский владыка снова встретил своего семинарского друга, теперь уже священника Владимира Котлярова. Они, как отмечает О.В. Букова в своей книге, «жили в одной комнате. У них был проигрыватель и много пластинок – целая фонотека, что было тогда большой редкостью, поэтому к ним приходили послушать музыку и иногда спеть вместе церковные песнопения сокурсники и студенты с других курсов». Особенной популярностью у студентов пользовалась музыка великого русского композитора Петра Ильича Чайковского.

Первый курс академии диакон Николай Кутепов окончил с очень средним результатом:

№	предмет	оц.	9.	Раскол	4
1.	Священное Писание	5	10.	Пение	5
2.	Догматика	4	11.	Латинский язык	3
3.	История древней церкви	4	12.	Еврейский язык	3
4.	Апологетика	4	13.	Иностранный язык	4
5.	Литургия	4	14.	Конституция СССР	5
6.	Логика	4		Сочинение по Основному богословию	4
7.	Гомилетика	4		Сочинение по Догматике	4
8.	Пастырство	4		Сочинение по Истории Древней Церкви	4

Как отмечается в справке из академического дела, он «подал три семестровых сочинения и проповедь» и решением совета академии 18 июня 1955 года был переведён на второй курс.

В течение второго курса помимо усиленных занятий продолжилось и активное служение диакона Николая Кутепова в академическом храме и в приходах. Уже в сентябре: 11-го, 12-го и 21-го, на праздник Рождества Богородицы, его командировали в ведение епископа Таллинского и Эстонского Романа для служения в церкви Рождества Пресвятой Богородицы города Таллина. Настоятелем этого храма долгие годы был протоиерей Михаил Ридигер – отец Святейшего Патриарха Алексия Второго, друга

будущего нижегородского святителя. Отец Михаил пользовался большой любовью прихожан и, вероятно, Николай Кутепов был с ним знаком.

В каникулярный период – с 8 июня по 31 августа 1956 года Николай «служил диаконом при Иоанно-Богословской церкви села Стебачёво Ивановской епархии», о чем свидетельствует справка, сохранившаяся в личном архиве приснопамятного владыки.

Случались однако с прилежным студентом академии Николаем Кутеповым и казусы. В его академическом личном деле сохранился рапорт благочинного академического храма, в котором тот описывает события, случившиеся незадолго до окончания второго курса – в июне 1955 года. В частности благочинный пишет: «В целях большего благолепия проведения последнего воскресения учебного года (19 июня 1956 года) я назначил на раннюю Литургию иереев и диакона Николая Кутепова... Об этом всем было объявлено в столовой за обедом, а Кутепову я и лично подтвердил о его назначении служить. На что он категорически сказал: “Я сегодня, т. е. 18 июня, уезжаю, у меня и билет взят”. Каково же было моё удивление, когда 20 июня утром я встретил его в Академии и на мой вопрос „Почему же Вы не уехали?“ он каким-то пренебрежительным, панибратским тоном ответил: „А вот и не уехал!“».

Второй курс студент диакон Николай Кутепов окончил со следующими результатами:

№	предмет	оц.	10.	Сектантство	5
2.	История Древней церкви	5	11.	Гомилетика	5
3.	История Русской церкви	5	12.	Греческий язык	4
4.	Литургия	5	13.	Латинский язык	3
5.	Священное Писание В. Зав.	5	14.	Древнееврейский язык	5
6.	Патрология	4	15.	Пение	4
7.	Догматика	4		Сочинение по Патрологии	4-
8.	Основное богословие	4		Сочинение по Сектантству	4
9.	Пастырство	5		Сочинение по Истории Рус. Церкви	5

Как отмечается в справке из академического дела, он «подал три семестровых сочинения и проповедь» и решением совета Академии 31 мая 1956 года был переведён на третий курс.

Во время летних каникул 1956 года, как и в другое своё свободное время, диакон Николай находил время, чтобы изучать Ленинград – он много гулял по улицам этого удивительного города, посещал Эрмитаж и другие музеи. Кроме того, он совершил поездку по Ленинградской области, посетил Петергоф и другие знаменитые дворцовые комплексы.

В течение следующего – третьего – курса академии молодой диакон продолжал активное освоение академической программы и показывал определённые успехи, за что ему даже была на 25 советских рублей повышена стипендия.

Кроме того, он продолжал служить в храмах Ленинградской епархии, а иногда сам просил направлять его на вакантные места, о чём повествуют сохранившиеся документы. В частности, в декабре 1956 года диакон Николай подал прошение о командировании его на одно из диаконских мест Ленинградской епархии, но получил указ: «ввиду невозможности прислать в митрополичью крестовую церковь другого диакона» ему было предписано остаться служить в домовый храм ленинградского митрополита в здании Александро-Невской лавры. В то время там, до закрытия этого храма в 1960 году, служил священником друг будущего владыки, тогда ещё священник Владимир Котляров. Таким образом, мы видим, что пути двух будущих иерархов церкви пересеклись уже в академические времена.

В апреле 1957 года диакона Николая командировали «для участия в богослужениях в Екатерининской церкви села Покровское (ст. Антропшино) Ленинградской епархии» с 12 по 30 апреля. А в дни летних каникул 1957 года молодой студент-академист совершил удивительное путешествие – поездку в Узбекистан: с 15 июня по 30 августа он служил в Успенском кафедральном соборе Ташкента под началом епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Ермогена (Голубева).

Третий курс академист Николай Кутепов окончил уже по первому разряду и показал следующие успехи:

№	предмет	Оц.	9.	Патрология	5
1.	Священное Писание Н. Зав.	5	10.	Церковная археология	5
2.	Догматика	5	11.	Каноническое право	5
3.	Нравственное богословие	4	12.	Греческий язык	4
4.	Основное богословие	5	13.	Латинский язык	4
5.	Пастырское богословие	5	14.	Английский язык	4
6.	История Русской церкви	5		Сочинение по Новому Завету	5
7.	Западные исповедания	5		Сочинение по Нравственному бог.	4
8.	Византология	5		Сочинение по Каноническому праву	4

Как отмечается в справке из академического дела, он «подал три семестровых сочинения и проповедь» и решением совета академии 8 июня 1957 года был переведён на последний, четвёртый курс.

Последний год будущего нижегородского архипастыря в Ленинградской академии также выдался очень насыщенным. В декабре – в канун

и в самый праздник святителя Николая – он служил в Никольской церкви села Котлы Кингисеппского района Ленинградской области, а на Страстной и Пасхальной седмицах 1958 года совершал богослужения в Серафимовской церкви Ленинграда.

Кроме того, Николай усиленно готовился к выпускным экзаменам и писал дипломное сочинение на тему «Высокопреосвященнейший Исидор, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский», напечатанное издательским отделом Нижегородской епархии. Духовную школу диакон Николай Кутепов окончил блестяще:

№	предмет	оц.	№	Литургика	
1.	Священное Писание В. Зав.	5	13.	Патрология	4
2.	Священное Писание Н. Зав.	5	14.	Гомилетика	5
3.	Догматическое богословие	5	15.	Каноническое право	5
4.	Нравственное богословие	5	16.	Церковная археология	5
5.	Пастырское богословие	5	17.	Логика	4
6.	Апологетика	5	18.	Церковное пение	4
7.	Западные исповедания	5	19.	Древнееврейский язык	5
8.	Сектоведение и Раскол	4/5	20.	Греческий язык	4
9.	История Древней церкви	5	21.	Латинский язык	4
10.	История Русской церкви	5	22.	Иностранный язык	4
11.	Византология	5	Семестровые сочинения за 1–3 курсы		

Согласно решению совета академии, Николай Кутепов был признан окончившим курс академии по первому разряду и удостоен степени кандидата богословия.

Учеба в Ленинградской духовной школе изменила молодого диакона Николая. Это были и внутренние изменения, и поведенческие: он повзрослел, что зафиксировал один интересный документ из академического личного дела будущего владыки. Инспектор ЛДАиС профессор Л. Парийский в характеристике, данной будущему святителю ещё на третьем курсе, отмечал: «Диакон Николай Кутепов, студент хорошего поведения... Хорошо служит, общительный». Далее он пишет: «В начале своего пребывания в Академии отличался весёлым, живым характером, несдержанностью и болтливостью (на лекциях и экзаменах). В настоящее время он от этого недостатка почти отвык».

Время, проведённое в стенах Ленинградской духовной академии будущий владыка оценивал как очень интересное, а в письме своему духовному наставнику Антонию (Марценко) от 21 июня 1954 года писал: «Признаюсь Вам, что я пожалел, что поступил в Московскую, а не в Ленинградскую семинарию. Но что же делать: что прошло, то прошло».

СЛУЖЕНИЕ В КИЕВСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ. 1958–1961 гг.

В июне 1958 года Николай Кутепов окончил духовную академию по первому разряду, и уже 8 июля подал прошение в учебный комитет при Священном Синоде о предоставлении ему преподавательского места в одной из семинарий, как потом писал об этом сам владыка. 13 августа 1958 года журнальным постановлением кандидат богословия диакон Николай Кутепов был назначен на должность помощника инспектора и преподавателя Киевской духовной семинарии.

Возрождённая в 1947 году Киевская духовная школа переживала в этот момент нелёгкие времена. Со стороны советского руководства постепенно усиливалось давление на церковь в целом и на духовные школы, открытые после войны, в частности. Особенные гонения семинария в Киеве претерпевала в 1958–1959 годах. Украинские власти вели негласную подготовку к закрытию духовной школы: воспитанникам семинарии, в большинстве своём проживавшим в городе, запретили прописываться в частных квартирах, поэтому возможность продолжения ими учёбы оказалась под вопросом, а торговые организации Киева получили предписание прекратить оптовые поставки продовольствия в семинарскую столовую.

Кроме того, в 1959 году совет по делам Русской Православной церкви запретил приём в семинарии лиц с высшим и средним специальным образованием, а также предписал принимать в духовные школы только тех, кто прошёл службу в армии. Всё это привело к заметному сокращению количества студентов духовных школ. И именно в это непростое время молодой диакон Николай вступил здесь на преподавательскую стезю. Одновременно указом митрополита Киевского и Галицкого Иоанна (Соколова) Николай Кутепов был назначен сверхштатным диаконом Андреевской

церкви (на Андреевском спуске), в стилобате которой семинария находилась с 1949 года и до своего повторного закрытия в июне 1960 года. По приезде в Киев Николай, не имея никакого опыта педагогической работы, сразу включился в семинарский учебный процесс, став преподавателем церковно-славянского языка, а также исполнял обязанности по инспекторской работе. Кроме того, как писал потом владыка, «...его часто назначают сопровождать в Киеве иностранные делегации».

Через полтора месяца после назначения, 14 октября 1958 года, владыка Иоанн (Соколов) рукоположил диакона Николая в священнический сан и оставил его сверхштатным клириком Андреевской церкви. Сохранилась рукопись проповеди, произнесённой молодым иереем 21 апреля 1959 года. «Один из прекрасных даров Божиих, которыми Он награждает человека, есть дар слова. Через слово мы знакомимся с величайшими человеческими достижениями как древности, так и современности; через слово мы нравственно растём и совершенствуемся в христианских добродетелях; через слово мы общаемся друг с другом», – такие слова звучали в тот день с амвона семинарской церкви.

Вся эта педагогическая, инспекционная и служебная деятельность стала большой нагрузкой для молодого преподавателя и священника: как говорил сам владыка Николай, «он так уставал, что засыпал, едва коснувшись головой подушки».

За полтора года пребывания в Киеве, посещая богослужения в ненадолго открытой после войны Киево-Печерской лавре и напитываясь святостью преподобных киево-печерских отцов, молодой священник Николай Кутепов именно здесь сделал окончательный и осознанный выбор в пользу монашества. «Нужно сто один раз подумать, перемучиться, взвесить всё и сделать выбор, а потом уже никогда не жалеть о том, что сделал, и зажать себя в кулак, превозмочь искушения, но не изменять себе и жить, получая радость от выбранного пути», – говорил он потом, рассуждая на тему монашества.

25 декабря 1959 года по благословию митрополита Киевского и Галицкого Иоанна ректором Киевской духовной семинарии архимандритом Филаретом (Денисенко) (ныне – монах Филарет) священник Николай был пострижен в монашество с оставлением прежнего имени, став последним постриженником лавры перед её повторным закрытием в 1960-м году. Следует заметить, что впоследствии уже сам владыка Николай при многочисленных совершаемых им постригах также никогда не менял имена постригаемых, а добавлял им только их небесных покровителей.

Новым небесным покровителем самого новопостриженного иеромонаха стал святой Николай-воин, один из 40 мучеников, погибших в Севастийском озере. Это не было случайностью, ведь всё дальнейшее служение владыки Николая было полем брани на церковной стезе, особенно в годы его архипастырского служения.

Ситуация в Киевской духовной семинарии к концу 1959 года чрезвычайно усложнилась. Председатель совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР В.А. Куроедов настоятельно требовал от патриарха Алексия (Симанского) ликвидировать Киевскую семинарию. Поэтому иеромонах Николай (Кутепов) сразу после пострига, согласно постановлению Учебного комитета от 9 декабря 1959 года, отбыл на новое место служения – в Саратовскую духовную семинарию. Там он проработал инспектором с декабря 1959 года до самого её закрытия в июне 1961 года. В личном архиве приснопамятного владыки сохранилось не так много документов, свидетельствующих об этом времени в его жизни, однако они дают нам возможность приоткрыть завесу тайны над этим недолгим, но очень важным для него периодом его церковного служения.

Открытие духовной семинарии в Саратове состоялось в 1830 году трудами саратовского архиепископа Моисея (Богданова-Платонова). К началу сентября 1830 года начали прибывать первые воспитанники – ученики Пензенской семинарии, которые поступали туда из Саратовской епархии. Им надлежало заниматься в среднем и высшем отделениях. Для занятий в низшем отделении прибыли выпускники Саратовского, Петровского и Камышинского духовных училищ. 26 октября 1830 года, в воскресенье, была открыта Саратовская духовная семинария.

Перипетии революционного XX столетия не обошли духовную школу стороной. В 1906–1907 годах Саратовская семинария стала одним из оплотов так называемого «семинарского движения», направленного на революционные изменения в духовной школе, которые в случае их осуществления сделали бы из неё школу абсолютно светскую. Настроенность данного движения была откровенно антицерковной, а апогеем так называемого «семинарского движения» стали события 12 марта 1911 года, когда после всенощного бдения в притворе семинарского храма недавно отчисленный воспитанник Князевский убил ножом инспектора семинарии. Однако это, не уберегло духовную школу от закрытия в 1919 году.

Возродить Саратовскую духовную семинарию удалось лишь в 1947 году. На исторической встрече И.В. Сталина с иерархами Русской православной церкви — святейшим патриархом Алексием (Симанским), митрополитом

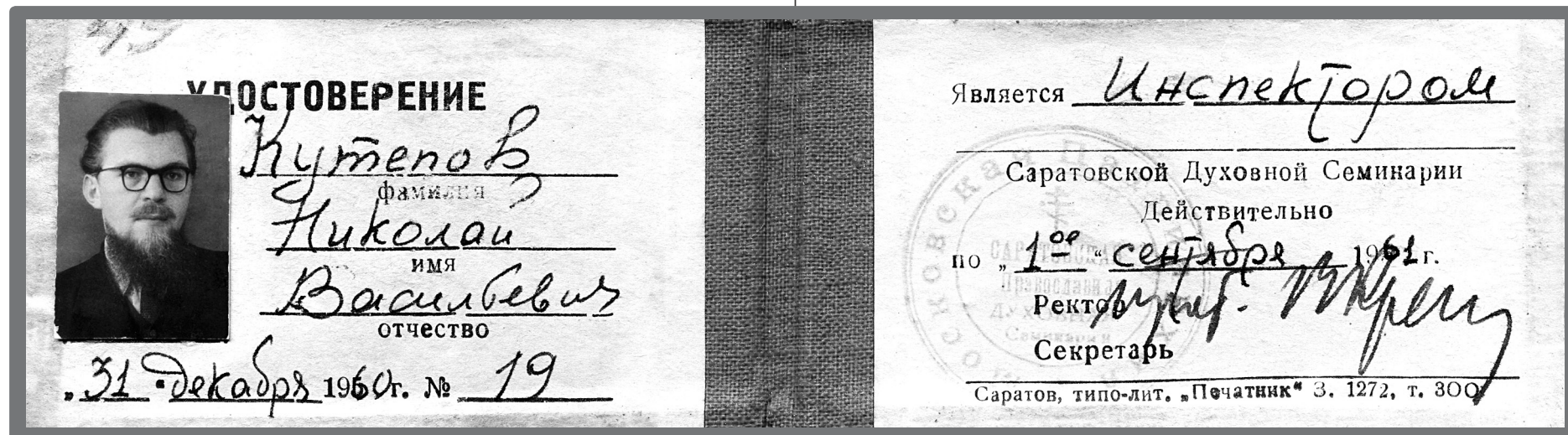

Николаем (Ярушевичем) и протопресвитером Н. Колчицким – в числе других обсуждался вопрос о возрождении духовного образования. Сталин утвердил предложения об организации при Синоде миссионерского совета и создании богословских курсов, впоследствии преобразованных в семинарии, в нескольких городах СССР, в том числе и в Саратове. В деле открытия духовной школы решительность и энергию проявил назначенный на Саратовскую кафедру епископ Борис (Вик). Произошло это знаменательное событие 16 ноября 1947 года.

Условия жизни и обучения первых студентов были достаточно стесненными. От общежития воспитанникам приходилось ехать в семинарию на трамвае и ещё идти несколько кварталов пешком. Семинаристы получали стипендию в размере 90 рублей старыми деньгами, а совсем бедным за счёт семинарии покупали одежду. Однако, как рассказывали выпускники тех лет, «преподавание шло хорошо, несмотря на то, что учебников не было почти никаких и семинаристы просто записывали лекции наставников. В библиотеке было несколько учебников по катехизису, только и всего. Книги для библиотеки скупались у частных лиц и родственников умерших священников».

За десять лет своего существования – с 1948 по 1958 год – послевоенная Саратовская православная духовная семинария стала солидным

Удостоверение инспектора Саратовской духовной семинарии
иеромонаха Николая (Кутепова), 1960 г.

богословским учебным заведением. Юбилейный 1957–1958 учебный год стал годом наивысшего её подъёма, но в то же время и годом, с которого начался её закат. В результате гонений на церковь, возобновившихся с особой силой с конца 1950-х годов, по всей стране резко сократился приём абитуриентов в семинарии. Это должно было стать, по замыслу властей, удобным предлогом для закрытия духовных школ.

Советское руководство «рекомендовало» святейшему патриарху Алексию I (Симанскому) закрыть несколько семинарий, ссылаясь на незначительное число учащихся и на неудовлетворительные бытовые условия. В том числе и Киевскую, из которой перед самым её закрытием в Саратовскую духовную семинарию был переведён молодой иеромонах Николай (Кутепов), о чем свидетельствует сохранившееся в его архиве распоряжение учебного комитета от 11 декабря 1959 года.

Иеромонах Николай прибыл в Саратовскую духовную семинарию в январе 1960 года и был назначен на должность инспектора. Эта работа была ему уже знакома по прежнему месту служения. Его помощником стал молодой диакон Иоанн (Снычев), будущий митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, выпускник послевоенной Саратовской духовной семинарии. Как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», «они нашли общий язык и ладили, но иногда, как говорил позже владыка Николай, помощнику от него крепко доставалось за то, что тот не мог так быстро крутиться, как требовалось».

Трудились они, вероятно, хорошо, поскольку к празднику Пасхи 1960 года иеромонах Николай (Кутепов) святейшим патриархом Алексием I (Симанским) был награждён наперсным крестом. Ходатайствовал о награждении архиепископ Саратовский и Сталинградский Палладий (Шерстников) (указ от 4 апреля 1960 года из архива владыки).

Духовную школу тогда возглавлял ректор, профессор богословия протоиерей Василий Кремлёв. Об этом священнослужителе будущий нижегородский владыка вспомнит, когда в 1977 году приедет на новое место своего служения – в город Горький. В книге «Святитель земли Нижегородской» говорится: «Первым, кого владыка встретил в доме при Карповской церкви, была Раиса Ивановна Кремлёва, но отца Василия в живых уже не было».

Служение в Саратовской семинарии было очень насыщенным. Иеромонах Николай совершал богослужения и проповедовал в семинарской церкви домового типа во имя преп. Серафима Саровского, занимался хозяйственной деятельностью, выезжал в служебные командировки в Москву, однако весной 1961 года над Саратовской семинарией нависла реальная угроза закрытия. В мае иеромонах Николай обратился в учебный комитет с просьбой дать ему возможность продолжить преподавательскую работу в другой духовной школе, однако на тот момент, согласно резолюции святейшего патриарха, нигде «вакантных преподавательских мест не оказалось».

Через месяц, 9 июня 1961 года, по распоряжению учебного комитета «в связи с предстоящим слиянием Саратовской семинарии с другими семинариями и отсутствия в них вакансий преподавательского состава» иеромонах Николай (Кутепов) по окончании учебного года был откомандирован в распоряжение архиепископа Палладия. А 14 августа того же года указом святейшего патриарха Алексия I (Симанского) иеромонаху Николаю (Кутепову), инспектору Саратовской духовной семинарии, было определено быть епископом Мукачевским и Ужгородским. На этом недолгая педагогическая деятельность владыки Николая закончилась.

Работа в Киевской (1958–1959 гг.) и Саратовской (1960–1961 гг.) духовных школах оставила глубокий след в судьбе владыки Николая и впоследствии он всегда с необыкновенной теплотой и сердечностью вспоминал эти трудные и в то же время благодатные годы. Потому огромным желанием владыки было возрождение духовного образования в Нижегородской епархии, служению в которой он посвятил свои последние годы. И при первой же возможности он сделал это – в 1993 году была открыта Нижегородская духовная семинария.

ПЕРВАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: МУКАЧЕВСКАЯ И УЖГОРОДСКАЯ.

1961–1963 гг.

«З а Божественной Литургией 10 сентября 1961 года в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры митрополитом Крутицким и Коломенским Питиримом... архимандрит Николай, содействующу Святому Духу, рукоположен во епископа Мукачевско-и Ужгородского», – сообщает Удостоверительная грамота за подписью Святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексия I (Симанского), который напутствовал нового архипастыря словами: «Божие благословение на служение в Мукачевской епархии» (письмо преосвященному епископу Мукачевскому и Ужгородскому Николаю от 28 сентября 1961 г. из архива митрополита Николая).

Для Советского Союза Закарпатская область была необычным регионом, поскольку частью СССР она стала только после Великой Отечественной войны и там были еще сильны народные религиозные традиции и было очень много храмов. Так, из отчета уполномоченного по делам религий по Закарпатской области С. Олеоленко мы узнаем, что на начало 1960-х годов в Мукачевско-Ужгородской епархии числилось «432 религиозных объединения Православной Церкви, которые обслуживали 194 священнослужителя». Несмотря на это, с самых первых дней в Закарпатье молодому епископу стало ясно, что служение легким не будет, поскольку он сразу столкнулся с противодействием со стороны греко-католиков, выразивших открытую враждебность к новому православному архипастырю. Кроме того, отношения с уполномоченным у молодого архипастыря тоже явно не складывались.

В начале своего служения в Мукачево владыка чувствовал себя несколько неуютно в новом для себя качестве архипастыря, что также отмечал уполномоченный: «Сначала вел себя рассеянно. В одной из бесед высказал свое

мнение примерно так: „Поймите, что не все поднимаемые Вами вопросы я буду решать“. Поскольку для епископа Николая (Кутепова) это была первая кафедра и он еще не имел опыта работы с советской государственной властью, он советовался почти по каждому вопросу с другими архиереями и только после этого давал ответы или не давал их вовсе. В своих отчетах закарпатский уполномоченный так описывает начало общения с новым епископом: «С первых же бесед уже заметно было, что епископ Николай получил всесторонний инструктаж от духовных лиц, имеющих практический опыт общения с уполномоченными Совета, а именно, как себя вести при решении отдельных вопросов».

В процессе руководства епархией у молодого епископа сложилось свое мнение по всему кругу возникающих проблем, о чем мы также находим свидетельства в отчетах уполномоченного по Закарпатской области. Зачастую это представление шло вразрез с установленными правилами, поэтому в справке-характеристике на нового епископа, направленной в Москву, советский чиновник писал: «Как правящий архиерей (еп. Николай. – Авт.) зарекомендовал себя с отрицательной стороны». В отчете, датированном началом 1963 года, отмечал, что «правлящий архиерей Мукачево-Ужгородской епархии епископ Николай за два года руководства допустил целый ряд отрицательных действий и явлений». А в апреле того же года докладывал в Москву, что «деятельность епископа создает препятствия в успешном выполнении законодательства о культурах по снижению религиозности в области, поэтому дальнейшее пребывание епископа Николая правящим архиереем Мукачево-Ужгородским считаем нежелательным. 16 апреля 1963 года».

Серьезные разногласия возникали между епископом и советским чиновником по вопросу штатного состава Мукачевского епархиального управления, которое, по мнению уполномоченного, было непомерно раздуто. По его словам, в епархии числились помимо правящего архиерея еще «секретарь, деловод, бухгалтер, кассир, келейник, шофер, дворник и две уборщицы», причем кроме вольнонаемного шофера это были в основном «служители культа, монахи и монашки». Поэтому чиновник выдвигал епископу серьезные претензии «в нарушении принципа добровольности в сборе денежных средств на содержание правящего архиерея и его управления». Раздражал уполномоченного и единственный в епархии великолепный хор Мукачевского монастыря, который, по его мнению, «находится на грани распада». По данным Государственного архива Закарпатской области, в 1962 году чиновник попытался запретить участие 15 монахинь обители в богослужении в Мукачевском кафедральном соборе.

Вопрос о монастырях и монашестве в отношениях между церковной и светской властью стоял особенно остро. На 1961 год в епархии оставалось всего две женские обители: Чумалевская и Никольская в Мукачеве, где находилась резиденция правящего архиерея. Давление на монастыри в эти годы продолжалось, и безбожная власть ставила перед собой вполне четкую задачу – закрыть все обители на вверенной территории. По мнению епископа Николая, которое приводит в своих отчетах уполномоченный, прежний правящий архиерей – архиепископ Варлаам (Борисевич) (1956–1961) – был слишком мягок и податлив и в епархиальных делах он и его подопечные «наломали дров, перегнули, не надо было спешить». Поэтому с первых дней своего служения в Подкарпатской Руси епископ Николай поставил перед собой задачу защищать обители и их насельниц от угрозы закрытия монастырей.

Проблема сокращения числа монашествующих обострилась. Еще при архиепископе Варлааме было дано указание подготовить удаление из двух сохранившихся женских обителей Закарпатской области всех насельниц в возрасте до 30 лет. «Настоятельница Мукачевского монастыря игуменья Параскева, – пишет в своем отчете уполномоченный, – начала готовить им гражданскую одежду: платье, костюмы, пальто и готовила их к выходу из монастыря», а также обратилась с просьбой к уполномоченному оказать помощь молодым монашкам в трудоустройстве. Как пишет советский чиновник, «вновь прибывший епископ Николай всему этому воспрепятствовал» и удаление молодых насельниц обители не состоялось. Наоборот, вопреки желанию местных властей, он отчислял из монастырей монашек «за нарушение монастырской дисциплины и порядков», в частности в начале 1963 года из двух обителей по этой причине было отчислено шесть человек.

Другой конфликт между молодым епископом Николаем и уполномоченным был связан с обширной и, как отмечает чиновник, «представляющей известную историческую ценность» библиотекой Мукачевского монастыря, которая насчитывала по разным данным около шести с половиной – семи тысяч томов. Возник вопрос о передаче её в полном объеме в специальный фонд библиотеки Ужгородского госуниверситета, и епископ Николай с этим вроде бы согласился. Однако в своем письме к настоятельнице обители отметил, что «богослужебная, богословско-историческая и каноническая литература передаче не подлежит». Это его решение вызвало очередной приступ недовольства уполномоченного.

Таким образом, в университетскую библиотеку было передано 3267 (по другим сведениям – около пяти тысяч) различных нерелигиозных книг и примерно столько же осталось в обители. В частности, «религиозные

журналы и книги издания после 1917 года, рукописные книги на церковно-славянском, латинском языках, религиозно-латинские книги, изданные в начале XVI в., и другая литература, которая не является необходимой для церковных служб». Кроме того, эту литературу правящий архиерей попытался передать в библиотеку Ленинградской духовной академии «для учебных целей», но местные власти не дали ему это сделать.

Епископ Мукачевский и Ужгородский Николай (Кутепов), 1962 г.

За два года своего служения в Закарпатье епископ Николай многое сделал для укрепления православия во вверенной ему епархии. Так, согласно сведениям из архивных документов владыки, прибыв на кафедру, он выборочно проверил 26 приходов и констатировал несоответствие годовых отчетов его предшественников реальному положению дел. В отчетах утверждалось, что с наследием унии в Закарпатской области покончено и в церквях всё совершается по уставу РПЦ, однако ни в одном из 26 храмов владыка не нашел правильно устроенного престола.

Уполномоченный в своих отчетах отмечал по этому поводу: «Епископ Николай решил покончить с Унией в епархии, лично сам посетил некоторые приходы, в церквях обнаружил много униатского». В частности, почти нигде не было лампадок, со стороны Горнего места престолы имели ниши, в которых хранились свечи, огарки, книги и т. п. На престолах вместе с Евангелием находились униатские служебники, чаши не имели надлежащих изображений, диски были без подставок. Исповедь иереи принимали, сидя на переносной исповедальнице.

Во многих храмах существовали миссийные кресты и так называемая крестная дорога. Везде оставались иконы с изображением католического

Сердца. Почти во всех храмах стояли скамьи, а в некоторых местах они даже были пронумерованы, как в театре. Все церковные обряды также имели униатскую окраску. Вот как, например, обстояли дела в кафедральном соборе города Мукачева: «Символ веры поется с „filioque“, канон не читался, из шестопсалмия читались только первый и последний псалмы; священник, выходя на проповедь, обращался к верующим со словами „Слава Иисусу Христу!“ (чисто униатское обращение); в соборе было более чем достаточно лавок; собиравший пожертвования звонил в колокольчик; престол был уставлен цветами, положенной свечи на нем не было; во время причастия не пелось „Тело Христово примите...“, записка не предлагалась... В седмичные дни Великого Поста в некоторых приходах служится Литургия св. Иоанна Златоустого...».

В целях искоренения выявленных нарушений епископ Николай, как отмечается в документах уполномоченного, «нескольких священников снял, других предупредил». Также он стремился ввести в приходах единообразие в богослужении и соблюдение православного устава, упорядочить дисциплинарные и финансовые дела епархии. В протоколе собрания благочинных от 17 декабря 1962 года читаем: «Слушали предложение преосвященного епископа Николая, который сказал, что для того, чтобы в храмах нашей епархии совершалось однообразное богослужение, необходимо каждому приходу иметь Типикон и совершать службы согласно Уставу».

Однако на деле, получалось по-разному. Так, во время посещения прихода в селе Дравцы Ужгородского района владыка нашел на престоле униатский служебник и хотел забрать его с собой, но, по сведениям уполномоченного, «собравшаяся группа прихожан воспрепятствовала этому, и епископ уехал ни с чем». Этот инцидент стал причиной разговора епископа с чиновником, который сказал, что «преосвященный своими действиями лишь взбудоражил верующих и что таким образом он не достигнет намеченной цели, но только активизирует деятельность униатов».

Однако архиерей так не считал и своим примером способствовал упорядочению богослужения, совершая «образцовые» богослужения в городских и сельских приходах епархии. В частности, в одиннадцатом номере «Журнала Московской Патриархии» за 1962 год сообщается, что «преосвященный Николай совершил в воскресенье третьей недели Великого поста – 1 апреля 1962 года – Божественную литургию в храме г. Виноградова, 20 мая – в воскресенье четвертой недели по Пасхе – в храме г. Тячев, а в воскресенье 24 июня Божественную литургию в храме г. Берегово». Во время богослужений владыка совершал рукоположения, например, 4 августа 1962 года в Вознесенском храме города Хуста он совершил рукоположение в сан диакона

выпускника Волынской духовной семинарии Иоанна Вучкана. Кроме того, за всеми богослужениями преосвященный владыка произносил поучения.

Помимо уставных богослужений в храме со словами проповеди преосвященный и другие священнослужители епархии обращались к верующим и во время частных богослужений, например, после отпеваний. Так, по сведениям уполномоченного, в июле 1962 года выяснилось, что по установленной новым епископом практике священники «произносят проповеди возле квартиры умершего и на кладбище и каждая проповедь длится примерно 15–20 минут».

По убеждению советского чиновника, «поскольку это нигде не предусмотрено, необходимо прекратить подобную надуманную практику, тем более что на отпевании присутствуют как верующие, так и неверующие родственники умершего». Епископ Николай «при решении данного вопроса проявляет неуверенность, боязнь и никаких мер не принимает», – сокрушался по этому поводу уполномоченный.

Некоторые униатские народные традиции и богослужения, сложившиеся в Подкарпатской Руси, владыка Николай поддерживал или же не препятствовал их совершению, поскольку они, вероятно, позволяли собирать в церкви больше молящихся. Одной из таких традиций было совершение в Никольском монастыре в Мукачево на праздник Успения Божией Матери так называемого «отпуста» или «одпуска», как это называется в Польше и на Западной Украине. Это чинопоследование у униатов имело два значения: престольный праздник или прощение (отпущение) грехов. По данным архива, в этот день в обители «собиралось большое количество верующего населения из многих сел области», в связи с чем уполномоченный просил епископа Николая, как и прежних преосвященных, дать благочинным указания, чтобы в этот день все священнослужители и верующие оставались в своих храмах, а не ехали в Мукачево. Владыка Николай однако «от письменного указания благочинным по этому вопросу отказался».

Отдохновением от тяжелых архипастырских трудов была для Владыки молитва в соборном храме Мукачевского Никольского монастыря, где, как и у его предшественников, была его резиденция. Насельницы обители и сегодня с теплыми чувствами вспоминают молодого епископа, а сам Владыка тогда восхищался монастырским хором, укладом жизни монастыря, порядком, рукоделиями монахинь и разумной политикой настоятельницы. По рассказам монахинь, владыка Николай всегда брал их с собой в качестве певчих в многочисленные поездки по приходам епархии, ведь в Закарпатье не принято в храмах иметь свои хоры.

Одна из таких поездок осталась в истории благодаря памятному фотоальбому, подаренному архипастырю клириками храма св. вмч. Димитрия Солунского села Верхнее Водяное Раховского района. На Троицу, 5 июня 1962 года, в этом обновленном трудами и заботами селян храме, расположенном на вершине горы Магорича, состоялось освящение главного престола.

Удивительно в этой поездке, как и во многих других, то единодушие, с которым все селяне встречали своего архипастыря. Транспарант с надписью «На многая лета Владыко!» совершенно невозможно было бы представить себе в 1960-е годы ни в одной другой епархии, особенно в России. Но здесь, на древней карпато-русской земле, православный русинский народ всегда любил богослужение и очень трепетно сохранял свои христианские традиции, несмотря ни на что.

На Пасхальной седмице 1963 года епископ Николай узнал о награждении его орденом святого князя Владимира II степени, а осенью постановлением Святейшего Патриарха и Священного Синода епископ Николай (Кутепов) был переведен на Омскую кафедру. Как вспоминал потом Владыка, служить на Мукачевской кафедре было очень непросто, но его главной целью было, как он сам говорил, «дальнейшее оправославливание приходов Мукачевско-Ужгородской епархии», что он по мере своих сил и возможностей и делал.

Помимо обязанностей по вверенной ему Закарпатской епархии епископ Мукачевский и Ужгородский Николай (Кутепов), будучи архипастырем молодым и деятельным, выполнял также общецерковную представительскую работу. В частности, с 5 по 20 октября 1961 года в СССР по приглашению патриарха Московского и Всея Руси Алексия I (Симанского) находилась делегация Сербской православной церкви во главе с патриархом Германом (Джоричем) (1958–1990 гг.). Делегация посетила Москву, Ленинград, Загорск и Одессу, о чем нам повествует памятный альбом, сохранившийся в архиве митрополита Николая. Молодой епископ Мукачевский был в числе многих иерархов Русской православной церкви в составе делегации, принимавшей высокого гостя с Балкан.

В Одессе два патриарха служили Божественную литургию в Свято-Успенском кафедральном соборе города, в сослужении членов делегации, в том числе и епископа Николая (Кутепова). Потом, как отмечают официальные источники, «между патриархом Алексием и патриархом Германом состоялся обмен мнениями по вопросам развития контактов и сотрудничества между Сербской и Русской православными церквями. Было принято совместное коммюнике, в котором, в частности, отмечалось, что оба патриарха «свиде-

тельствуют необходимость большего напряжения усилий их церквей в содействии установлению на земле прочного и справедливого мира и призывают все поместные православные церкви и инославные церковные объединения соединить свои усилия для совместной борьбы за торжество на Земле идей мира и справедливости». Встречи и беседы двух предстоятелей проходили в атмосфере братской любви и полного взаимопонимания.

Следует заметить также, что Одесса всегда была местом отдыха Святейшего патриарха Алексия I (Симанского), а затем и патриархов Пимена и Алексия II. Именно там, в Одесском Свято-Успенском мужском монастыре, у самого Черного моря располагалась патриаршая летняя резиденция. Именно сюда Святейший патриарх Алексий пригласил своих почетных гостей из Сербии.

В этой обители была построена отдельная двухэтажная патриаршая резиденция, устроены обширный сад с фонтанами, прекрасный виноградник и просторная беседка с видом на море, а непосредственно под монастырем располагался так называемый «Монастырский пляж». Святейший патриарх Алексий так описывал свое пребывание здесь: «Я дышу морским воздухом, принимаю массаж, ванны морские и надеюсь улучшить свое здоровье и самочувствие» (из письма уполномоченному по делам религий В.А. Куроедову).

Не меньшее удовольствие от пребывания в Одессе получили и высокие сербские гости. Как отмечал патриарх Алексий в другом письме уполномоченному: «В Москве и Лавре все будет, как всегда, в полном порядке, несколько беспокоит нас прием их в Ленинграде и Киеве, если будет хорошее время, то одно из этих мест мы постараемся заменить Одессой, где наши гости всегда бывают с особым удовольствием».

Другую иностранную делегацию принимал сам епископ Николай (Кутепов) уже в Закарпатье. 7 сентября 1962 года в Ужгород прилетела делегация Национального совета церквей Христа США в сопровождении представителей ОВЦС Московского Патриархата. Гости посещали и осматривали реформатские церкви Закарпатской области, а в конце визита посетили Ужгородский православный собор. Как отмечается в пространным докладе о пребывании американской делегации в Мукачевской епархии, «православный собор оставил у них очень хорошее впечатление». Настоятель ужгородского кафедрального собора о. Михаил Пензель объяснил гостям, что униаты, вернувшиеся в лоно православной церкви, не знали красоты православного богослужения, так как им объясняли, что православие – это что-то отсталое, а сейчас убедились в красоте и чистоте православия. Убедились в этом и американские гости. А еще он добавил, что «к нам в Закарпатье Святейший патриарх Алексий (Симанский) посылает самых лучших архиереев».

ВТОРАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: ОМСКАЯ И ТЮМЕНСКАЯ.

1963–1969 гг.

Постановлением церковного священноначалия от 9 октября 1963 года «епископу Мукачевскому и Ужгородскому Николаю (Кутепову) было определено быть епископом Омским и Тюменским». Как отмечает О.В. Букова в своей книге «Святитель земли Нижегородской», это назначение было для владыки неожиданным. Он стал 29-м омским архипастырем и окормлял приходы, находящиеся в Омской и Тюменской областях.

Приходов в новой епархии на момент назначения оставалось всего тринадцать: пять в Омской области и восемь – в Тюменской. А находились они друг от друга на очень большом отдалении. Тем не менее свое архипастырское служение в Сибири Преосвященный владыка начал, по своему обычаю, именно с объезда всех приходов. Картина, открывшаяся ему на местах, была очень нерадостной: в приходах царили разруха и небрежное отношение священнослужителей к своим пастырским обязанностям.

Еще одним серьезным испытанием на новом месте стало состояние архиерейского дома: он был совершенно непригоден для проживания. В доме были гнилые полы, под которыми летом стояла вода, создавая в помещении почти стопроцентную влажность. Зимой эта вода замерзала, и жить в таких условиях становилось просто опасно для здоровья, тем более что у владыки были частично ампутированы обе ступни, и он очень страдал от холода. Уполномоченный делать ремонт в доме упорно не решал, говоря каждый раз: «Жили же до вас архиереи и ничего, а вы что за барин?!» Владыка добился разрешения и возможности отремонтировать дом, но это вызвало «праведный гнев общественности» в местной прессе.

Одним из наиболее важных направлений деятельности в новой епархии было для Преосвященного Николая упорядочение богослужбной жизни на местах. По данным Омского архива, владыке удалось добиться, чтобы в крупных городах епархии – Омске и Тюмени – богослужения совершались ежедневно, а в приходских церквях – по субботам и воскресеньям. Кроме того, как свидетельствуют документы из личного архива владыки, он постановил каждое воскресенье после вечерни совершать соборное чтение акафистов.

Много внимания уделялось вопросам соблюдения Устава и порядка богослужения в приходских храмах епархии. В одной из своих дневниковых записей епископ Николай замечает: «Имел беседу с духовенством Знаменского собора (г. Тюмени. – Авт.). Вопрос касался наведения порядка. Велено субботний полиелей творить собором, а службы возглавлять отцу настоятелю». И добавляет: «Впредь годовые помянники читать на проскомидии, а не сидя за вечерней».

Сам владыка каждую неделю неуклонно совершал богослужения в одной из церквей епархии. Например, из «Журнала Московской Патриархии» (№ 9 за 1964 г.) (далее «ЖМП»), мы узнаем, что «епископ Омский и Тюменский Николай посетил г. Тобольск, где накануне праздника Святой Троицы совершил в Покровском соборе всенощное бдение, а в самый день праздника Божественную Литургию с Великой вечерней». Или же: «В воскресенье, 5 июня 1966 г., Пресвященный совершил Божественную Литургию и всенощное бдение накануне во Всехсвятской церкви г. Тюмени» («ЖМП», № 10 за 1966 г.)

Проповедь даже в эти трудные для церкви годы всегда была неотъемлемой частью совершаемых владыкой богослужений. Так, после богослужения на Троицу в 1964 году он «обратился к молящимся с поучением на тему о содержании и смысле молитвы „Царю Небесный“». В другой раз, после Божественной литургии в молитвенном доме города Тюкалинска, он произнес проповедь о христианском милосердии.

В пасхальные дни владыка ежегодно объезжал все приходы Омской епархии и совершал в них богослужения. Везде, как отмечается в «ЖМП» (№ 10 за 1967 г.), он поздравлял верующих с праздником и говорил проповеди о смысле и значении Воскресения Христова.

Особое внимание при совершении богослужения уделялось хоровым коллективам, участвующим в службе. Владыка всячески поддерживал их и стремился усилить их состав. Кроме того, довольно часто он практиковал на службах пение с народом, что было для того времени очень необычно

и сближало паству и её пастыря. Поэтому архиерейские служения всегда проходили при очень большом стечении народа. Такое ревностное отношение молодого архиерея к службе, его высокий авторитет и любовь к нему в народе не могли не вызывать беспокойства у атеистической власти. Тем более что атеизм и идея окончательного уничтожения религии по-прежнему оставались актуальными. Наступление на церковь продолжалось.

Во Всехсвятском храме Тюмени. Епископ Николай – третий справа в среднем ряду

В начале 1965 года после коллективного письма тружеников колхоза «Память Ленина» была закрыта церковь преп. Серафима Саровского в селе Суерка. Несогласные с этим решением верующие села, посмеявшие подать протест, были привлечены к ответственности. Как отмечает омский исследователь диакон Максим Семенов, «эта церковь оставалась единственным действующим храмом в сельской местности». Закрытая церковь была варварски разграблена. Затем при помощи трактора сломали иконостас и сорвали с храма кресты, а потом передали бывшую церковь под спортивный зал местной школе.

Травля самого молодого епископа велась на всех уровнях, в том числе и в советской прессе. В архиве владыки сохранилась характерная для того времени публикация: в тюкалинской районной газете «Знамя Ильича» в номере за 8 апреля 1966 года появился фельетон под названием «Укради, сын мой». Его автором значился некий И. Фисун. Фельетон начинался с того,

что священник Павел Крамаренко после «произнесения проникновенной проповеди в храме об отвращении к воровству» спешил домой, поскольку ожидал важного гостя – священнослужителя Кутепова, которого автор статьи охарактеризовал так: «Святой отец не любил жить плохо. Он не питался акридами, не носил (даже в скорбные предпасхальные дни) власяницу. Ему не хватало только современного отопления в квартире».

Епископ Омский и Тюменский
во дворе епархиального управления в Омске, 1965 г.

Далее по сюжету для решения вопроса с отоплением оба священнослужителя отправились в местный Райпотребсоюз. Там, как пишет И. Фисун, «святые паломники» потребовали от прораба Новожилова, чтобы он достал для них отопительный котел для архиерейского дома. Однако Новожилов сомневался. Тогда Крамаренко «повел речь разухабисто и залихватски. Тем же тоном ему помогал Кутепов. Они сыпали базарными словами, подмигивали, прищелкивали, похлопывали по плечу». «Отказать таким деловым людям, – пишет автор статьи, – было решительно невозможно». Тем более что прорабу были обещаны «премиальные чаевые». Через некоторое время «котел был похищен и доставлен Кутепову, а прораб получил обещанные деньги». Однако вскоре Новожилов получил четыре года лишения свободы, и это, по мнению автора фельетона, «уже по нашей

советской заповеди: Не воруй у народа!». Священнослужители же остались безнаказанными: «отец Павел еще более проникновенно читает проповеди», а «священник Кутепов смиренно бродит по епархии».

Двумя годами ранее, в октябре 1964 года, в газете «Омская правда» заявил о своем разрыве с религией бывший протодьякон В. Харитин, лишенный сана за второбрачие. Он написал, что после долгих размышлений пришел к выводу, что «бога нет, а религия для человека приносит вред». После этого ему была предоставлена возможность выступить с «разоблачениями» религии и священнослужителей, в том числе и епископа Николая, по радио и перед слушателями в различных аудиториях, что, по мнению советской прессы, «вызвало большой интерес у общественности». Ответом владыки на все эти выпады в его адрес можно считать слова, написанные им на полях фельетона: «Чти и радуйся!»

Помимо основной служебной деятельности епископ Омский и Тюменский Николай (Кутепов) полагал много трудов на продолжение своего образования в духовных школах, что требовало времени и сил. Также он принимал участие в общецерковной и миротворческой деятельности Русской православной церкви по линии Отдела внешних церковных связей (ОВЦС).

Когда в 1958 году диакон Николай Кутепов окончил Ленинградскую духовную академию, жизненные обстоятельства помешали ему заняться магистерской диссертацией. Но в 1965 году Николай (уже епископ Омский) подал прошение в ученый совет Ленинградской академии с просьбой закрепить за ним «тему магистерского сочинения по кафедре Истории Русской церкви „Тобольские архиереи XVIII столетия и их церковная деятельность в Сибирском крае“». Решением ученого совета от 3 февраля 1965 года прошение было удовлетворено.

Как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», владыка «был настроен очень решительно и провел большую работу по сбору материала»: в Тобольском архиве он просмотрел описи по 57 фондам, изучил документы канцелярии епископа Тобольского и Сибирского за 67 лет, а также внимательно просмотрел часть документов, хранящихся в Тобольском историческом музее. За несколько лет он проделал колоссальную исследовательскую работу, однако времени на серьезные научные изыскания и на написание самого магистерского сочинения катастрофически не хватало. А через четыре года, в 1969 году, владыка получил новое назначение, и работу по этой теме пришлось прекратить.

ТРЕТЬЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: РОСТОВСКАЯ И НОВОЧЕРКАССКАЯ. 1969–1970 гг.

В самом конце 1969 года епископ Омский и Тюменский Николай (Кутепов) указом Святейшего Патриарха был назначен на Ростовскую и Новочеркасскую кафедру. Это была уже третья епархия владыки за восемь лет его архипастырского служения. В первых числах января 1970 года, как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», владыка Николай уже был в Ростове-на-Дону, а 17 января он получил телеграмму от патриарха Алексия I (Симанского), в которой говорилось: «Божие благословение на служение Вашего Пресвященства в Ростовской епархии. Патриарх Алексий». Впоследствии владыка прямо на телеграмме напишет: «Служение было кратковременным и весьма бурным: вёл баталию с уполномоченным».

До XIV века Ростовская епархия входила в состав Воронежской и охватывала область войска Донского. Позже эта территория была взята под прямое управление Патриарха Московского, а затем получила статус самостоятельной единицы: 5 апреля 1829 года на Донской земле была образована Новочеркасская и Георгиевская епархия, с течением времени менявшая несколько названий.

В XX столетии Ростовская епархия разделила общую судьбу церкви в атеистическом советском государстве. К 1940 году здесь были закрыты все действовавшие ранее монастыри, а также более 620 храмов. После краткого периода «потепления» наступление на церковь в Ростове-на-Дону, как и по всему Советскому Союзу, возобновилось. Сигналом для этого стали принятые в 1954 году два постановления ЦК КПСС «о крупных недостатках» и «об ошибках» в проведении атеистической работы. В результате только за шесть лет – с 1959 по 1964 год – количество приходов

в Ростовской епархии сократилось с 213 до 64, в том числе в Таганроге осталось два храма, по одному в Батайске, Новочеркасске и Шахтах. В самом городе Ростове-на-Дону из 12 действовавших храмов оставалось только четыре, над которыми постоянно висела угроза закрытия. Именно на это непростое время – с 16 декабря 1969 по 12 ноября 1970 года – выпало служение владыки на Ростовско-Новочеркасской кафедре.

Одним из четырех действующих храмов Ростова-на-Дону был кафедральный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Он был построен в русско-византийском стиле в период с 1854 по 1860 год по типовому проекту архитектора К.А. Тона и внешне был схож с другими храмами, построенным по его проектам, в частности – с московским храмом Христа Спасителя. В 1937 году собор был закрыт, и на его территории разместился сначала зоопарк, а впоследствии – складские помещения. В военные годы было принято решение о возвращении здания собора общине верующих.

По документам Государственного архива Ростовской области, в октябре 1944 года с общиной верующих был подписан договор, согласно которому они обязались «беречь переданное им церковное здание и прочее имущество и пользоваться им в соответствии с его назначением». Состояние здания было плачевным: собор стоял без крестов на четырех боковых куполах, иконостасы правого и левого придела отсутствовали, а роспись в храме была очень сильно повреждена. Колокольня была наполовину разрушена из опасения, что немцы могут использовать её как ориентир для артиллерии и авиации, колокола были уничтожены еще в довоенное время, а росписи в первом ярусе пришли в полную негодность. Вот таким верующие приняли церковное здание и сразу же принялись приводить его в порядок. На момент приезда в Ростов-на-Дону нового епархиального архиерея в декабре 1969 года храм был действующим уже 25 лет, но его состояние по-прежнему оставляло желать лучшего.

«Собор, имея большой и богатый приход, стоит грязный, серый, внутри почерневший от копоти, – читаем мы в документах из архива ростовского уполномоченного. – Снаружи обветшалый, территория двора захлавлена, крыша требует ремонта, живопись стен потускнела от времени и копоти. Во время богослужения нет порядка, у свечных ящиков очереди, шум, толкотня». Здание требовало срочного и безотлагательного ремонта, а приходская жизнь – наведения порядка. И вот со всем этим предстояло разбираться новому архиерею.

Сделать это однако было очень непросто, поскольку ситуация в кафедральном соборе, как и во всей Ростовско-Новочеркасской епархии была

очень нездоровой. «Наш храм давно переживает внутреннюю неурядицу, разлад между церковным управлением и мирянами, что создает очень напряженную обстановку», – писали в своем письме уполномоченному по делам религий в Москву прихожане Богородице-Рождественского собора. Они отмечали, что «антагонизм возник исключительно по вине церковного управления, то есть церковного совета, так как в этот орган были поставлены люди непригодные. Эти неграмотные, невежественные, грубые люди на протяжении нескольких лет творят бесчинства, вызывая недовольство, беспорядок и открытое возмущение прихожан».

Сразу по прибытии на кафедру епископ Николай распорядился совершать богослужение в соборе ежедневно, чем тут же вызвал лютое недовольство в руководстве церковного совета. На нового архиерея тут же написали пространный донос уполномоченному. «У нас в кафедральном соборе был штатный выходной день – понедельник, который фактически использовался как санитарный день, – писали они. – Новый архиерей не считал нужным пригласить к себе церковный совет и разрешить интересующие его вопросы, а односторонним действием отменил выходной день рабочих и служащих храма, приказал священникам служить „по вся дни живота“». Епископа тут же называли мракобесом-фанатиком.

Другим поводом ополчиться на нового архипастыря стали обвинения в том, что якобы этот «мракобес-стяжатель рвется к церковной кассе». Бухгалтер собора в своём заявлении в местные органы власти писал: «Человек-мракобес и фанатик епископ Николай очень жадный до денег. Не имеющий человеческого облика, он использует все, руководствуясь божественной формулой. А его заявление: „А не так, то я прибегну к народу!“ само за себя говорит, что он не раз прибегал к провокациям в соборе». Прихожане действительно были на стороне епископа, поэтому заслужили от бухгалтера собора ярлык «клеветов и грязных фанатиков», которые, «пресмыкаясь и целуя грязные руки епископа, готовы на все, лишь бы удовлетворить его желание запустить руку в церковную кассу». «Меня удивляет, почему не обезвреживается этот мракобес-фанатик, безжалостно использующий церковный народ», – недоумевает бухгалтер собора в одном из своих многочисленных доносов.

Практика травли архиереев на Ростовской кафедре в те годы вообще была нормой. Прихожане в одном из своих писем уполномоченному в Москву отмечали, что «обстановка для служения епископа в Ростове невыносимая и умышленно создается в Ростовском кафедральном соборе на протяжении ряда лет». Так, на предшественника владыки Николая по

кафедре епископа Илариона (Прохорова) (1967–1969) «буквально с первых дней его приезда в Ростов посыпались жалобы, недовольства, анонимные письма, грязные газетные статьи якобы от верующих, а на самом деле – от кучки подстрекателей. Когда же эта провокация разоблачилась, епископа Илариона в Ростове не стало».

«Та же история, но с некоторыми вариантами, повторяется и с настоящим Ростовским епископом Николаем, – отмечали прихожане в своем письме. – Строчатся доносы, осуждаются все его действия, контролируется каждый шаг и слово. Если епископ Иларион не нравился тем, что часто служил в соборе и долго молился в алтаре, то епископ Николай не нравится тем, что он якобы редко служит в соборе, а часто выезжает в другие храмы епархии». Авторы письма отмечали, что, по мнению соборного руководства, каждый епископ «должен заслужить право служить на Ростовской кафедре, подстраиваясь под интересы церковного совета и старосты собора, а иначе на него навесят ярлык какой-нибудь грязной истории».

Кроме того, церковный совет вмешивался в дела, которые не относились к его ведению, в частности староста самолично ограничивал время службы и ставил условия, противоречащие церковному уставу. Так, в 1970 году празднование Октябрьской революции (7 и 8 ноября) выпало на Дмитриевскую родительскую субботу и воскресный день. Церковный совет решил перенести поминания усопших в субботу с 8 часов утра на 6, а в воскресенье позднюю литургию вообще отменить. Причем «служить без архиерея для сокращения времени». Владыку Николая никто, конечно, об этом в известность не поставил и более того, с ним этот вопрос вообще не обсуждался. Порядок был восстановлен, и это вызвало новый прилив ярости и доносов на правящего архиерея.

Как писал в своих воспоминаниях сокурсник будущего нижегородского архипастыря по Ленинградской духовной академии митрополит Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров), в Ростове тогда «был лютый уполномоченный по делам религии» Василий Тихонович Политико, бывший начальник КГБ, относившийся к выполнению партийной директивы по уничтожению церкви и искоренению веры в СССР с особым рвением. Даже по отзывам неверующих людей, в общении он был «груб, у него не было подхода к людям, и на жалобы он не отвечал». Но епископа Николая по каждому доносу или очередной жалобе вызывали к этому уполномоченному, и он снова повторял все претензии членов церковного совета и требовал от преосвященного, чтобы тот «разъяснил свою позицию по старосте и бухгалтеру».

Сам владыка Николай позже говорил об этом так: «В Ростове тогда ситуация сложилась тяжелая... Запрещены были земные поклоны, запрещено было ездить по епархии, запрещено было причащать детишек. Я всё это нарушал, за что тут же был назван религиозным фанатиком, мракобесом и так далее. Меня без конца вызывали к уполномоченному, дебаты с ним шли по пять-шесть часов». О характере этих дебатов мы можем судить по сохранившимся дневниковым записям владыки.

Как отмечал митрополит Владимир, «сразу по прибытии в Ростов-на-Дону владыка Николай стал просить любую другую епархию, он даже книги не разбирал, так что они так и остались лежать год в ящиках неразобранными». Епархиальный дом, как отмечал владыка, «был сносным», однако вопрос о нём новый епископ всё же хотел поднять перед ростовскими властями. 5 февраля 1970 года он попросил уполномоченного организовать ему встречу с председателем облисполкома. Ответ последовал незамедлительно. В дневнике владыки читаем: «6 февраля. Имел беседу с уполномоченным, который сказал, что он доложил председателю моё желание, но оно было встречено удивлением, так как для связи духовенства с властями есть уполномоченный. Моя настойчивость вызвала вопрос председателя: „Может у него есть какие-то вопросы?“ Какие вопросы я поднимал перед уполномоченным? Вопрос о доме. Какова его площадь – 100 м², хотя это и не так. Якобы последовал ответ: „Я живу на 50 м², а ему тесно!“»

Богослужбная деятельность владыки постоянно вызывала нескрываемое раздражение уполномоченного. Одним из аспектов этой деятельности было крещение и причащение детей. Владыка считал, что запрещение крестить и причащать младенцев, введенное уполномоченным, необходимо отменить, поскольку «оно противоречит и каноническим нормам и законодательству». Поэтому, невзирая на запреты, преосвященный «сам, а также духовенство по его требованию в соборе и в других церквях начали причащать всех детей, в том числе и школьного возраста, пришедших в церковь без родителей, а с бабушками и другими родственниками». «При этом епископ Николай у детей школьного возраста перед причащением спрашивает, какие отметки они получают в школе» – отмечает уполномоченный в своем отчете в Москву.

Уполномоченный Политико, конечно, не оставлял эти случаи без внимания. Из дневниковых записей владыки от 23 февраля узнаём, что чиновник заявил: «Ему подано два заявления, о том, что в Соборе архиереем были причащены дети неведомых лиц, которые требуют строго его наказать». Далее владыка отмечает: «Моя просьба поговорить с ними была отклонена.

Было сказано, что они обратятся в суд, который испортит мне прическу... Весь разговор сводился к тому, что напрасно начал я реформы заводить». Невозможно было без постоянных придирок совершать и уставное богослужение. В селе Александровском по благословию архиерея во время храмового праздника был проведен Крестный ход. «По этому поводу, – пишет владыка, – было проведено совещание уполномоченного с Тарасенко и Васильевым (вероятно, руководители приходского совета. – Авт.). Тарасенко велел молчать всем, кто знает, где есть упоминание о крестном ходе в храмовый праздник».

Епископ Ростовский и Новочеркасский Николай (Кутепов)
у храма с прихожанами, 1970 г.

Но изменения в богослужбной жизни епархии действительно происходили. В своем отчете уполномоченный отмечает, что на Пасху 1970 года «епископ обратился к верующим со специальным обращением, в котором призвал к активизации религиозной деятельности». «В целях усиления религиозного фанатизма епископ Ростовский и Новочеркасский Николай в дни так называемого „Великого Поста“ сам служил и обязал духовенство в Ростове и других городах области проводить специальные службы – так называемые „Пассии“, – сокрушался чиновник.

В период праздничных и предпраздничных дней преосвященный почти ежедневно совершал архиерейские богослужения в кафедральном соборе. Еще больше возмутило Политико то, что преосвященный «вечером на т. н. „Страстную пятницу“, то есть 24 апреля 1970 года, провел вынос

„Планицы“ вокруг собора, чего на протяжении нескольких лет не делали другие архиереи». Этим, конечно, владыка вызвал большой интерес у горожан. Как свидетельствует статистика того времени, количество верующих, посещавших церковь и приступавших к церковным таинствам, неуклонно росло. Так, по словам уполномоченного, на пасхальных богослужениях 1970 года присутствовало больше людей, чем в 1969-м, причем было много молодежи, которая «не только из любопытства посетила церковь, а принимала непосредственное участие в молитвах и обрядах».

Согласно сведениям из сравнительной справки о совершении религиозных обрядов в Ростовской епархии за первый квартал 1969 и 1970 годов, только в Ростове количество крещений за год выросло в два раза, а венчаний – в три раза. Такая же статистика была и по другим крупным городам Ростовской области – Таганрогу и Новочеркаску. Причем уполномоченный в своих отчетах отмечал, что в богослужениях и таинствах стали принимать участие члены партии и комсомольской организации: «Ежегодно имеется ряд случаев, когда религиозные обряды совершают семьи инженерно-технических, медицинских работников, комсомольцев и даже коммунистов». В частности, в 1970 году «окрестили своих детей члены КПСС Старокастов А.В. 1938 года рождения и Сердюков А.В. 1938 года рождения». «В марте в кафедральном соборе крестился член ВЛКСМ, студент 4-го курса механико-технического факультета Ростовского госуниверситета Ю.В. Дементьев». В это же время епархиальное управление посетили шесть человек, изъявившие желание поступить в духовные школы Русской православной церкви. С некоторыми из них владыка общался лично и давал читать богословскую литературу и периодические издания, в частности «Журнал Московской Патриархии», который студент открыто читал в аудитории в университете. Как отмечал уполномоченный, в 1970 году владыка Николай развернул в епархии «очень бурную религиозную деятельность, не считаясь с советским законодательством о религиозных культах».

Как писал владыка, среди других претензий уполномоченного к архиерею был и якобы запрет отпускать свечи приходом, и то, что календари выдавались в зависимости от выплаты взносов, и то, что проблему церковных кадров он решал людьми сомнительной репутации и т. п. Однако связи с реальностью все эти обвинения не имели. На одной из встреч с уполномоченным, согласно дневниковой записи, владыке «была прочитана жалоба, гладко написанная, в которой автор – по словам, староста одной из церквей – обещал обратиться к общественности, чтобы последняя оградила приход от требований епархии, что уполномоченный и пообещал сделать».

Кроме того, в епархии остро ощущалась постоянная нехватка денежных средств из-за малых отчислений приходов. Собираемая сумма позволяла покрыть расходы епархиального управления, выплатить пенсии и сделать отчисления на содержание Патриархии. «На отчисления в Фонд мира и погашение задолженности перед свечной мастерской, – как писал владыка, – денег уже не хватает». И далее: «Я ставил этот вопрос перед уполномоченным, который категорически заявил: „Не смей этим заниматься! Если узнаю, то буду писать в Совет“. И даже «запретил вести разговоры со старостами относительно епархиальных взносов и годовых отчетов».

Несмотря на все запреты и ограничения, религиозная жизнь в Ростовской епархии при преосвященном Николае активно развивалась. Советский чиновник по этому поводу писал: «Для сохранения своего влияния на верующих духовенство и церковно-сектантский актив модернизируют свою деятельность и приспосабливаются к современным условиям вопреки каноническим требованиям». Так, в ряде церквей стали проводить общую исповедь, заочное освящение новопостроенных домов, крещение детей окроплением водой, а не полным погружением. Было введено так называемое «народное пение» в храме вместо церковного хора.

В 1969 году в кафедральном соборе, по сведениям уполномоченного, «в целях более сильного воздействия на женщин-матерей начали активно внедрять „молитву для матерей“». Согласно статистке в 1968 году таких молитв было прочитано восемь, в 1969 – уже 385, а в 1970 – 1605! Кроме того, в хоре ростовского кафедрального собора пели кандидаты в члены КПСС и выпускники юридического факультета Ростовского госуниверситета, что для того времени было сродни подвигу или самоубийству.

В это же время в Ленинградскую духовную академию подал документы бухгалтер-ревизор треста «Грузавтотранс» Олег Михайлович Огрызков (1939 г. р.). В Московскую духовную семинарию поступили два жителя города Шахты Ростовской области Александр Николаевич Ключенко (1941 г. р.) и Владимир Иванович Горностаев (1949 г. р.). Таким образом, можно увидеть, что религиозная жизнь в Ростовской епархии с приходом нового архипастыря приобрела импульс, стала интересна разным людям, и в храм в это время пошла молодежь, что, конечно, не могло не беспокоить рьяного уполномоченного В.Т. Политико.

На своей третьей кафедре владыка Николай продолжал учиться общению с уполномоченными, которые никогда не упускали случая показать епархиальному архиерею свою почти неограниченную власть над церковью, духовенством и даже над ним – архиереем, что потом особенно

ЧЕТВЕРТАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: ВЛАДИМИРСКАЯ И СУЗДАЛЬСКАЯ. 1970–1975 гг.

отчетливо проявилось на последней кафедре владыки – в городе Горьком. Многие разговоры с уполномоченным заканчивались «добрыми советами» или угрозами. Владыка так писал об одной из бесед: «Разговор с уполномоченным кончился тем, что если я „не перемену образ мышления и не перестану ломать тубаретки“, то мне следует ехать в Москву и писать заявление, что меня уполномоченный выгнал с епархии». В другой раз в ответ на просьбу самому разобраться в одном кадровом вопросе ему было сказано, что «не его дело заниматься расследованием, а он должен реагировать на слова уполномоченного и только, т. е. выполнять или лучше осуществлять и проводить в жизнь его директивы». А однажды советский чиновник заявил: «Епископ должен молиться Богу и забыть обо всем – за него другие думают».

Уполномоченный мог накричать на владыку, стучал кулаком по столу и однажды договорился до того, что назвал преосвященного врагом народа и страны. Такого оскорбления владыка Николай уже не мог выдержать и ответил ему. «Я кровь свою на фронте за народ и страну проливал, а ты, гнида, где свои медальки заработал, на крови людской?! И не смей так со мной разговаривать!» – хрястнул кулаком по столу, да так, что уполномоченный аж подпрыгнул. А потом встал и ушел. Владыка понимал, что из епархии его все равно скоро «уберут», но так этот «нелюдь» уж точно запомнит эту встречу надолго.

Несмотря на многочисленные препятствия, некоторые реформы епископ Ростовский и Новочеркасский Николай всё же провёл. Он убедил приходы отчислять большую сумму на епархию и утвердил пенсию одной старенькой монашке, не имевшей средств к существованию, поскольку всю свою жизнь после закрытия монастыря она отдала на служение в храмах епархии.

Через 11 месяцев архипастырского служения в Ростове-на-Дону, в ноябре 1970 года, епископ Николай был переведён на Владимирскую кафедру. Уполномоченный писал тогда: «В настоящее время по нашей просьбе епископ Николай освобожден от работы в Ростовской области и вместо него Московской патриархией назначен новый архиепископ Владимир, служивший до этого патриаршим экзархом в Берлине». А сам преосвященный Владимир написал тогда: «Если владыка Николай, такой мужественный, умный и опытный человек, не смог противостоять здешнему тугодумию и тупому упорству богоборческой власти, то я тем более ничего не смогу».

Но владыка Николай смог главное – он показал верующим Ростовской кафедры, что не боится уполномоченного и может отстаивать свои права и как епископ, и как гражданин, оставаясь, несмотря ни на что, истинным пастырем для своей паствы.

В последнем интервью приснопамятного митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова), опубликованном в издании «Независимая газета. Религии» 25 апреля 2001 года, ему был задан вопрос: «Какое событие было для вас самым ярким и запомнилось вам более всего за годы вашего служения?». Владыка сказал тогда: «Я связан с церковью с 44-го года, когда вернулся с фронта. Так что за эти годы столько было всевозможных событий, что их подчас бывает очень сложно и вспомнить-то. Но я считаю самым запоминающимся то, как пришлось отстаивать от передачи под музей Владимирский Успенский кафедральный собор. Это было в 1976 году. Пришлось, конечно, приложить максимум усилий для того, чтобы этого не случилось. Конечно, я был с кафедры владимирской удалён, но ни одного дня собор уже под музеем не был». Действительно, с 1970 по 1975 год епископ (с 9 сентября 1972 г. – архиепископ) Николай занимал Владимирскую кафедру.

Обратимся к истории. Христианизация Ростово-Суздальского края началась, очевидно, в 990-е годы – с того времени захоронения в данном регионе уже совершались по христианскому обряду. В 1160-е годы князь Андрей Юрьевич Боголюбский сделал попытку основать независимую от Киева Владимирскую митрополию, однако константинопольский Патриарх отверг планы князя. Создание Владимирской епархии путём выделения её из состава Ростовской произошло лишь в 1214 году при святом благоверном князе Юрии (Георгии) Всеволодовиче, владимирском князе и основателе города Нижнего Новгорода – тогда пограничной крепости на Дятловых горах. Первоначально титул епископа звучал следующим образом: «Суздальский и Владимирский».

В 1274 году во Владимире проходил Поместный собор Русской православной церкви. Кафедральным городом епархии стал город Владимир-на-Клязьме, а правящий архиерей получил титул «Владимирского, Суздальского и Нижегородского». Территория епархии тогда состояла из Владимирского великого княжества, а также княжеств Городецкое, Костромское, Московское, Переславское, Стародубское, Юрьевское и Суздальско-Нижегородское, включавшего в себя территорию современного Нижнего Новгорода.

С 1299 года основная часть территории современной Владимирской епархии входила в состав Митрополичьей области (с 1589 — Патриаршая область, с 1721 — Синодальная область). В 1347 году на землях Суздальско-Нижегородского княжества была образована отдельная Суздальская епархия. Из неё, кстати, в 1672 году была выделена самостоятельная Нижегородская епархия. В 1744 году из состава Московской кафедры была выделена Владимирская, а в конце XVIII века она и Суздальская епархия были объединены.

В первые годы советской власти Владимирская епархия не избежала судьбы всей церкви, разорения храмов и убийства священнослужителей. Некоторое время в 1930-е годы во Владимире существовали обновленческая и григорианская религиозные структуры, однако с 1944 года Владимирская епархия существует в пределах современной Владимирской области. Из существовавших на 1912 год 1322 храмов и 35 монастырей на 1 января 1958 года в епархии оставалось всего 65 приходов, а к 1970 году — уже 51. Об этом свидетельствуют документы из личного архива митрополита Николая (Кутепова), хранящиеся ныне в фонде фундаментальной библиотеки Нижегородской духовной семинарии.

2 декабря 1970 года епископ Ростовский и Новочеркасский Николай получил телеграмму, которая известила его, что определением Священного Синода от 1 декабря он назначен епископом Владимирским и Суздальским. Как написал сам владыка на телеграмме, он получил её «в 8 часов вечера». В тот же день в 22.49 с назначением на новую кафедру владыку Николая поздравил митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов).

Уже через неделю новый владимирский архипастырь прибыл на место своего служения. Как отмечалось во втором номере «Журнала Московской Патриархии» за 1971 год, «9 декабря 1970 года, в сороковой день по кончине архиепископа Владимирского и Суздальского Онисима, епископ Николай совершил Божественную литургию в Успенском кафедральном соборе города Владимира». Цитируем далее: «Верующие города Владимира,

заполнившие собор, встретили епископа Николая добрыми молитвенными пожеланиями. Тепло приветствовал владыку и настоятель собора протоиерей Владимир Миськов с сонмом священнослужителей Владимирской епархии, выразив радость по случаю вступления архипастыря на одну из древнейших российских кафедр».

Издание отмечало: «Преосвященный Николай передал благословение своей новой пастве и обратился к ней со словом. В духе любви Христовой, говорил владыка, должна быть взаимная связь клириков и прихожан со своим архипастырем, дабы являть доброе стадо Христово. Трудное и ответственное перед Богом архипастырское служение при помощи Божией, при молитвенном предстательстве Божией Матери и святых угодников, умудряющих и укрепляющих архипастыря, может быть плодотворным». После литургии новый преосвященный совершил панихиду по архиепископу Онисиму, а затем на могиле почившего архипастыря отслужил заупокойную литию. Так началось служение владыки Николая на Владимирской кафедре.

Во Владимире владыка Николай с головой окунулся в епархиальные дела. Оказалось, что это была очень трудная епархия, даже по сравнению с прежними его непростыми кафедрами — Омской и Ростовской. Во Владимире имели место многочисленные нестроения в приходах, связанные с самодурством и недостойным поведением некоторых священнослужителей, что в полной мере отражено в сохранившихся документах личного архива приснопамятного владыки, и, конечно, с финансовыми делами общин. Как отмечает О.В. Букова, много внимания требовали строительство и ремонт епархиального управления, а также архиерейского дома.

Еще одной трудностью, а с другой стороны — и почётной обязанностью владимирского архипастыря был приём многочисленных иностранных гостей: Владимир входил и входит в самый известный туристический маршрут по России, именуемый Золотым кольцом. В программу пребывания всех туристов входило посещение древних церквей и монастырей города Владимира, часть из которых находилась в ведении епархии. А началось это после Великой Отечественной войны, когда впервые прозвучала мысль о том, что эти древние храмы нужно показывать туристам.

В отчёте по епархии за 1955 год епископ Онисим (Фестинатов) отмечал, что «в ноябре того года Успенский Кафедральный собор посетил представитель Совета по делам Православной церкви при совете министров СССР И.И. Иванов и представители Московской патриархии. Они почли достойным включить собор Успенский и другие древние храмы города

в число достопримечательностей для ознакомления с ними зарубежных делегаций и знатных гостей». Уже в том же 1955 году, согласно данным отчёта, собор и храмы епархии посетили гости из «Палестинского монастыря, группа иностранных женщин, направленных во Владимир из французского и английского посольства. Прибыли три девушки-француженки, рекомендовавшиеся любительницами русской старины» и так далее.

Архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Кутепов)
с прихожанами во Владимире, 1972 г.

Владыка Николай тоже принимал многочисленных гостей. В отчёте по епархии за 1972 год он писал, что за год Владимирскую епархию посетили «патриарх Болгарии Максим с сопровождавшими его лицами, католические священники из Италии, епископ Антиохийской церкви Антуан Мусса Чедраци с сопровождавшими его лицами (Мексика), священники из США и Западного Берлина». Кроме того, он отмечал, что ввиду большого количества приезжающих в здании епархиального управления «нижний этаж отведён для приёма иностранных гостей, а верхний служит квартирой епархиального архиерея и помещением для размещения приезжих гостей».

В отчёте за 1973 год владыка Николай отмечал, что за год Владимирскую епархию посетили гости из разных стран мира, в частности из Югославии, ФРГ, США, Индии, Японии, Италии и Румынии. Также гостями епархии были представители разных экуменических и религиозных

организаций, в частности Экуменического совета Чехословакии, Маланкарской церкви Индии и др. Приезжали туристы и гости и со всего Советского Союза. Как отмечал владыка, «всем посетившим Владимирскую епархию был оказан радушный приём и была предоставлена возможность ознакомиться с историческими памятниками Владимирского края и церковной жизнью епархии».

С приемом иностранных гостей владыка увязывал вопрос колокольных звонов при Успенском кафедральном соборе. Как известно, звонить в колокола в советские годы зачастую было просто запрещено, но преосвященный в своем письме от 11 ноября 1974 года к уполномоченному по делам религий по Владимирской области А.И. Макарову разъяснял: «Устав Русской Православной Церкви предписывает предвирать церковные службы – вечерня, утренья, Литургия – колокольными звонами». И предлагал: «Учитывая постановление об ограничении колокольного звона, в условиях Успенского собора считаю целесообразным совершать звон в течение 10 минут – 5 минут до и 5 минут после начала службы в двенадцатые, воскресные, местночтимые и особо чтимые церковные праздники. При этом следует учесть еще одно обстоятельство: в период интенсивного посещения иностранными туристами города Владимира целесообразно звонить по окончании служб».

В течение всего времени своего пребывания на Владимирской кафедре, как и в других местах своего архипастырского служения, владыка Николай часто совершал служения в приходах. Это зафиксировано в отчётах по епархиам, печатавшимся в те годы на страницах «Журнала Московской патриархии». Обратимся к этим ценным сведениям.

Согласно отчёту из № 1 за 1973 год «23 апреля 1972 года, в Неделю Святых Жен-Мироносиц он совершил Божественную Литургию, а накануне – всенощное бдение в храме во имя святителя Николая в селе Ташилово». Храм, по свидетельству издания, «был заполнен богомольцами, собравшимися из окрестных сёл. По заамвонной молитве архипастырь обратился к молящимся с словом на тему праздника. Покидая приход, епископ Николай напутствовал прихожан добрыми пожеланиями, а прихожане в свою очередь благодарили владыку за молитвы и радость церковного торжества».

11 июня того же года, в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших, преосвященный Николай совершил всенощное бдение и Божественную литургию в Троицком храме села Арбузово Собинского района. «По окончании литургии преосвященный произнёс проповедь, особо отметив, что святые угодники Божии, прославившиеся в нашей родной земле

подвигами во имя «Великого и Дивного во святых Своих Бога», сочетали служение Богу с пламенной любовью к своей Отчизне».

21 июля, в день празднования Казанской иконы Божией Матери, владыка соборно совершил уставные богослужения (всенощное бдение, Божественную литургию и молебен) в Крестовоздвиженском храме города Вязники, где находится чтимая Вязниковско-Казанская икона Богоматери. На следующий день, 22 июля, преосвященный посетил Казанский храм в селе Усолье, Троицкий храм в селе Горок и Михаило-Архангельский храм в селе Второво.

10 августа, в день празднования Смоленской иконы Божией Матери, именуемой «Одигитрия», владыка молился в соборе в честь Рождества Христова в городе Коврове на престоле, освящённом в честь Смоленской иконы. Как отмечает «ЖМП», «архипастыря приветствовали духовенство, члены исполнительного органа и верующие с цветами. За литургией владыка произнёс поучение на слова тропаря празднуемой иконе, а после был совершён молебен с возглагошением уставных многолетий». Бывал он в этом храме и в другие дни своего епархиального служения, в частности 8 января 1974 и 1975 годов, на второй день праздника Рождества Христова.

Согласно другим отчётам 19 и 26 ноября 1972 года архиепископ Владимирский и Суздальский совершал богослужения в храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Ликино Судогодского района Владимирской области, а 17 декабря 1972 года и 24 июня 1973 года молился за всенощным бдением и Божественной литургией во Всехсвятском, как отмечает «ЖМП», «недавно отреставрированном храме в селе Эдемское. Во время богослужения стройно пели два хора».

Служил владыка и в храмах, находящихся в туристических центрах. Как отмечается в отчёте по Владимирской епархии, напечатанном в № 11 «ЖМП» за 1973 год, 6 мая и 21 ноября 1973 года владыка Николай совершал богослужения в Казанском соборе города Суздаля, где «многочисленный верующий народ радостно, со словами благодарности встречал архипастыря».

24 декабря 1972 года молился в древнем Благовещенском соборе города Муром, где «за литургией произнёс проповедь о святых праотцах, живших до Рождества Христова, Ветхозаветных пророках и о всех, с верою ожидавших пришествия Христова». «Основание жизни верующего человека, – по словам владыки, – вера в Бога и любовь к Отечеству. А святые праотцы – достойные примеры для подражания в этом».

6 июля 1973 года, в день празднования Владимирской иконы Божией Матери, преосвященный совершал всенощное бдение и Божественную литургию в престольный праздник Владимирско-Богородицкой

церкви посёлка Мстёра, одного из всемирно известных центров русской иконописи. Как отмечал «ЖМП», этот «приход состоит из православных и единоверцев, но все единодушно встречали архипастыря». Здесь, как и за богослужениями в других храмах, владыка произнёс проповедь на тему праздника и «преподал верующим своё архипастырское благословение».

Интересные факты. Согласно документам Государственного архива Владимирской области, крещение в храме в то время стоило 3 рубля 50 копеек, а отпевание – 5 рублей. Сорокоуст принимали за 5 рублей, годовую – за 12 рублей, а записки на обедню – за 2 рубля с половиной. Простой молебен стоил 1 рубль, как и поминовение усопших за панихидой, а вот за чтение записки на водосвятном молебне брали 1 рубль 50 копеек. Стоимость свечей варьировалась от 15 копеек до 1 рубля 20 копеек. Согласно этой же статистике, средняя зарплата настоятеля составляла 500 рублей, а священников и диаконов – около 400.

Отношения со священнослужителями епархии у владыки Николая складывались по-разному. С теми, кто своим поведением компрометировал епархиальное начальство и вносил смуту в приходскую и епархиальную жизнь, он вёл непримиримую борьбу. Пытался вразумить их и наставить на путь истинный. Других же клириков награждал за многолетнюю и добросовестную службу.

В частности, как отмечается в «ЖМП», 29 октября 1972 года владыка совершал богослужение в Крестовоздвиженском храме в Вязниках в сослужении настоятеля храма протоиерея Лонгина Тарановского и других клириков. После литургии преосвященный Николай поздравил отца Лонгина с 65-летием со дня рождения и 40-летием служения церкви Божией. По сведениям «ЖМП», «владыка охарактеризовал юбиляра как ревностного пастыря, умелого руководителя и рачительного хозяина». К слову, о. Лонгин Тарановский за усердную церковную службу имел многочисленные церковные награды, в том числе и орден Святого равноапостольного князя Владимира II степени.

Одному из своих клириков владыка Николай вручал высокую церковную награду лично. 30 апреля 1973 года, на второй день праздника Пасхи, он совершал богослужение в Князь-Владимирском храме кафедрального города. После литургии, поздравив верующий народ с праздником Святой Пасхи, как свидетельствует «ЖМП», правящий архиерей обратился к настоятелю храма протоиерею Василию Миськову с тёплым отеческим поздравлением по случаю его 30-летнего пастырского служения и вручил о. Василию награду Святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена – орден Святого

равноапостольного князя Владимира III степени – и пожелал ему дальнейшего плодотворного служения на благо Святой церкви и Отечества. Клирики, церковный совет и прихожане поздравили настоятеля с наградой, молитвенно выразив ему свои добрые пожелания.

Архиепископ Владимирский и Суздальский Николай (Кутепов)
на экскурсии в Суздале, 1974 г.

Получал награды и сам владыка. 9 сентября 1972 года он был возведён в сан архиепископа. Как говорилось в указе Святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена, «за внимание к усердному служению Церкви Божией». Телеграммой с этим событием друга поздравил митрополит Алексей (Ридигер): «От души поздравляю Ваше Высокопреосвященство с высокой патриаршей наградой. Радуюсь за вас и молитвенно желаю многих лет плодотворного архипастырского служения на благо святой Церкви Христовой». 16 января 1975 года архиепископ Николай (Кутепов) «указом Его Святейшества и блаженства Католикоса-патриарха всея Грузии Давида V был награждён орденом Грузинской Православной церкви Святого Георгия Победоносца I степени за ревностное служение Святой Матери Церкви». Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы личного архива приснопамятного владыки.

Удивительно для советского времени, но кафедральным собором Владимирской епархии был древний Успенский собор XII века, который по всем признакам должен был быть музеем. Так случилось, что построенный в 1160 году по повелению и тщанию святого благоверного князя Андрея Боголюбского храм после 1918 года был заброшен и медленно приходил в полное запустение. Да, в нем периодически (в 1918, 1929, 1931, 1935 годах) проводили обследования и расчистку фресковых росписей, относящихся ко времени и кисти великого русского иконописца преп. Андрея Рублева, которого В.И. Ленин вносил в список «предшественников социализма, его теоретиков и борцов, а также светочей философской мысли, науки и искусства», однако в целом храм пребывал в забвении.

Согласно документам Владимирского областного архива 15 марта 1944 года было зарегистрировано религиозное объединение и в июне того же года Успенский собор в ужасающем состоянии или, как писали тогда, «в жутком запустении и загрязнении» был передан или, вернее сказать, возвращён общине верующих. Настоятель собора, будущий архиепископ Онисим (Фестинатов) описывал состояние собора на момент передачи так: «Мы были поражены необычайной загрязненностью пола, стен алтарей, иконостаса... Было больно до слез видеть нашу общерусскую святыню в таком жалком состоянии с разбитыми окнами». Сразу же за счёт средств верующих храм постепенно начали приводить «в нормальное состояние».

Чуть позже, в 1949 году, был составлен официальный акт – арендно-охранный договор с владимирским областным отделом культуры, которым предусматривалось, что община верующих обязана содержать собор в должном порядке и исправности. В том же 1949 году община собора впервые обратилась с просьбой освидетельствовать состояние древнего храма XII века, «составить дефектный акт и согласно ему провести надлежащий ремонт и восстановить станковую живопись XV века».

В 1951–1954 годах в соборе была проведена реставрация за счёт средств Московской Патриархии: частично подновлены и восстановлены фрески и иконы, исправлены дефекты кровли и коммуникаций здания. Однако это не решило главных проблем, и после очередного осмотра храма в 1972 году специальной комиссией Министерства культуры СССР стало очевидно, что фрески и иконостас собора находятся в плачевном состоянии и здание требует нового незамедлительного ремонта. Этот вопрос был поставлен перед правящим архиереем Владимирской епархии, коим тогда был архиепископ Николай (Кутепов).

Вместе с требованием провести в храме восстановительные работы стали набирать обороты голоса об изъятии здания в пользу Владимирского краеведческого музея и создании на базе храма особого музея-заповедника, что повлекло бы за собой полное прекращение в соборе служб, как говорилось, «ради сохранения памятника архитектуры». Эти голоса звучали с разных сторон. Однако вопрос был непростым, поскольку изъятие такого известного памятника архитектуры мирового значения могло вызвать нежелательный резонанс. Так, еще в 1966 году председатель СДР В. Куроедов высказывал мнение, что «закрытие такого известного не только в СССР, но в других странах собора могло бы вызвать крайне отрицательную реакцию за рубежом».

Попытки отнять собор у верующих начались еще в конце 1940-х годов – по надуманной причине «несоблюдения общиной верующих самых элементарных правил эксплуатации здания», но самые активные нападки верующие испытывали в начале 1970-х годов со стороны директора Владимиро-Суздальского исторического музея-заповедника Алисы Ивановны Аксёновой и от настраиваемых ею работников музея. «Самое сложное было в том, – вспоминал владыка, – что храмы Владимира и Суздаля подвергались бесконтрольному давлению со стороны местного исторического музея и его чересчур активной директрисы. Она совала свой нос во все дела и кричала на всех совещаниях, что свечки губят уникальные фрески Андрея Рублёва, что это безобразие и нужно забрать Успенский собор из рук верующих».

На одном из совещаний по временному закрытию и ремонту собора владыка возмущался, что «экскурсоводы открыто говорят туристам, что после ремонта собор отберут». Подтверждением этому может служить такой факт: однажды прихожанки Успенского собора (согласно сохранившимся документам) в очередной раз стали свидетелями того, как экскурсовод сказала, что «скоро здесь будет ремонт, храм закроют на пять лет, потому что с молящимися делать ничего нельзя, у них служба идёт по 8 часов» и далее намекнула гостям, что «после ремонта будут порядки другие, а молящимся сделала рукой крест». И это только один из многочисленных примеров формирования «нужного» общественного мнения. Согласно данным Государственного архива Владимирской области, волнения среди верующих были нешуточные. Доходило до того, что «некоторые прихожане стали заказывать молебны иконе Божией Матери „Владимирская“ о сохранении Успенского собора „от всех врагов, нападающих на него“».

Предполагалось, что верующим оставят пристроенный к собору Георгиевский придел и колокольню, но это помещение на тот момент было

непригодно для службы. Преосвященный Николай на одном из совещаний сокрушался по этому поводу: «Я служу здесь уже четыре года и за это время в Георгиевском приделе служили только на Пасху. Отопление плохое. Летом еще ничего, а зимой как быть?» Поэтому он боролся с этими планами всеми доступными ему средствами. Как отмечает О.В. Букова, владыка организовал Крестный ход вокруг Успенского собора в один из больших праздников, а кто-то из прихожан поделился с иностранными журналистами своими опасениями по поводу невозвращения храма после реставрации верующим, и в иностранной печати появились соответствующие заметки. Это в значительной степени способствовало тому, что власти в конце концов так и не решились передать собор музею.

12 мая 1974 было принято окончательное решение о реставрации Успенского собора, и началась активная подготовка. На этом этапе спор о принадлежности храма между епархиальными и музейными представителями разгорелся с новой силой. Музейщики предлагали богослужения в храме прекратить совсем и отремонтировать весь храм полностью, чтобы потом оставить его в ведении музея. Епархиальный же архиерей и высшее руководство Русской церкви предлагало отремонтировать частями – сначала коммуникации древней части здания XII века, а затем росписи и фрески при совместном использовании музеем и епархией.

30 мая 1974 года архиепископ Николай получил указ патриарха Московского и всея Руси Пимена, в котором владимирскому преосвященному предписывалось «благословить начало ремонтных работ, которые будут проходить в течение двух лет, с тем, чтобы после их окончания Успенский собор и дальше использовался бы общиной верующих». Согласно указу, по ходатайству исполнительного органа собора на его ремонт Патриархия выделяла 400 тысяч рублей, что по тем временам было очень немаленькой суммой. Принципиально вопрос был решён, но это не успокоило страсти, и попытки «выдавить» верующих из храма продолжались.

9 июня 1974 года, в Неделю Всех святых, в Успенском соборе владыка произносил проповедь, в которой оповестил верующих о грядущем начале реставрационных и ремонтных работ: «Ныне мы, владимирцы, должны проявить разумную волю и по примеру наших отцов приступить к восстановлению и приведению нашей святыни – Успенского собора – в тот вид, который он имел после реставрации в конце прошлого (XIX. – Авт.) столетия. Это дело и трудное и сложное. В течение последних двух лет шёл интенсивный обмен мнениями по этому вопросу, по которому принято соответствующее решение. Реставрационные работы будут разделены на

две части: первоочередные, связанные с вскрытием полов древней части храма с отправлением служб в Георгиевском приделе. Вторую часть – восстановление живописи производить по частям, с одновременным использованием собора общиной верующих и для туристического показа». Далее владыка заверял, что «если с ремонтом не справятся в установленные сроки, то есть за два года, то собор все равно будет открыт».

С сентября 1974 года богослужения совершались в Георгиевском приделе, который, согласно документам Владимирского областного архива, был вычищен, и в него было проведено отопление, а в древней части храма начались основные ремонтные работы. Завершал их в 1976 году уже архиепископ Владимир (Котляров), академический друг владыки Николая. Более детальная реставрация интерьеров собора продолжалась и после открытия собора и возобновления в нем богослужений и была полностью закончена только в 1982 году.

Постановлением Святейшего Синода от 17 апреля 1975 года архиепископа Николая было решено назначить архиепископом Калужским и Боровским. Причиной тому могла быть, прежде всего, активная позиция владыки по защите Успенского собора от захвата, но внешне это выглядело как якобы рост недовольства верующих правящим архиереем. В частности, в патриархию на архиепископа Николая стали поступать многочисленные жалобы и доносы, которые сам преосвященный рассматривал как «начало идеологической атаки на владимирского архиепископа» и как «маскировку истинных причин». Имело место и серьёзное недовольство властей его «религиозным пылом», как они говорили, и большой самостоятельностью в решении епархиальных вопросов.

Для владыки перевод из Владимира не стал неожиданностью, он предполагал это и, как показали дальнейшие события, был к этому готов. Годы, проведённые им на Владимирской кафедре, стали для него наукой, как отмечал сам владыка, – уроком «к уразумению на будущее». По воспоминаниям митрополита Владимира (Котлярова), который уже второй раз менял своего друга на кафедре, «владыку Николая во Владимире очень любили, и он действительно очень много сделал, управляя этой епархией». А сам приснопамятный митрополит потом неоднократно приезжал во Владимир, прикладывался к мощам святого благоверного князя Георгия Всеволодовича, любовался фресками преподобного Андрея Рублёва и самым великолепным Успенским собором, который ему удалось отстоять.

ПЯТАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: КАЛУЖСКАЯ И БОРОВСКАЯ.

1975–1977 гг.

В начале 1975 года епископ Николай был переведён с древней Владимирской кафедры в тихую Калугу. Причиной перевода могли стать разные события, о сути которых доподлинно неизвестно, но в те времена среди духовенства бытовало мнение, что причиной перевода стало сильное недовольство владыкой Николаем со стороны Святейшего патриарха Московского и Всея Руси Пимена.

О том, чем, вероятнее всего, было вызвано это недовольство, рассказал архимандрит Донат (Петенков) – маститый калужский пастырь, ответственный по взаимодействию с калужскими правоохранительными органами и член общественного совета при начальнике УФСИН России по Калужской области, а в те годы – простой иеромонах и секретарь Калужского епархиального управления.

Он отмечает, что «во Владимире в 1970-е годы располагался филиал иностранного отделения Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС), занимавшийся работой с иностранцами. Патриархия выделяла на эту работу немалые деньги, и владимирский архиерей мог этими средствами свободно распоряжаться. Работа в таких условиях, конечно, требовала от владимирского архиерея особого умения общения с органами власти, что было свойственно владыке Николаю, однако тогда случилось что-то такое, что нарушило нормальный ход работы».

По словам отца Доната, «в то время ходили слухи, что Святейший патриарх Пимен в начале 1975 года выделил из средств Московской Патриархии большие деньги на ремонт кафедрального Успенского собора города Владимира, но у владыки Николая тогда возникли проблемы с обязательными выплатами в Советский Фонд мира. Вероятнее всего, он использовал

эти средства на вклады в эту организацию, а когда святейший патриарх об этом узнал, он очень рассердился, и владыку Николая практически тут же перевели в Калугу».

В это время архиепископ Калужский и Боровский Донат (Щёголев) попросился на покой. Святейший патриарх Пимен не хотел, чтобы тот уходил, поскольку это был опытный и очень любимый своей паствой архипастырь. Владыка Донат сказал тогда: «Я не буду управлять епархией по телефону, поскольку мне стало тяжело даже в собственном кафедральном соборе подниматься на второй этаж. Архиерей должен быть живым архиереем, и я не собираюсь держаться за кресло». Святейший патриарх дважды пытался отговорить владыку Доната уходить, но ему этого сделать так и не удалось. И тогда остро встал вопрос: кто займёт калужскую кафедру?

Когда владыка Донат уехал в Москву, где и закончил свои земные годы в 1979 году, иеромонаху Донату (Петенкову) позвонили из патриархии (это была Лидия Константиновна Колчицкая, бывшая тогда секретарём управляющего делами): «Знаете, отец Донат, вам сейчас нужно позвонить владыке Николаю во Владимир и сказать, чтобы он завтра был на месте, то есть в Калуге. Если он не приедет в кратчайшее время, у вас и у него будут большие неприятности». Отец Донат тогда спросил: «А почему я должен быть разводящим, ведь вы понимаете – ко мне в епархию едет новый правящий архиерей, которого я не знаю, и вдруг я ему сообщаю „очень приятную“ новость. Как я буду выглядеть? А потом – это всё-таки владыка Николай!» Но получил ответ, что это было распоряжение самого святейшего патриарха Пимена.

Отец Донат рассказывал: «Я долго думал – что мне делать, и всё-таки утром набрал номер. Владыка Николай взял трубку, я представился и попытался мягко сказать, мол «владыка, вы знаете, мы вас ждём в Калуге». А он так сразу спрашивает: «А с чего это вы меня ждёте!?» Отвечаю: «Владыка, знаете, Его Святейшество беспокоится, и нас просил, чтоб мы вам напомнили, чтобы вы были у нас в Калуге». Он все понял и спрашивает: «Когда мне предписано быть?» «Вот завтра вечером вас ждём», – отвечаю. «Отец Донат, я буду. Мне вот сейчас контейнер доберут, доложат, и я сразу выезжаю вместе с ним», – это владыка Николай. Помню, тогда две фуры вещей привезли. Когда я разговаривал с владыкой, я готов был сквозь землю провалиться, поскольку миссия была чрезвычайно неприятная, но владыка Николай (Кутепов) отнёсся к этой ситуации с пониманием, потому что он понял, чем всё это было вызвано».

Таким образом, получилось так, что когда святейший патриарх Пимен подписывал владыке Донату (Щёголеву) прошение об уходе на покой, ещё

не было известно, кто будет назначен на его место, а вечером того же дня из канцелярии Патриархии сообщили, что на Калужской кафедре его сменил владимирский архиепископ Николай.

12 мая 1975 года приснопамятный владыка Николай (Кутепов) прибыл на предпоследнюю свою кафедру – в город Калугу. «Согласно указу Его Святейшества и Синода прибыл и приступил к исполнению своих обязанностей», – записал он тогда в Книге распоряжений по Калужскому епархиальному управлению. «С невесёлыми думами приехал владыка Николай в Калугу. Как долго он будет управлять новой кафедрой – год, пять? Что ждёт в новой епархии? Где жить?» (О.В. Букова, «Святитель земли Нижегородской»). На древней калужской кафедре, ведущей свою историю с 1799 года, он стал тридцать пятым архиереем.

В то время Калужское епархиальное управление находилось в частном доме в центре города. Ныне это место полностью застроено многоэтажными домами, а тогда калужские владыки и жили и работали в этом небольшом доме. У правящего архиерея было всего несколько небольших комнат и летняя кухонька на застеклённой веранде. Владыка Николай по приезде сразу столкнулся с проблемой непригодности этих помещений для жизни и работы. На свою небольшую кухоньку он еле-еле протискивался, поэтому первое, что он сделал, – пристроил полноценную кухню и другие необходимые для работы и жизни архиерея помещения.

Удивила владыку Николая в Калуге и манера работы с документами по епархии. Как рассказывает отец Донат (Петенков), владыка Донат (Щёголев) перед отъездом позвонил ему и сказал: «Я тебе работу нашёл». Отец Донат отвечал: «Владыка, вы всё равно уезжаете, так какая работа?! Пускай новый архиерей делает». «Нет, – говорит, – это мы вместе будем делать». Секретарь епархии отец Донат принёс тогда владыке все личные дела священников, и владыка Донат вырвал и выкинул из каждого дела все документы, кроме послужных списков священнослужителей и документов на рукоположение, то есть все жалобы, выговоры и т. п. Свои действия владыка объяснял так: «Зачем это нужно? Пусть новый архиерей приедет и сам наполняет эти дела, если ему хочется». И добавил: «Я не буду писать никаких характеристик. Я не имею права это делать, я что, Бог что ли?» По словам секретаря, владыка Донат делал так, уходя из каждой епархии. Да и с любыми жалобами он поступал приблизительно так же: когда жалоба приходила в епархию, владыка Донат откладывал её и ждал. Через две недели он её ещё раз перечитывал и говорил: «Ну что, никто ничего не сделал, значит, она потеряла актуальность». И выкидывал бумагу. Вероятно, во всём

этом сказывалось то, что он в полной мере испытал на себе репрессивные меры советского режима – отсидел два раза по пять лет.

А вот владыка Николай, по воспоминаниям своего калужского секретаря, чуть ли не в первые дни потребовал дела священнослужителей. Отец Донат рассказывает: «Его высокопреосвященство говорит: „Дайте мне дела, но вы мне сразу все не давайте“. „Почему, владыка, – отвечаю. – Я все могу дать“. „Ну, ты же не донесёшь“, – это владыка Николай. Я приношу ему небольшую стопку тонких папок штук 30–40. Он опешил и даже огорчился, но потом дела стали быстро наполняться и за короткое время стали довольно объёмными».

Архиепископ Калужский и Боровский Николай (Кутепов), 1976 г.

Так началось недолгое, но весьма насыщенное архипастырское служение приснопамятного владыки Николая в Калуге. С первых дней своего пребывания в городе будущий нижегородский архипастырь понял, что служение на новой кафедре сулит ему новые испытания. Прежде всего потому, что здесь, как и в других местах его святительства, владыка столкнулся с принципиальным уполномоченным совета по делам религий, с которым отношения не сложились сразу.

Ситуацию усугубляло то, что уполномоченный мог тогда дать любому священнику так называемый «волчий паспорт», то есть у священника забирали справку, разрешающую служение, а в характеристике уполномоченный писал, что священник игнорирует распоряжения советской власти. После этого священнослужитель уже не мог устроиться ни в одной епархии,

и никто ничего не мог сделать. Поэтому все понимали, что указ архиерея был номинальным, важно было – даст уполномоченный справку или нет.

Фёдор Павлович Рябов, бывший сотрудник органов государственной безопасности, был уполномоченным в Калуге около 30 лет. Это был очень дипломатичный и весьма сдержанный человек. Он всегда, как говорится, «мягко стелил», но результат обычно был очень конкретный, и разговоры с ним были всегда очень тяжёлыми.

Примером тонкой, но результативной политики калужского уполномоченного была деятельность по сокращению числа храмов в Калужской области, которые Рябов никогда не закрывал росчерком пера. Делалось всегда так, что богослужение в храме не совершалось, но формально церковь числилась открытой. А в это время уполномоченный доводил дело до закрытия храма, согласно букве советского антирелигиозного закона.

В селе Истомино Тарусского района, например, храм закрывали так: в нём избрали исполнительный орган, так называемую «двадцатку», но Рябов тут же воспользовался своим законным правом отвести несколько кандидатур с абстрактной формулировкой: «Вы нам не подходите». Затем на место «отведённых» членов исполнительного органа избрали новых, и снова уполномоченный нашёл «неподходящих» людей. Затем прошли новые выборы, и всё повторилось. На четвёртый состав людей уже не хватило, а брать человека из близлежащих деревень было нельзя.

Таким образом, у храма, несмотря на все попытки, исполнительного органа так и не было, а на любые просьбы возобновить богослужение Рябов неизменно отвечал: «Пожалуйста, давайте „двадцатку“ и я вас зарегистрирую». Но создать её не позволял сам, а в официальном отчёте написал: «Православное религиозное общество в селе Истомино фактически распалось, служба в церкви не проводится с ноября 1974 года, о чем Совету известно». Храм закрыли – и владыка ничего не мог изменить.

В самом начале своего служения в Калуге владыка Николай по своему обыкновению стал знакомиться с приходами епархии, которых однако было немного, и богослужения в них владыка совершал нечасто. Как вспоминает секретарь владыки в те годы архимандрит Донат (Петенков), «когда архиепископ приехал, он сразу сказал: „Я праздничный архиерей“. Поэтому служил только на двенадцатые и великие праздники, а также по воскресеньям». «Архиепископ Николай в пасхальную ночь служил в кафедральном соборе, на второй день Пасхи – в Николо-Козинской церкви, а в последний день Пасхи выезжал для совершения богослужения в церковь г. Малоярославец», – писал по этому поводу уполномоченный.

На службах владыка Николай никогда не садился, однако военная травма давала о себе знать, поэтому в алтаре у него был особый металлический посох, на который он всегда опирался. Отец Донат вспоминал: «Иногда мы слышали стоны: владыка не кричал, но тихо стонал. Мы говорим: „Владыка, вы присядьте!“ А он отвечал, что „будет хуже, поскольку я потом встану, но болеть будет не меньше“. Службу, какая бы она ни была длинная, он выставлял полностью и никогда не садился».

Проповеди преосвященный Николай говорил недолгие и понятные, но говорил всегда по сути праздника и очень дипломатично, поэтому, по словам его секретаря, «иногда складывалось такое впечатление, что он говорит для „органов“, чтобы они не придрались, поскольку в любой момент они могли предъявить претензии к сказанному».

Архиепископ Калужский и Боровский Николай (Кутепов)
после богослужения в кафедральном соборе г. Калуги

Заботился калужский преосвященный и о красивом пении в храме. Как отмечает в одном из своих отчётов уполномоченный Рябов, «в конце марта 1976 года группа артистов Тульского государственного хора, находящихся в Калуге с гастролями, приняла участие в хоровом пении в кафедральном соборе во время утреннего богослужения с участием архиепископа Николая, о чем своевременно были проинформированы партийные органы».

Владыка часто встречался с уполномоченным для решения вопросов назначения пенсий вдовам священников и монахиням, служившим при кафедре, и, как правило, добивался положительного результата.

Невзирая на все трудности святительского служения, преосвященный Николай всегда находил возможность для отдыха и занятий любимым делом. В частности, как рассказывал секретарь владыки, он часто ездил в Москву в антикварные и букинистические лавки и магазины, где всегда находил ценные вещи, книги и эмали. Большая часть этого наследия, собранного в те годы, сегодня находится в фонде Нижегородской духовной семинарии.

Владыка очень любил животных. Отец Донат рассказывал: «У преосвященного была одна традиция. Звонит он утром по телефону и говорит: „Отец Донат, вы приглашаетесь на торжественную церемонию входа архиерея в кабинет! Заходи, и будешь наблюдать“. Далее картина разворачивалась следующая: сначала идёт архиерей, за ним торжественно идёт рыжий кот, а за котом идёт собачка владыки. Он смотрит и говорит: „Смотри, у кота походка лучше архиерейской!“ Затем кот красиво обходит владыку впереди и прыгает на окно. Стул владыки стоял спинкой к этому окну и получалось так, что в кресле сидит архиерей, с одной стороны его лица видно морду кота, с другой – его торжественный хвост, который вальяжно спускается с подоконника, а посередине вместо тела кота – голова архиерея. Пёс, в свою очередь, вёл себя так смиренно и послушно, что коту стоило только морду повернуть, как пёс сразу же умолкал, а если кот лапкой двигал, то у пса сердце в пятки уходило. „Я так захожу каждое утро“ – резюмировал церемонию владыка».

С псом была связана ещё одна особенность работы с владыкой Николаем. «Ты ко мне без подрясника не заходи, потому что без подрясника я не гарантирую безопасность – собака тебя облает и укусит», – говорил владыка своему секретарю. Собачка привыкла, что владыка всегда был в подряснике, и от него исходит дух ладана. Поэтому если кто-то заходил к преосвященному в подряснике, то собака была с гостем всегда приветлива, но если приходили в брюках, могла и укусить. Как вспоминал отец Донат, в управлении он ходил в подряснике, чтобы не надевать-снимать его всё время, чтобы забежать к архиерею и поставить под каким-нибудь документом его подпись. А владыка смеялся в канцелярии: «Видите, отец Донат ходит в подряснике не ради архиерея, а ради какой-то собачки».

Служение владыки Николая в Калуге было недолгим. Уже через два года он был переведён на одну из самых крупных и значимых кафедр – назначен архиепископом Горьковским и Арзамасским. 13 июня 1977 года он сделал последнюю запись в книге распоряжений по Калужскому епархиальному управлению и отбыл в город Горький (с 1991 года – Нижний Новгород).

ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ

В 1960–1980-е годы одним из необходимых условий для существования церкви в советском государстве было её участие в общественных миротворческих и гуманитарных организациях, таких как Советский Фонд мира и Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Родина».

Русская православная церковь вносила свой весомый вклад в материальное обеспечение деятельности этих организаций, а церковные иерархи зачастую избирались в их руководящие структуры. В частности, митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) с 1963 года являлся членом правления Советского Фонда мира, а с 1975 года был участником учредительного собрания общества «Родина» и всех последующих мероприятий. Владыка Николай как человек активный и деятельный также принимал непосредственное участие в работе этих общественных организаций.

Советский Фонд мира был создан 27 апреля 1961 года несколькими влиятельными общественными объединениями, такими как Советский комитет защиты мира, Комитет молодежных организаций СССР, Комитет советских женщин. Свою главную задачу Фонд видел в сборе от граждан СССР добровольных пожертвований на благотворительную и миротворческую деятельность, а также для поддержания культурных и политических связей с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Как отмечают историки, между советским государством и церковью существовала негласная договоренность о том, что церковь делает регулярные крупные взносы в общественные фонды, а государство выступает гарантом сохранения влияния РПЦ на её канонической территории, то есть на территории всего Советского Союза. Одним из наиболее заметных

событий в этой связи можно назвать пространное хвалебное выступление ТАСС 19 мая 1986 года по поводу 40-летия присоединения униатов в западно-украинских областях, что для идеологического атеистического государства было более чем странно.

Владыка Николай сталкивался с деятельностью Советского Фонда мира и на своей первой епископской кафедре в Закарпатской области Украины, и в других епархиях, где он нес архипастырское послушание, но наиболее тесное взаимодействие с этой организацией началось у владыки в 1970–1980-е годы, когда он был направлен в город Горький. Здесь он сразу познакомился с членами правления Горьковского областного отделения Фонда мира, а затем и сам был избран в руководящий орган регионального отделения этой организации.

В эти годы Горьковская епархия занимала одно из первых мест в РСФСР по сбору средств в Советский Фонд мира. Как свидетельствуют документы из личного архива владыки, хранящегося в библиотеке Нижегородской духовной семинарии, в храмах епархии периодически проводились богослужения, связанные с деятельностью Фонда. Так, 24 октября 1987 года в День всемирной волны мира в храмах были отслужены литургии и молебны с особыми прошениями о мире, а также были произнесены проповеди о необходимости сохранения мира на Земле.

В рапорте на имя правящего архиерея от настоятеля церкви села Рубское Княгининского района Горьковской области по этому поводу читаем: «После службы была сказана проповедь о вреде войны, о её ужасных последствиях, в которых не только счастье людей, но и сама их жизнь становится под угрозой уничтожения... Голод, нужда, разруха – это всё перенесли те, кто слушал проповедь. Многие вытирали слёзы». Далее отмечается, что «растроганные прихожане давали деньги в Фонд мира, чтобы только не было войны». В этом храме было собрано 420 рублей.

В других храмах епархии суммы пожертвований колебались от 300 до 3000 советских рублей. Всего же сумма отчислений Горьковской епархии в Советский Фонд мира превышала отметку в один миллион советских рублей. Такой высокий показатель отчислений очень ценился в высших эшелонах власти и давал владыке Николаю определенную защиту и возможность осуществлять церковную деятельность. Владыка Николай искренне верил, что эти деньги направляются на сохранение мира, ведь он воевал, проливал свою кровь, рисковал жизнью и не понаслышке знал, что такое смерть...

Как активный участник миротворческого процесса владыка принимал участие во всесоюзных конференциях Советского Фонда мира. Одна из них

проводилась 31 января 1984 года в Москве. По сохранившимся сведениям из архива владыки мы узнаем, что участники конференции проживали в уже не существующей ныне гостинице «Россия», а обедали в ресторане «Столичный» полностью перестроенной сегодня гостиницы «Москва». Заседания этого форума проводились в Октябрьском зале Дома Союзов, где позже для всех участников конференции был организован грандиозный концерт популярных артистов советского театра и кино, среди которых были руководитель цыганского театра «Ромэн» Николай Сличенко и актер Василий Лановой.

На этой конференции архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай был избран в состав правления Советского Фонда мира. В своем официальном письме от 28 февраля 1984 года председатель правления фонда А.Е. Карпов поздравил владыку с избранием и выразил надежду, что «его активное участие в деятельности этой организации будет способствовать решению главной задачи современности – избавлению человечества от угрозы ядерной войны, сохранению и упрочению мира на планете».

Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Родина» появилось в 1975 году и стало преемником созданного еще в 1955 году Комитета по возвращению на Родину. Примечательно, что если прежде за «связь» с родственниками, живущими за границей, советским гражданам грозила уголовная статья, то теперь этот забытый ресурс стал очень востребован, хотя для советского руководства он до конца так и оставался сутубо пропагандистским.

Русская православная церковь не могла не воспользоваться замечательной возможностью наладить отношения с соотечественниками, проживающими за границей, и включилась в активную работу в этом направлении по линии созданного общества «Родина». У церкви появилась возможность «установить живую связь с русскими людьми, волею судеб оказавшимися за пределами Отечества», как отмечал митрополит Алексей (Ридигер) в приветственном слове на II Всесоюзной конференции этой общественной организации 27 мая 1981 года.

Владыка Николай принимал активное участие в работе этой конференции и был избран в состав совета общества «Родина». В конце ноября следующего, 1982 года, он принял участие в торжественном заседании, посвященном 60-летию образования СССР, а в апреле 1984 года архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай был направлен в качестве руководителя советской делегации в ФРГ (Западная Германия) и Австрию.

Как свидетельствуют архивные документы, владыке было выдано на расходы 477 немецких марок и 1600 австрийских шиллингов, что равнялось

примерно 143 и 68 советским рублям соответственно. Поездка носила общественно-политический характер и, как отмечал владыка в своих рукописных заметках, ему приходилось часто отвечать на сложные и неудобные вопросы соотечественников и принимающей стороны о незавидном положении церкви в Советском Союзе, а также подробно рассказывать о деятельности представляемого им общества «Родина».

В Западной Германии делегация посетила Ганновер, Мюнхен, Дюссельдорф, Дортмунд, Франкфурт на Майне и другие города. Владыка характеризовал ФРГ как «сложную страну», в которой есть необходимость налаживать более тесную связь с проживающим там так называемым «русскоязычным» населением, дабы донести до них «сведения о нашей действительности». В Австрии делегация, возглавляемая владыкой Николаем, была радушно принята в Вене, Инсбруке и Зальцбурге, где однако встретила сильную антисоветскую агитацию и зачастую недружественные, по замечанию самого владыки, высказывания лиц, принимавших гостей из Советского Союза.

Несмотря на это, такие поездки давали возможность, по словам владыки, с помощью образного церковного языка доносить правдивую информацию о реальном положении церкви и священнослужителей в СССР, а священнослужителям в России – узнавать о жизни людей за рубежом и о положении церкви вне пределов Советского Союза. Таким образом, как считал владыка, деятельность в советских общественных организациях и заграничные поездки приносили пользу церкви, давали возможность и время для личного общения с людьми и для несения Слова Божия как соотечественникам в Советском Союзе, так и за его пределами.

Как фронтовик владыка Николай принимал участие в событиях, связанных с юбилейными датами Второй мировой войны. В 140 километрах от Берлина, на реке Эльбе, находится небольшой саксонский городок Торгау, ведущий отсчет своей древней истории с 1267 года. Однако известность этому городу принесли события сравнительно недавние – середины прошлого столетия, ведь именно здесь во время Второй мировой войны 25 апреля 1945 года встретились передовые подразделения 5-го гвардейского полка 2-го Украинского фронта и 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии. В честь этого события, известного ныне как «Встреча на Эльбе», Москва салютовала в 324 орудия, а Нью-Йорк всенародно торжествовал на Таймс-сквер.

Через 40 лет, в рамках своей миротворческой общественной деятельности, архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай возглавил делегацию Русской православной церкви, направленную в Торгау для участия в праздничных торжествах. Празднование проходило в июньские дни 1985

года при активном участии немецких евангелическо-лютеранских общин, что было для Торгау особенно символично, поскольку именно здесь появилась первая лютеранская община Германии; кроме того, именно отсюда родом была супруга Мартина Лютера, идеолога протестантского движения, здесь же она и похоронена.

В трехдневную программу было включено проведение нескольких семинаров на тему «Встреча на Эльбе 40 лет спустя, воспоминания и наши обязательства». Особый акцент на этих семинарах был сделан на тематике, которую в силу известных причин мы только сегодня в полной мере открываем для себя: церковная деятельность, направленная против нацизма в годы Второй мировой войны. Владыка Николай 29 июня принял участие в одном из таких семинаров, проходившем в лютеранской кирхе, и выступил с докладом.

В своем выступлении горьковский архипастырь отметил, что будучи ветераном войны и испытав на своих плечах тяготы военного лихолетья, он был свидетелем гибели трех-четырёхлетних детей от разрывов бомб и снарядов: «Весь народ России тогда поднялся на борьбу с фашистскими захватчиками, и церковь тоже не оставалась в стороне. Русская православная церковь в годы войны благословила и призвала православных на защиту священных границ Отечества, назвав дело этой защиты всенародным подвигом». Таким образом, по мнению владыки, тема борьбы с общим врагом смогла объединить яростных идеологических противников в военные 1940-е, и, как показал опыт проведения подобных встреч, эта идея не потеряла своей актуальности и в годы так называемой «холодной войны».

Завершилось празднование 30 июня 1985 года возложением венков к памятнику в ознаменование встречи здесь в победном 1945 году союзных войск. Здесь была оглашена заключительная декларация, в которой отмечалась необходимость создания атмосферы доверия между странами и народами, а также необходимость разоружения как «поворота к будущему», что и стало темой следующей встречи в Торгау через три года.

Весной 1988 года город Торгау снова принимал гостей из Советского Союза. 22–24 апреля в Лейпциге и Торгау проходила международная конференция «Мир на доверии. Доверие – разоружение – права человека», обозначившая в своём итоговом документе, что «доверие является основой в смысловом капиталовложении Бога в своё творение и выполняет передовые функции в человеческих отношениях».

С церковными общинами Восточной Германии у владыки Николая к тому времени уже сложились хорошие отношения, поэтому община Лейпцига

снова пригласила его для участия в проводимом ею мероприятии. Как отмечалось в официальном письме руководителей этой общины в ОВЦС, «Евангелическо-лютеранская церковь проявляет большой интерес к вопросам мира и проблемам нашего времени с точки зрения христианства».

Архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай (Кутепов) на совещании в Пюхтицком женском монастыре, 1986 г.

В нижегородском архипастыре людей всегда покоряла его эрудиция и доступность в общении. Он ломал сложившиеся стереотипные представления о русских священниках как о людях недоступных и официальных. Во время этих поездок владыка пытался повторять немецкие слова, заразительно смеялся над шутками, был любознательным, с удовольствием посещал музеи, выставки и вечера музыки. Владыка был очень обаятельным собеседником, поэтому общение с ним часто меняло в лучшую сторону отношение многих людей и к священству, и к церкви в целом, и к Советскому Союзу.

Осенью того же 1988-го года владыка в составе небольшой группы совершил большую поездку по Западной Германии под эгидой Советского Фонда мира. Это посещение организовала церковная община «Христиане на службе мира» города Штауфенберга в ответ на поездку в Советский Союз в мае того же года 150 представителей немецких христианских общин.

«Три русских христианина, – как писала в те дни немецкая газета Frankfurt-Nöchst, – архиепископ Николай из Горького, писатель и режиссер-постановщик совершают поездку мира по ФРГ».

10 ноября вместе с представителями евангелической и католической церковью советские гости посетили город Соссенхайм. Основным событием этого визита, как и всей поездки, стало посещение военного мемориально-кладбища, где были похоронены 145 бывших советских граждан, насильственно угнанных во время Второй мировой войны на работы в Германию.

«Это кладбище появилось в Соссенхайме лишь в 1970-х гг., а до этого могилы были запущены, а надгробные плиты частично разрушены, – писала Frankfurter Rundschau, другая немецкая газета, освещавшая этот визит гостей из СССР. – Всем было известно, что здесь за могилы, но все охотно проходили мимо». Исторически известно, что в период с 1941 по 1945 год во Франкфурте и его окрестностях было 143 лагеря для рабочих, насильственно пригнанных из других стран.

Гости из Советского Союза возложили цветы на могилы соотечественников, а позже, на встрече с интеллигенцией города, прозвучала мысль, созвучная и нашему времени: представитель городского совета сказала, что лишь «встречи людей и разговоры могут устранить то, что разъединяет нас». В то же время, как считал владыка, история, какой бы горькой ни была, не должна забываться, ведь она человека всегда чему-то учит.

12 ноября на встрече с жителями другого немецкого города – Писсена – русские гости снова вспоминали о последствиях войны. Основным лейтмотивом встречи стала необходимость установления взаимопонимания между двумя противоборствующими некогда народами: русским и немецким. В этой связи на вопрос: «Что думают в Советском Союзе о Германии?» архиепископ Николай ответил, что «Тогда борьба велась не против немецкого народа, а против фашизма». В последующие дни советские гости посещали общины разных городов Западной Германии, а 16 ноября приняли участие в богослужении общины «Нидеррэдэр Цакхойс».

«Трех русских христиан» везде принимали с большой теплотой и интересом, что, по общему мнению гостей и принимающей стороны, стало «беспрецедентным событием по примирению обоих народов». И это не случайно, поскольку, как отмечал владыка Николай, «церковь всегда предпринимала все возможные усилия для укрепления доверия между нашими народами, используя для этого все свои пастырские возможности», причём делала это «не от случая к случаю, а ежедневно и постоянно».

Для владыки как участника и инвалида той страшной войны эти поездки были необыкновенно волнующими. Он заново переживал тот ужас, который испытал во время боёв под Сталинградом, и чувствовал величайшую радость от того, что наш народ в этой войне остался победителем.

Активное сотрудничество с советскими миротворческими и общественными организациями сделали возможным участие владыки и в других поездках и конференциях, проходивших как в Советском Союзе, так и за его пределами.

Как свидетельствуют документы из личного архива владыки Николая, в декабре 1961 года, будучи еще молодым епископом Мукачевским и Ужгородским, он участвовал в III Генеральной ассамблее Всемирного совета церковей, проходившей в Нью-Дели в Индии. В феврале – марте 1963 года владыка в составе делегации Русской православной церкви совершил многодневную поездку по США по приглашению Национального конгресса церковей Америки. В личном архиве святителя сохранился памятный альбом, рассказывающий об этой поездке и её участниках.

В ноябре 1968 года, уже будучи епископом Омским и Тюменским, владыка Николай был послан во главе делегации Русской православной церкви в Западную Африку с посещением христианских советов и церковей. Он тогда посетил церкви Ганы, Дагомеи, Камеруна, Нигерии, Сьерра-Леоне и Того. В частных беседах владыка почти не касался темы этой поездки и лишь однажды сказал, что поездка по Африке была трудной. Во-первых, из-за жары, переносимой владыкой с трудом, а во-вторых – быть христианином там совсем не просто, поскольку слишком тесно уживаются разные верования. Делегация присутствовала на богослужении, и это стало для всех неким потрясением, поскольку богослужением в привычном смысле назвать это было сложно.

В 1972, 1976 и 1983 годах святитель в составе делегаций посещал Грузинскую православную церковь в связи с интронизациями новоизбранных грузинских патриархов и юбилейными торжествами, о чем мы также узнали из личных документов владыки.

В мае-июне 1985 года по линии общества «Родина» он ездил по Греции и Италии, а в июле того же года принимал участие в VI Всехристианском конгрессе, проходившем в столице Чехословакии Праге.

В сентябре 1986 года владыка был направлен в Шотландию, где с 4 по 12 сентября в городе Стерлинг проходила IX Генеральная ассамблея Конференции европейских церковей, в которой он принял активное участие. В книге О.В. Буковой «Святитель земли Нижегородской» отмечается, что этой поездке предшествовала большая подготовительная работа. Владыка принял участие в семинарах, которые проходили в Пюхтицком женском монастыре, где он выступал со своими предложениями. Кстати, в Пюхтицах по приглашению митрополита Алексия он бывал и раньше, о чем в архиве нижегородского святителя сохранились замечательные фотосвидетельства.

Наконец, в сентябре 1988 года владыка принял участие в праздновании 1000-летия Крещения Руси в ГДР и в Западном Берлине. Как отмечал владыка, «поездки эти, хоть и не всегда проводились по линии Комитета защиты мира, но всегда были неотделимы от борьбы за мир, ведь дело церкви от дела мира отделить почти невозможно... Церковь проповедует мир...»

В дни празднования 1000-летия Крещения Руси – самого значимого события конца 1980-х годов – произошло событие, знаменательное для владыки Николая: его многолетняя миротворческая деятельность была оценена советским государством по заслугам, и по указу Верховного Совета СССР владыка был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Не остался в стороне и Советский Фонд мира, с которым владыку связывало многолетнее сотрудничество. 23 июня 1988 года в конференц-зале нового административного центра Горьковской епархии состоялось торжественное собрание духовенства епархии и церковного актива. Как пишет официальное церковное издание «Журнал Московской Патриархии», «ответственный секретарь Горьковского отделения Советского фонда мира Е.В. Мошкина вручила архиепископу Николаю золотую медаль за активную миротворческую деятельность».

После этих событий восемь местных газет напечатали интервью с горьковским архипастырем. Это был небывалый случай для того времени! Люди неверующие были удивлены, что такой высокой наградой страна наградила церковного деятеля. А православные горьковчане стали гордиться своим известным теперь на всю страну духовным наставником.

Однако не все разделяли восторженное отношение к деятельности нижегородского архипастыря. Среди документов личного архива в этой связи представляет интерес письмо некоего Владимировича. Реагируя на публикации в прессе, посвященные грядущему празднованию, автор «с болью в сердце» пишет, что один из одиозных лидеров Русской церкви, «ярый реакционер, ярый проповедник религии, и не только, архиепископ Николай» при «полном попустительстве Горьковского обкома партии» был приглашен всесоюзным обществом «Знание» выступить со своей кафедры перед городской общественностью. Дело было в ноябре 1987 года. Тогда же владыка выступил перед слушателями Высшей партийной школы. «Так они буквально слушали всё с открытыми ртами, – читаем в тексте письма. – Где же идеология атеизма, в первую очередь партийная? – сокрушается по этому поводу автор послания. – Так можно скатиться от атеизма к религии!» Владыка рассказывал тогда слушателям и партийному руководству школы об основных направлениях деятельности Русской православной церкви

в тех условиях. «Эта лекция носила скорее характер пропаганды религии, её достоинств и вызывала у слушателей сочувствие, согласие с тем, что говорил архиепископ», – свидетельствует послание.

Другое письмо касалось служебной деятельности горьковского архипастыря. Анонимный машинописный документ, датированный 17 декабря 1988 года, был отправлен одновременно патриарху Пимену и председателю совета по делам религий при Совмине СССР. В письме автор «разоблачает» нечестную и грабительскую, по его мнению, финансовую деятельность Горьковской епархии в целом и местного архиерея в частности, показывая при этом удивительную осведомленность в этом вопросе. Автор затрагивает вопрос присуждения владыке высокой награды Советского фонда мира, замечая, что «из своих барышей ему (архиепископу Николаю. – Авт.) ничего не стоит бросить подачку в Фонд мира, фонд детей и т. п.». «Так за какие же такие заслуги получил он золотую медаль фонда мира? За те деньги, что он перечисляет из чужих карманов?» – обещается автор письма к своим респондентам.

Владыка Николай знал об этих письмах и даже, как говорится в одном из них, после очередного письма «начал чистку среди своих придворных и слуг». Знал потому, что уполномоченный совета по делам религий Горьковского горисполкома А.Я. Миронов предупреждал архипастыря об этих анонимках.

Все эти письма, которые хранились у него в личном архиве одной пачкой, он надписал: «Нечто от атеизма прошлых лет». И был в этом прав, поскольку в это время напряженность между церковью и властью уже теряла накал. Тогдашний председатель совета по делам религий К.М. Харчев писал по этому поводу: «Времена наскоков на церковь под знаменами жесткого непримиримого атеизма, к счастью, проходят. Пришла пора осознать, что миллионы верующих в стране – это люди, которые растят хлеб, стоят у станков, воспитывают детей и внуков... Так почему же мы должны смотреть на них как на противников?»

Архивные документы показывают, что жизнь владыки была порой слишком насыщенной. Всё пропускал он через свое сердце: частые смены епархий, сложные отношения с уполномоченными по делам религий на местах, гонения и несправедливое отношение к православным верующим со стороны власть имущих. В то же время в представительских поездках за рубеж он должен был демонстрировать достойное положение священнослужителя в СССР. Всё это выпало на долю митрополита Николая, который при этом всегда находил возможность и способ донести до своей паствы слово Божие и свои архипастырские наставления.

СЛУЖЕБНЫЕ ПОЕЗДКИ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ. 1961–1986 гг.

ИНДИЯ. 1961 г.

В одном из своих газетных интервью, данных в 1988 году после празднования 1000-летия Крещения Руси, приснопамятный митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) упомянул, что помимо других стран, которые он посетил (США, Германия, Бельгия, Израиль, Греция и др.), ему однажды довелось побывать и в Индии. Однако в каком году это было и с какой целью владыка ездил в эту экзотическую страну, сразу узнать не удалось, поскольку он мало рассказывал об этом.

Завесу тайны приоткрыл найденный в личном архиве архипастыря документ, который свидетельствовал, что поездка в Индию состоялась в ноябре – декабре 1961 года. Тогда недавно рукоположенный епископ Мукачевский и Ужгородский Николай, как явствует из выданного ему удостоверения, был командирован «в качестве члена официальной делегации Русской Православной церкви для участия в III Генеральной Ассамблее всемирного совета церквей», проходившей в индийской столице – городе Нью-Дели.

Всемирный совет церквей (ВСЦ) был сформирован в 1948 году в Амстердаме на основе нескольких международных христианских движений. В эту организацию сегодня входит 348 христианских церквей из более чем 100 стран мира, они представляют около 400 миллионов христиан. Как отмечается в «Православной энциклопедии», эта организация ставит своей целью достижение христианского единства и осуществление сотрудничества в вопросах, требующих совместных действий».

Всемирный совет церквей с самого начала стремился показать, что «среди его членов есть место для любой Церкви», как христианской, так

и лишь претендующей называться таковой, но по сути христианской не являющейся. Этот спорный фактор долгое время служил препятствием для участия православных церквей в активной работе этого международного объединения, тем более что экуменическое движение, представленное деятельностью ВСЦ, было осуждено резолюцией Совещания глав и представителей автокефальных православных церквей в Москве в июле 1948 года.

Религиозная ситуация в СССР, сложившаяся в 1950-е годы, вынудила Русскую православную церковь и другие поместные церкви изменить своё мнение и всё-таки вступить в ряды этой организации. Дело в том, что к концу 1950-х годов положение церкви в СССР начало стремительно меняться в худшую сторону. Н.С. Хрущёв начал новые полномасштабные гонения на церковь внутри страны, закрывал оставшиеся действующими или открытые после войны храмы, закрыл почти все открытые в Советском Союзе в послевоенные годы духовные школы, в том числе духовные семинарии в Киеве и Саратове, где нёс в 1958–1960 годах преподавательское послушание будущий нижегородский архипастырь.

В то же время «Хрущёв сделал попытку расширить взаимодействие с другими государствами, активно вовлекая в эту работу Русскую церковь». Церкви в этой непростой ситуации нужны были связи с зарубежными христианскими организациями, чтобы пусть не прекратить, но хотя бы ослабить давление на церковь со стороны советского государства. Это стало одной из основных причин того, что к 1958 году внутри многих православных поместных церквей (и прежде всего русской) созрела готовность войти в состав Всемирного совета церквей. В 1961 году на III Ассамблее ВСЦ, проходившей в столице Индии городе Нью-Дели православные церкви официально стали участниками этой организации.

В работе III Ассамблеи ВСЦ, проходившей с 18 ноября по 6 декабря 1961 года, принимали участие 577 делегатов из 197 церквей. Членами организации тогда официально стали Русская, Болгарская, Польская и Румынская православные церкви. В состав делегации Русской православной церкви, как свидетельствует публикация в «Журнале Московской Патриархии», входили председатель ОВЦС архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов), епископ Таллинский и Эстонский Алексий (Ридигер), патриарший экзарх Западной Европы архиепископ Иоанн, архиепископ Пермский и Соликамский Сергей, епископ Сергиевский Антоний и епископ Мукачевский и Ужгородский Николай (Кутепов).

На открытии Ассамблеи глава делегации митрополит Никодим зачитал обращение патриарха Московского и Всея Руси Алексия (Симанского)

к участникам форума, в котором святейший патриарх отмечал, что «Русская православная церковь святой обязанностью и долгом перед Богом и людьми всегда полагала не только тщательное сохранение православного вероучения и умножение этого достояния, но и щедрое его свидетельство в мире». В этом патриарх Алексей (Симанский) видел главную цель участия представителей православных церквей в этой организации.

В течение всей работы Ассамблеи члены делегации Русской православной церкви принимали активное участие в заседаниях комиссий ВСЦ и много общались с представителями других христианских и нехристианских деноминаций, принимавших участие в работе форума. Русские иерархи налаживали тесные контакты с христианскими структурами на Западе, что впоследствии позволило в трудные годы хрущёвских гонений и в период так называемого «застоя» сохранять от закрытия многие ещё не разгромленные безбожной властью обители, ограничивать атеистическую власть в её желании полностью искоренить религию в СССР и, наконец, свидетельствовать слово Божие своей пастве как в Советском Союзе, так и за его пределами.

Помимо основной работы в рамках Ассамблеи проходили также встречи с индийскими политиками. В один из дней для участников форума была организована встреча с руководством Индийской республики, с одним из величайших политиков XX столетия, первым премьер-министром Индии Джавахарлалом Неру и его дочерью Индирой Ганди, сменившей потом отца на этом посту. Владыка вспоминал, что она показалась ему «интересной женщиной и очень незаурядной личностью».

Для новопоставленного епископа Николая (Кутепова) эта поездка стала первой большой и серьёзной проверкой, поскольку он оказался в окружении многочисленных церковных иерархов со всего мира в совершенно незнакомой ему экзотической стране. На представителей Русской православной церкви тогда легла огромная ответственность, ведь они были призваны представить свою страну и Русскую церковь на достойном уровне. И наши иерархи, в том числе и приснопамятный нижегородский архиепископ, смогли справиться с этой непростой задачей.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. 1963 г.

В отношениях между Соединёнными Штатами и Советским Союзом были очень разные времена. Были периоды взаимного отчуждения и агрессии, но были и такие годы, когда люди по обе стороны океана интересовались жизнью друг друга, хотели общаться друг с другом и делиться самым

дорогим, что у них было – своим сердцем, своей верой. В один из таких периодов и состоялась эта поездка. Епископ Мукачевский и Ужгородский Николай (Кутепов) был включён в состав делегации восемнадцати представителей церквей Советского Союза. В этом списке оказались клирики Русской и Грузинской православных церквей, Армянской апостольской церкви, а также члены прибалтийских лютеранских (Латвия, Эстония) и баптистских протестантских общин.

Делегацию Русской православной церкви, как и всю группу в целом, возглавлял управляющий делами Московской Патриархии митрополит Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов). Поездка в США продолжалась более трёх недель – с 26 февраля по 20 марта 1963 года. Это было очень насыщенное время. Как напишет потом в своём отчёте в «Журнале Московской Патриархии» прот. Всеволод Шпиллер, члены делегации «находились во власти динамичной программы» и «были заняты буквально ежеминутно, подряд по десять, двенадцать и более часов».

Это была как официальная поездка, так и возможность для неформального общения с простыми людьми, с простыми американскими верующими, зачастую далёкими от какой-либо сиюминутной политической конъюнктуры. Возможность для этого была представлена великолепная, поскольку советская делегация смогла посетить 15 американских штатов во всех частях страны: Колорадо, Калифорния, Миннесота, Техас, Айова, Индиана, Иллинойс, Огайо, Джорджия и др. Побывали гости из СССР в самых известных городах Соединённых Штатов – в Бостоне, Атланте, Сан-Франциско, Чикаго, Филадельфии, Нью-Йорке и Вашингтоне.

Как отмечалось в официальном коммюнике по итогам визита, «достижения цели обоюдного понимания», что было так необходимо народам обеих стран в то время, искали разными путями. «Делегация присутствовала за богослужениями в местных храмах протестантского, православного и армянского вероисповеданий. Члены делегаций говорили с кафедр и имели возможность видеть простых американцев при обычном богослужении, в то время как последние могли совершать богослужение вместе с представителями христиан из Советского Союза».

На протяжении всей поездки по Америке владыка Николай (Кутепов) был в числе самых желанных гостей в каждой общине, много и живо общался с людьми и отвечал на многочисленные вопросы американских христиан. Особенно это проявилось в те дни, когда делегация разделилась на четыре части и группа во главе с владыкой отправилась в штаты бывшего рабовладельческого Юга – Техас (г. Остин) и Джорджию (г. Атланта).

Американская общественность и пресса очень пристально следили за каждым шагом гостей из СССР. Как отмечал прот. Всеволод Шпиллер, 2 марта 1963 года в столице штата Техас Остине «группу делегации встречало на аэродроме не меньше трёхсот студентов с плакатами, на которых было написано «Добро пожаловать!» и «Здравствуйте!». На следующий день русские гости посетили частный колледж Епископальной церкви, подготавливающий молодых людей к поступлению в университеты, баптистский и лютеранский приходы, Техасский университет, а также Негритянский университет Техаса. В те времена, несмотря на отмену в 1954 году в США раздельного обучения белых и негров, этот принцип ещё не всегда соблюдался на практике. Осмотр учебных заведений столицы штата Техас был для владыки очень интересным, но и очень беглым, что однако не помешало гостям из России «почувствовать благожелательность большинства молодёжи и популярности идеи мирного сосуществования наших стран, несмотря на всё, что делается США, чтобы помешать этому».

Епископ Мукачевский и Ужгородский Николай (Кутепов) в США, 1963 г.

Встреча в Джорджии оказалась менее приятной – в аэропорту Атланты 6 марта 1963 года русских священнослужителей встретили многочисленные пикетирующие плакатами с текстами оскорбительного содержания,

типа «Красные (вариант – коммунисты), – езжайте домой!», «Южное гостеприимство отвергает хрущёвских агентов» или «Они пришли с христианской кровью, капающей с их рук!». Как отмечала в те дни газета Atlanta Journal Religious News, пикетирование продолжалось по пути всего следования русских групп не только в Атланте, где таких групп было насчитано 60, но и в Принстоне, куда отправилась группа во главе с митрополитом Никодимом, и в других городах. Многие телеканалы и радиостанции говорили о гостях из СССР исключительно как о вражеских коммунистических агентах. Это однако не помешало владыке Николаю и членам группы за три дня пребывания в Атланте посетить христианские общины города, где они встретили со стороны простых американских верующих очень тёплый и радушный приём.

На одной из таких встреч, как пишет Atlanta Journal Religious News, состоялся непростой разговор о положении Русской православной церкви в Советском Союзе. Сначала прозвучал вопрос о религиозной свободе, на что владыка Николай ответил, что «у нас верующие могут свободно проводить религиозные службы, приходить в церковь молиться Богу, креститься, причащаться и совершать любые другие церковные таинства». «Вместе с тем, – добавил владыка, – верующие являются гражданами своей страны и подчиняются законам своей страны». На вопрос о положении церкви в СССР владыка сказал, что оно «довольно стабильное, однако в СССР невозможно быть членом Коммунистической партии для тех, кто является членом Церкви».

По завершении отдельных поездок групп делегация снова воссоединилась 13 марта и посетила главные исторические центры США – Филадельфию, Вашингтон и, наконец, Нью-Йорк, где в течение последней недели пребывания в Соединённых Штатах у членов делегации состоялось максимальное количество встреч, о чем подробно рассказывает в своём докладе в «ЖМП» прот. Всеволод Шпиллер.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА. 1968 г.

В ноябре 1968 года по решению ОВЦС епископ Омский и Тюменский Николай был назначен главой делегации РПЦ, направленной «в Западную Африку с посещением христианских Советов и Церквей Ганы, Дагомеи, Нигерии, Камеруна, Сьерра-Леоне и Того». Кроме владыки Николая в состав делегации вошли протоиерей Павел Соколовский и священник Борис Удовенко. Благодаря пространному отчету, напечатанному в двух номерах «ЖМП» за 1969 год, мы можем проследить хронику этого удивительного визита.

Гана стала первой страной на пути следования православной делегации. Вечером 23 ноября владыка Николай и его спутники прибыли на африканскую землю. Их встретил вечерний зной, как отмечал автор отчета, «мы почувствовали себя в хорошо натопленной комнате».

В аэропорту столицы Ганы – города Аккры, как и в других странах Западной Африки, гостей из Советского Союза встречали представители национальных протестантских церквей этих стран – методистской, пресвитерианской, англиканской и некоторых других, объединенных для решения общих задач в Национальные Христианские советы. В Аккре это был генеральный секретарь Христианского совета Ганы пастор В.Г. Брандфул, обстоятельная беседа с которым состоялась у гостей уже на следующее утро. Состоялись встречи и с другими руководителями протестантских конфессий в Гане, а также с представителями католической церкви.

Одной из основных тем для обсуждения на этих встречах неизбежно становилось положение церкви и верующих в Советском Союзе, поскольку, как сказал один африканский журналист, «в мире много кривотолков о жизни церкви в СССР. Поэтому так важно поговорить непосредственно с её представителями». Тем более что некоторые из участников встреч как здесь, так и в других странах поначалу вообще выражали удивление, впервые воочию увидев священнослужителей из России, – ведь пропаганда убеждала их, что в СССР церкви уже нет, а «храмы остались лишь как музеи, без священников и служб».

Члены делегации очень подробно рассказывали о деятельности Русской православной церкви, о подготовке пастырей и о жизни верующих в России, так что у многих слушателей, по словам главы Христианского совета Ганы, как и у него самого, «в душе произошел переворот».

Как оказалось, в Гане есть и православные. В один из вечеров в гостиницу, где проживали члены делегации, пришли трое молодых людей. Они сообщили, что принадлежат к небольшой группе православных (несколько сот человек), появившейся здесь в 1920-е годы в результате работы православных миссионеров. Владыка Николай порекомендовал неожиданным гостям установить связь с единоверцами из Восточной Африки.

Помимо Аккры русские гости посетили город Тема, где они побывали в доме одного прихожанина, а также городок Кейп-Кост и его католическую семинарию, познакомились с жизнью простых жителей города, занятых в основном рыбной ловлей и сбытом своего улова в окрестных селениях.

Вечером члены делегации вернулись в Аккру и увидели удивительное зрелище. Как пишет автор отчета, «словно в пасхальную ночь мы попали

в ограду русской церкви: по обеим сторонам нешироких улиц на столах, прогнувшихся от тяжести щедро наложенных фруктов, овощей и хлеба, тихо мерцали горячие свечи. Это люди после знойного дня занялись торговым промыслом – своего рода вечерний уличный базар по местным традициям».

1 декабря официальная делегация РПЦ присутствовала на инсталляции нового главы диоцеза Англиканской церкви. На этом церковном мероприятии также были глава военного правительства Ганы генерал Анкра, главнокомандующий армии и вожди местных племен. После торжественной церемонии владыка Николай поздравил нового епископа и сфотографировался с генералом.

Епископ Омский и Тюменский Николай (Кутепов) в Западной Африке, 1968 г.

В Того делегация РПЦ пробыла со 2 по 5 декабря 1968 года. Среди встречавших русских гостей в аэропорту столицы страны – городе Ломе – был министр иностранных дел этого государства М.Д. Хунледе, являвшийся также одним из руководителей Евангелической церкви. На приеме в министерстве на следующий день он тепло приветствовал членов делегации и выразил уверенность, что этот визит будет широко освещаться в местной прессе.

Образование – одно из главных направлений деятельности церкви в Того, поэтому на следующий день гости из России посетили столичный колледж, где большинство преподавателей – протестанты и католики, и периодически проводятся христианские богослужения. В этот же день в честь делегации из Советского Союза в главном храме Евангелической церкви было проведено богослужение, которое, по словам самого владыки, очень поразило их тогда своей необычностью, а после был устроен официальный прием. В своем приветственном слове модератор церкви сравнил русских гостей с тремя евангельскими мудрецами, сказав, что «когда-то звезда привела трех мудрецов к Родившемуся Христу, а теперь она руководит тремя членами РПЦ, которых привела в Того».

Тема положения церкви и жизни верующих в СССР снова была одной из основных. На слова евангелического пастора о том, что «слово „Россия“ некоторые употребляют как нечто безбожное», владыка Николай сказал: «Наша страна столь велика, что когда во Владивостоке утро, в Москве еще ночь. И по мере того как поднимается над страной солнце и движется по ней день, открываются храмы Божии и совершаются в них богослужения».

Утром 5 декабря делегация из СССР прибыла в портовый город Котону на юге Дагомеи, именуемой ныне Бенином. Гости посетили экуменическую пастырскую школу, где пообщались со студентами, принадлежащими к самым разным протестантским конфессиям не только Бенина, но и других стран.

Следующий день ознаменовался визитом в Библейский центр, занимавшийся переводом книг Священного Писания на языки местных племен, таких как йоруба и мина, а также на язык фу, на котором говорит половина населения страны.

В последний день пребывания в Дагомее состоялась встреча с миссионерами из небольшой общины Апостольского действия, которая проповедует среди сельского населения, где еще никогда не звучало евангельское благовестие. В одной из деревень епископ Николай приветствовал вождей местных племен и около 300 человек, подготовленных к принятию Крещения.

После этого делегация посетила еще Нигерию и Сьерра-Леоне и 21 декабря вернулась в Москву. В течение почти месячного пребывания в Западной Африке гостей из России, как отмечалось в отчете, «встречали теплые улыбки людей, и все приветствовали их, если не словом, так взмахом рук».

Церковная делегация из СССР наглядно показала африканцам, что церковь в стране жива, что священнослужители окормляют свою паству

и в условиях атеистической борьбы продолжают нести слово Божие своему народу. В то же время поездка в Африку укрепила самого владыку Николая, поскольку он увидел, что в сложных условиях местного климата и специфической культуры христианские миссионеры ведут свою ежедневную просветительскую работу. Они не отступают перед трудностями и не опускают рук. Это придало ему сил продолжать отстаивать свое человеческое достоинство и нести благую весть на Омской земле.

Много позже владыка Николай изредка шуточно рассказывал о курьезных случаях, произошедших с ним в этом далеком экзотическом путешествии. Так что африканская поездка осталась в его памяти.

ГРУЗИЯ. 1972, 1976, 1983 гг.

В первые дни июля 1972 года в Тбилиси проходил Поместный собор Грузинской православной церкви. Это событие владыка Николай описал в статье, которая была напечатана в «Журнале Московской Патриархии» № 9 за 1972 год. Также в архиве владыки сохранился машинописный черновик статьи с его личными правками. Это дает нам возможность проследить хронику этой поездки.

Делегация Русской православной церкви в составе митрополита Таллинского и Эстонского Алексия (глава делегации), епископа Владимирского и Суздальского Николая и протоиерея Аркадия Станько прибыла в Тбилиси вечером 30 июня 1972 года. В аэропорту высоких гостей встречал местоблюститель патриаршего престола митрополит Урбонийский Давид.

Утро следующего дня началось с осмотра главных достопримечательностей: тбилисской крепости Нарикала и храма-замка Метехи – древней цитадели XIII века и резиденции грузинских царей, где молилась ещё св. царица Тамара. По окончании экскурсии начались официальные мероприятия. В тот же день, 1 июля в 12 часов делегация Русской церкви прибыла в Сионский собор на открытие Поместного собора Грузинской церкви, на котором предстояло избрать патриарха. Помимо русских иерархов среди гостей были также представители Армянской апостольской церкви.

Открытию собора предшествовал торжественный молебен, по окончании которого были зачитаны приветственные адреса от святейшего патриарха Пимена и армянского католикоса. После этого работа собора началась. В первый же день по решению Синода Грузинской церкви на голосование была вынесена единственная кандидатура – местоблюстителя патриаршего престола митрополита Давида (Девдариани), которую собор единодушно поддержал.

2 июля 1972 года в кафедральном соборе Грузинской церкви – Святицховели, или соборе Двенадцати Апостолов, состоялась торжественная интронизация избранного патриарха Давида V, после чего в гостинице «Иверия» Его Святейшеством был дан приём. Как отмечал владыка Николай в своём отчёте, «приём прошёл в сердечной и дружеской обстановке». В течение последующих дней члены делегации посещали святыни Грузии и значимые культурные места. В частности, как писал владыка Николай, «делегация осмотрела монастыри Иоанна Зедазенского и Шио Мгвимского (V–VI вв.)», а также храм преп. Давида Гареджийского. 5 июля, как отмечалось в отчёте, «напутствуемая добрыми пожеланиями и полная впечатлений, делегация РПЦ отбыла в Москву».

Встреча архиепископа Горьковского и Арзамасского Николая (Кутепова) с грузинским католикосом-патриархом Илией II, 1983 г.

В декабре 1976 года владыка Николай, тогда уже архиепископ Калужский и Боровский, приехал в Грузию для работы над магистерским сочинением Ленинградской духовной академии на тему: «Митрополит Исидор (Никольский) и его церковная деятельность». Митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский и Финляндский Исидор в бытность свою экзархом Грузии основал здесь православное братство, развившееся впоследствии в Общество восстановления христианства на Кавказе.

В архивных документах владыки сохранились пропуск Центрального Государственного архива Грузинской ССР на грузинском языке от 31 декабря 1976 года за № 199, выписанный на имя Кутепова Николая Васильевича, а также сделанная рукой нижегородского архипастыря выписка архивных дел, касающихся деятельности канцелярии экзарха Грузии 1840–1850-х годов, дел грузинских монастырей и других фондов, непосредственно относящихся к теме его магистерской работы. Как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», владыка Николай «был очень серьёзно настроен, работу он хотел написать и материал собирал упорно».

Через шесть лет, в начале июля 1983 года, архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай принял участие в торжествах, посвящённых 1500-летию автокефалии Грузинской православной церкви и 200-летию Георгиевского трактата или «Договора о признании царём Карталинским Ираклием II покровительства и верховной власти России», ознаменовавшего начало присоединения в XIX столетии Грузии к России. Архиепископ Николай как член делегации Русской православной церкви участвовал в богослужениях и совместных культурных программах. Всё это, а также дружеские встречи с католикосом-патриархом Илией II, торжественные заседания и другие мероприятия запечатлел сохранившийся в архиве нижегородского владыки памятный фотоальбом.

Поездки владыки Николая в Грузию носили очень разный характер, но каждая из них способствовала росту авторитета горьковского владыки. Это в первую очередь давало ему возможность нести людям Слово Божие в самых немислимых и сложных условиях советского атеистического государства. Эта пастырская деятельность владыки Николая очень высоко оценивалась и иерархами Грузинской церкви. 16 января 1975 года архиепископ Николай (Кутепов) был награждён орденом Грузинской православной церкви. В указе Его Святейшества католикоса-патриарха Всея Грузии Давида V говорилось: «За ревностное служение Святой Церкви Христовой, и отмечая Ваши труды и заслуги, Грузинская церковь награждает Вас орденом Святого Георгия Победоносца I-й степени».

ГЕРМАНИЯ. 1984 г.

В библиотеке приснопамятного митрополита Николая (Кутепова), хранящейся ныне в фонде библиотеки Нижегородской духовной семинарии, случаются иногда удивительные находки. Одна из них позволила недавно пролить свет на ранее малоизвестный факт из биографии нижегородского владыки. В немецкой газете Ditzenbacher Stand post в апрельских номерах

1984 года было обнаружено несколько статей, рассказывающих о пребывании владыки Николая вместе с танцевальной и певческой группой «Русская песня» в Западной Германии, в частности, в городе Дитценбах и о встрече владыки с представителями христианских общин этого города.

Творческий коллектив «Русская песня» совершал в 1984 году турне по Западной Германии: по городам Франкфурт, Дортмунд, Ганновер и Мюнхен и по некоторым землям Австрии. Группу возглавлял, как отмечало немецкое издание, «идол футболистов и легендарный экс-форвард советского национального футбола» Лев Яшин. «Молодые русские», как называла их газета, прибыли в Германию по приглашению «Гессен-Рейнландского общества содействия развитию отношений между Федеративной республикой и СССР», а также региональных и местного отделения общества «Дружба», которое, как отмечалось в статье, «взяло на себя заботу о культурном обслуживании бывших советских граждан здесь, в Федеративной республике».

В городке Дитценбах русский коллектив оказался тогда по просьбе местных городских властей и во многом благодаря тому факту, что город находился всего в нескольких километрах от аэродрома Франкфурта, где ансамбль в рамках турне планировал начать выступления. Приезд русских артистов в Дитценбах стал огромным событием в культурной жизни небольшого немецкого городка с населением всего в 26 тысяч человек. Газета *Ditzenbacher Stand post* тогда анонсировала это событие так: «Выступление фольклора особого рода – единственное в округе!». 27 апреля днем в Дитценбахской ратуше русских артистов принимал бургомистр города, а затем вечером в зале на Вингертсберге состоялся концерт ансамбля «Русская песня» и «других артистов из Белоруссии, в том числе и солистов со старинными инструментами» (вход – 7 марок). Как отмечало немецкое издание, выступление прошло «с настоящим фейерверком в музыке, танцах и песнях их Родины».

Вместе с русским ансамблем в Германию приехал тогда архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай. Как писала газета *Ditzenbacher Stand post*, «в сопровождении коллектива из СССР находится епископ Николай из волжского города Горького, заместитель руководителя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата Русской Православной церкви». 27 апреля 1984 года вечером сразу после встречи с бургомистром для русского епископа была устроена встреча с пасторами христианских церковных общин города. Она проходила в Евангелическом пастырском доме возле кирхи Дитценбаха, и в ней приняли

участие несколько видных членов евангелической общины города и католический священник.

Представители христианских церквей города с пасхальными приветствиями лично встретили епископа из Советского Союза у дверей дома и в начале, по мнению издания, «весьма информативной беседы» прозвучал первый приветственный тост: «Мы пьем только то, что немецкое!». «После некоторых первых впечатлений, – отмечала потом газета, – в пасторском доме в сердечном и откровенном кругу пошел продолжавшийся более часа настоящий разговор», в котором были затронуты многие церковные и некоторые острые политические вопросы.

В начале беседы архиепископ Николай как заместитель руководителя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата постарался объяснить пасторам задачи своей деятельности, состоящей прежде всего в общении с представителями разных христианских общин как в СССР, так и за его пределами. Преосвященный рассказал о жизни Русской церкви, которая, по его словам, «сегодня примерно сравнима с Греческой православной церковью в отношении богослужения, поскольку, если в древние времена в русском православном богослужении преимущественно пели, то теперь, как и в Греции, пение, проповедь и чтение псалмов равны по употреблению».

Говоря о своей епархии, владыка рассказал, что «прежде всего является ответственным за то, чтобы находить достойных кандидатов в священники, а также должен заботиться о том, чтобы богослужения совершались в „нормальных“ рамках». По словам преосвященного, на тот момент в возглавляемой им Горьковской епархии было более 200 тысяч членов при населении области в 4,5 миллиона человек, при этом в год совершается более 100 тысяч крещений детей. В духовных школах на 1984 год обучались 13 человек из города Горького и области, кроме того, «некоторые молодые люди находятся под его собственным надзором».

В конце беседы прозвучал вопрос, без которого не обходилась ни одна встреча русского архипастыря с коллегами из-за рубежа. Немецкие пасторы спросили его о том, «какую совместную работу Русская церковь ведет с атеистами». Владыка постарался достаточно деликатно, но в то же время по существу ответить представителям христианских общин Дитценбаха на этот политический, сложный для того времени вопрос. Газета *Ditzenbacher Stand post* полностью приводила ответ епископа Николая, который сказал: «Наш город (г. Горький. – Авт.) – атеистический, хотя существуют законы права. Государство не вмешивается в дела церкви, таким образом, каждый

идет своим собственным путем, однако существует и „мирное сосуществование“. Церковь при этом, свободно работая, имеет всё-таки моральное влияние на общество». Кроме того, «в общественных вопросах жители города Горького единодушны в том, что имеется Церковь в Государстве, но не Государство в Церкви».

Владыка Николай также отметил, что «своим главным делом в Советском Союзе он считает проповеди о том, как люди должны жить в мире». И добавил: «Что Бог сказал, люди должны слышать и передавать это далее, ведь Бог предложил нам жизнь и смерть. Избери жизнь, тогда будешь жить и ты, и твои потомки!» В конце собрания, как отмечала Ditzenbacher Standpost, евангелический пастор Дитер Виганд передал высокому гостю из России в качестве небольшого памятного подарка книжечку с евангельскими гравюрами на дереве, после чего владыка и немецкие пасторы осмотрели главную дитценбахскую кирху.

После посещения Дитценбаха владыка Николай вместе с ансамблем продолжил путешествие по Германии. Продолжились тогда и встречи с немецкими христианскими пасторами и интеллигенцией разных городов ФРГ. Таким образом, и в этот свой приезд в Западную Европу, и во время других визитов нижегородский архипастырь и словом, и своим личным примером старался показать православного русского пастыря с самой достойной стороны, сломать нелепые стереотипы, годами складывавшиеся у жителей западных стран, и установить с ними самые теплые дружеские отношения.

ШОТЛАНДИЯ. 1986 г.

В одном из своих интервью приснопамятный митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов), возглавлявший Нижегородскую кафедру с 1977 по 2001 год, сказал, что помимо других многочисленных мест, где он бывал по служебным и личным делам, довелось ему однажды побывать и в Шотландии. Когда это было и по какому случаю, становится ясно из документов его личного архива. В полученном из Отдела внешних церковных сношений 26 августа 1986 года командировочном удостоверении отмечено, что владыка Николай «направляется в г. Стерлинг, Шотландия, для участия в IX Генеральной Ассамблее Конференции Европейских Церквей».

Конференция Европейских церквей – это христианская организация, основанная в 1959 году и объединяющая большинство церквей Европы: протестантские, православные и старокатолические. На 1986 год

в организацию входило 116 церквей и различных религиозных групп из 26 стран Европы и из США. Принимали в те годы участие в работе этого объединения представители и Русской православной церкви, в частности в работе IX Генеральной Ассамблеи, которая проходила с 4 по 11 сентября 1986 года в Университете шотландского города Стерлинг. В ней приняли участие 14 представителей Русской православной церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Алексием (Ридигером) (с 1991 по 2008 гг. – патриарх Московский и всея Руси).

Каждый день работы Ассамблеи начинался с утренней молитвы, которую по очереди произносили представители разных христианских церквей Европы и США, после чего следовало изучение текстов из Священного Писания: Ветхого и Нового Заветов, связанных с главной темой конференции – «Слава Богу, и мир на Земле». В первый и последний день мероприятия библейский час вёл профессор Ленинградской духовной академии протоиерей Владимир Сорокин.

На пленарных и секционных заседаниях участники Генеральной ассамблеи обсуждали самые разные насущные вопросы. Доклады выступающих были связаны и с богословскими проблемами, например, с проблемой осмысления места человека в современном мире и мирного его сосуществования с людьми и с Богом, и с вопросами экологии, политики и мирного урегулирования мировых конфликтов. Активное участие в этих заседаниях принимал архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай.

В дни Ассамблеи ежедневно совершались евхаристические богослужения. 8 сентября (по старому стилю) в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы все православные участники Ассамблеи, представлявшие почти все Поместные православные церкви – Константинопольскую, Русскую, Грузинскую, Сербскую, Румынскую, Болгарскую, Эладскую, Польскую и Чехословацкую, совершили Божественную литургию в часовне при университете города Стерлинга. Богослужение совершалось на греческом, церковнославянском и румынском языках.

Как отмечалось в отчёте, опубликованном в «ЖМП» в № 11 за 1986 год, помимо участия в пленарных и секционных заседаниях у участников Ассамблеи была насыщенная культурная и просветительская программа. От имени правительства Великобритании государственным секретарём министерства внутренних дел был устроен официальный приём в древнем замке города Стерлинга. Благодаря заботам Шотландского совета церквей в один из воскресных дней все участники Ассамблеи имели возможность посетить приходы в разных частях Шотландии, что вызвало огромный

ШЕСТАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: ГОРЬКОВСКАЯ И АРЗАМАССКАЯ. 1977–2001 гг.

интерес у гостей из Советского Союза. При посещении приходов они обращались к молящимся со словами приветствия и с проповедями.

Ежедневно проходили пресс-конференции, которые широко освещались в шотландской прессе, а кого-то из делегации Русской православной церкви, в том числе и архиепископа Николая, просили дать интервью или ответить на непростые и порой провокационные вопросы корреспондентов шотландского радио, телевидения и газет. Такой опыт у Николая был и до этой поездки и после, поскольку преосвященный часто бывал с миротворческой миссией в Европе, особенно в Западной Германии и в других странах.

На дни пребывания делегации Русской православной церкви в Шотландии выпали знаменательные даты и юбилеи, которые были отмечены молебнами и поздравлениями. Так, 3 сентября исполнилось 25 лет архиерейского служения митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия (Ридигера). В этот день участники Ассамблеи из СССР отслужили молебен о здравии владыки Алексия с пожеланиями ему многих лет жизни и плодотворной деятельности. Архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл (ныне патриарх Московский и всея Руси) поздравил юбиляра от лица всех присутствующих.

А 10 сентября отметил 25-летие своего архипастырского служения и архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай (Кутепов), принявший на себя архиерейское послушание в 1961 году. В этот день его тепло поздравили все соотечественники, а по указу Святейшего патриарха Московского и всея Руси Пимена владыка Николай был награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира I степени. Такой насыщенной, интересной и даже приятной была для приснопамятного владыки эта официальная заграничная командировка.

В то же время эта поездка в очередной раз дала приснопамятному владыке ощутить важность и сложность своего архипастырского служения, тем более что в те годы ситуация в Горьковской епархии, ставшей уже для него родной, была очень напряженной. У него не было дома, где он мог бы жить в соответствии со своим статусом и разместить свою обширную библиотеку, а для областных властей (в частности, для первого секретаря обкома Юрия Христораднова) он был персоной нон грата. Его не принимали в областной администрации, и все епархиальные вопросы решались с большим трудом. Между тем столь важные и представительные зарубежные поездки помогали Пресвященному владыке в решении насущных проблем, неизбежно поднимая его статус.

С 1977 года и до самой своей кончины в 2001 году приснопамятный владыка Николай (Кутепов) занимал Горьковскую (с 1990 г. – Нижегородскую) кафедру. Это было непростое время в его жизни, ведь именно на эти годы выпали очень важные события в общественной и церковно-политической жизни страны, прекращение существования в 1991 году богоборческого советского государства и начало активного возрождения церковной жизни в 1990-е. По понятным причинам дать полную и всеобъемлющую характеристику этого периода служения владыки Николая сегодня пока еще не представляется возможным, но вспомнить некоторые важные события этого времени мы уже можем.

Одним из таких знаменательных событий стал приезд в город Горький в 1985 году митрополита Таллинского и Эстонского Алексия (Ридигера). Это был не только официальный визит высокопоставленного церковного чиновника в одну из епархий Русской православной церкви, но и дружеский визит. Два друга – архиепископ Николай и митрополит Алексей – встретились на нижегородской земле и провели вместе несколько насыщенных дней.

Митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер), управляющий делами Московской Патриархии, прибыл в Горький по благословению Святейшего патриарха Пимена 13 июля 1985 года. На Московском вокзале его встречал сам владыка Николай, его секретарь – протоиерей Виктор Сидякин и сотрудники епархиального управления. Согласно сведениям, изложенным в официальном отчете («ЖМП», № 1 за 1986 год), в этот день делегация из Москвы осматривала храмы и достопримечательности города. Сначала они посетили Спасо-Преображенскую церковь в слободе

Печеры. Митрополит Алексей побеседовал с настоятелем церкви, а затем все члены группы отправились на святой источник недалеко от церкви.

После этого два архипастыря и вся московская делегация, в которой был и нынешний архиепископ Истринский Арсений, отправились на главные смотровые площадки города – Верхневолжскую набережную (Откос) и на набережную Федоровского, где горьковский архипастырь провел для митрополита Алексея небольшую экскурсию. Вечером этого же дня управляющий делами РПЦ служил в Троицкой кафедральной церкви всенощное бдение, а по его окончании – заупокойную литию на могилах нижегородских архипастырей, похороненных у алтаря и на погосте храма.

На следующий день, 14 июля, в Неделю 6-ю по Пятидесятнице, митрополит Алексей и архиепископ Николай в сослужении клириков Горьковской епархии совершили Божественную литургию в Троицкой кафедральной соборной церкви. После этого, как отмечается в официальном отчете, «митрополит Алексей сердечно поздравил архиепископа Николая с 60-летием со дня рождения и, по благословению Святейшего патриарха Пимена, вручил ему орден преп. Сергия Радонежского I степени». В ответной речи владыка Николай поблагодарил церковное священноначалие за высокую оценку его трудов, а будущего патриарха и своего друга – за теплые поздравления.

После богослужения горьковским архипастырем для московских гостей был устроен торжественный прием. От государственной власти на этом приеме присутствовал уполномоченный совета по делам религий при Горьковском облисполкоме М.И. Юров, с которым владыка вел тогда (как говорил сам преосвященный), «непрекращаемые баталии».

В 1985 году не без давления извне шла подготовка к празднованию 1000-летия Крещения Руси и в преддверии этого события Русской православной церкви был передан Московский Данилов монастырь, ставший впоследствии главным церковным административным центром. Митрополит Алексей, как отмечалось в официальном отчете, на этом торжественном приеме рассказывал всем присутствующим о подготовке к празднованию юбилея, о ходе реставрационных работ в переданной церкви обители, а также о миротворческой и экуменической деятельности церкви.

Третий день пребывания московской делегации в городе Горьком, 15 июля, также оказался очень насыщенным. В первой половине дня митрополит Алексей и горьковский архипастырь посетили город Арзамас и его главные храмы: монументальный летний Воскресенский собор, который через несколько лет станет центром празднования юбилея Крещения Руси, и зимнюю церковь во имя иконы Божией Матери «Утоли

моя печали». Также гости побывали в величественном Смоленском соборе села Выездное, сооруженном в 1815 году в ознаменование победы русско-оружия в Отечественной войне 1812 года.

По возвращении в Горький гостей встречали в Спасо-Преображенской церкви в Карповке. В этот же день митрополита Алексея и епархиального архиерея принял председатель Горьковского облисполкома В.И. Семёнов. На этой встрече также присутствовал уполномоченный М.И. Юров. Эта встреча, как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», как и сам приезд высокого церковного чиновника в закрытый атеистический город, повысили авторитет управляющего Горьковской епархией в глазах областного начальства, но в корне изменить отношение советских функционеров к церкви в те годы они не смогли.

Архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай (Кутепов) и митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) в г. Горьком, 1985 г.

Вечером 15 июля 1985 года митрополит Алексей отбыл в Москву. Он провел в Горьком три насыщенных дня и оставил в сердцах верующих самые светлые воспоминания. Торжественные архиерейские богослужения и простые встречи митрополита Алексея с нижегородскими священнослужителями и паствой стали для них в эти годы унижений и атеистических притеснений великим утешением и отрадой, а сообщение о начале передачи церкви монастырей и храмов подало надежду на грядущие перемены.

Показывая митрополиту Алексию панораму города Горького и собор святого благоверного князя Александра Невского, архиепископ Николай сетовал, что «на большой промышленный город с миллионным населением действует всего три небольших храма, в то время как на Стрелке и недалеко от неё стоят два больших ярмарочных собора, находящиеся в ужасном запустении». Владыка надеялся, что этот высокий визит сможет изменить ситуацию, но тогда ничего не произошло, а соборы были переданы епархии только в начале 1990-х годов. Вспомним подробности этой истории.

Старинный русский город Нижний Новгород в советское атеистическое время ждала трудная судьба. В 1932 году город сменил имя и стал называться в честь своего знаменитого земляка – писателя Алексея Максимовича Пешкова, взявшего псевдоним «Горький». Так был назван и город ещё при жизни писателя. Горький стал крупным промышленным центром Советского Союза и был закрыт для посещения иностранцами, так что красивейший купеческий город со славной историей все теплоходы, идущие по Волге, почти всегда проходили ночью.

Один за другим терял город Горький и свои храмы. В кремле разрушили Спасо-Преображенский кафедральный собор со звонницей и почти все другие церковные сооружения. Главная площадь города лишилась обоих своих храмов, украшавших её на протяжении веков, а на Волжском Откосе (Верхневолжской набережной) в 1932 году была взорвана одна из красивейших церквей города – Георгиевская строгановская церковь, которую нижегородцы называли Золотой за её красоту. Остальные храмы были или разрушены или отняты у церкви и использованы не по назначению – стали складами, гаражами, ну или в лучшем случае – реставрационными мастерскими и музеями, как Печерский монастырь, Успенская и Строгановская церкви.

Отдельно следует сказать о трёх больших соборах в заречной части города, ставшей частью Большого Нижнего Новгорода, как тогда говорили, только в 1929 году. Спасо-Преображенский Сормовский собор и два ярмарочных собора: собор святого благоверного князя Александра Невского и монферрановский Спасский Староярмарочный собор, к счастью, не были взорваны, но в течение многих десятилетий практически не использовались, приходили в запустение и медленно разрушались. Староярмарочный собор, по словам нижегородского телевизионного журналиста Александра Цирульникова, «в пятидесятых – шестидесятых годах выглядел обшарпанно».

В 1971 году отмечалось 750-летие города. К тому времени была открыта новая площадь – площадь Ленина. Главный ярмарочный дом было решено превратить в горьковский ГУМ по аналогии с московским, а собор –

отреставрировать и открыть в нем Музей Нижегородской ярмарки. По словам журналиста, «здание освободили от каких-то грузов, которые в нем хранились, и начали прихорашивать снаружи и внутри, покрыли серебрянкой уже прогрунтованный купол».

Однако по идеологическим причинам работа не была доведена до конца. Оказалось, что группа жителей домов по Ярмарочному проезду стала требовать, чтобы собор отдали верующим, и кто-то из активных сторонников этого решения даже обратился с письмом в ООН. Из Москвы последовало указание – «не давать повода», и все работы были прекращены. Музей в соборе так и не был открыт, а здание стали использовать как оригинальный склад. «Как-то я вошел в огромное пустое и сырое чрево собора и остолбенел, – вспоминает Александр Цирульников. – На меня из всех углов в полумраке смотрели лики членов Политбюро ЦК КПСС, они были заставлены металлическими конструкциями разобранной праздничной трибуны, которая 1 мая и 7 ноября устанавливалась на площади Ленина и завешивалась портретами вождей. После торжеств трибуна и снятые с неё портреты отправлялись в заточение, и за ними до следующего праздника закрывались массивные и тяжелые двери собора, в проушины которых вставлялся мощный амбарный замок».

Действующими в городе оставались всего три небольших сельских храма – Спасо-Преображенская церковь в Печёрах, Троицкая церковь в Высоково, долгие годы исполнявшая роль кафедрального собора, и Спасо-Преображенский храм в Карповке, где со временем разместилось Горьковское епархиальное управление. Эти храмы не могли вместить всех верующих, о чем свидетельствует сохранившееся в личном архиве приснопамятного владыки Николая (Кутепова) обращение верующих города Горького к XXVI съезду КПСС: «Три действующие небольшие бывшие сельские церкви, которые расположены на окраине города, не могут вместить всех желающих. В воскресенье и в другие праздничные дни из-за множества желающих попасть в храмы войти в них чрезвычайно трудно, а вошедшим в них людям весьма тяжело вследствие невыносимой тесноты. В большие праздники верующие вынуждены стоять вне храма даже в неблагоприятных погодных условиях». Люди ехали в городские храмы со всех концов города, а также из окрестных деревень и сел, что лишь усугубляло ситуацию. Сам владыка Николай впоследствии писал, что храм в Высоково, где ему приходилось служить, «не отвечает своим назначениям: он маловместим, тогда как на архиерейские службы стекается достаточно большое количество пожилого контингента верующих».

Первая попытка открыть ещё один храм в Горьком была предпринята в 1967–1970 годах. Тогда верующие города стали обращаться в «местные и центральные руководящие органы с просьбой об открытии дополнительного храма». Однако ответа не было – все заявления либо вообще не рассматривались, либо убирались в «долгий ящик». После трёх лет безуспешных попыток верующие были вынуждены обратиться за поддержкой во Всемирный совет церквей и в Комиссию по правам человека при ООН. После этого, как отмечалось в открытом письме граждан города в газету «Горьковская правда», «некоторых участников этих событий стали вызывать в КГБ и требовать отказаться от своих подписей под обращениями». Тех, кто не стал этого делать, увольняли с работы «под предлогом сокращения штатов».

Летом 1977 года, после приезда в Горьковскую епархию архиепископа Николая (Кутепова), ходатайства об открытии в городе четвёртого храма возобновились. Тогда впервые прозвучала мысль о возвращении церкви разрушающегося монферрановского Спасского Староярмарочного собора. Областному руководству было направлено письмо с просьбой за подписью 1700 человек, однако верующие получили отказ, мотивированный следующим образом:

«1. Церковь открыть не можем, так как она находится рядом с площадью Ленина;

2. Свободных церковных зданий нет, так как они все заняты под склады, а многие из них нуждаются в капитальном ремонте;

3. Сбор денежных средств на восстановление храмов советским законодательством не разрешается;

4. У нас много неотложных хозяйственных проблем и у нас нет ни времени, ни средств, чтобы заниматься открытием храмов».

На это верующие резонно замечали, что:

«1. Ссылка на близость площади Ленина несостоятельна, так как в СССР имеются действующие храмы, расположенные даже на центральных площадях и улицах;

2. Силами верующих можно построить за городом склады, чтобы разгрузить занятые церкви для использования их по назначению;

3. Денежные средства можно попросить у Горьковского епархиального управления или у Московской патриархии;

4. Различные хозяйственные и строительные проблемы всегда будут существовать, а верующие граждане, как и весь наш народ, участвуют в их решении своим повседневным трудом».

Таким образом, и тогда открыть в городе четвёртый приход не удалось. В 1985 году в Советском Союзе начались мероприятия по подготовке празднования 1000-летия Крещения Руси, и церкви стали возвращать некоторые храмы и обители. В этой связи в мае 1986 года архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай обратился к областной власти с просьбой передать Горьковской епархии комплекс зданий бывшего Печерского Вознесенского монастыря для переноса туда епархиального управления. В частности он писал: «Помещение, в котором размещено Горьковское епархиальное управление, тесно и неудобно... Кабинет управляющего составляет 13,8 кв. метра, а приёмная – 7,2 кв. м. Посетителей же бывает ежедневно 30–40 человек... Передача помещений бывшего Печерского монастыря епархиальному управлению разрешила бы полностью все наши проблемы». Однако и эта попытка открыть в городе четвёртый храм также не увенчалась успехом.

Новую попытку владыка Николай предпринял в 1988 году после успешного празднования 1000-летия Крещения Руси в Арзамасе. Он обратился с письмами к председателю областного совета народных депутатов Горьковской области Александру Соколову и председателю городского совета народных депутатов трудящихся города Горького Юрию Марченкову с просьбой «решить вопрос с церковным зданием для нашего областного града Горького». В своих обращениях он просил передать «в распоряжение верующего люда города Горького один из пустующих храмов: или Сормовский собор, или собор Александра Невского – духовного покровителя нашего края, или же Монферрановский собор». Особенно владыка настаивал на передаче епархии именно Спасского (монферрановского) собора с прилегающими к нему административными зданиями и отмечал, что «в настоящее время Ярмарочный собор никем не занят, а здание храма постепенно разрушается».

В этот раз борьба за возвращение храма увенчалась успехом: в ноябре 1988 года Спасский собор был наконец передан верующим горьковчанам. Владыка Николай так докладывал об этом Святейшему патриарху Пимену: «Настоящим долг имею сообщить Вам, что решением областного Совета народных депутатов от 16 ноября сего 1988 года верующим передано здание Спасского Старо-Ярмарочного собора», и попросил благословения у Святейшего патриарха отслужить на Пасху 1989 года первую Божественную литургию в возвращённом соборе.

Как отмечается в книге О.В. Буковой «Святитель земли Нижегородской», «Владыка ликовал, сбывлась его мечта: собор Огюста Монферрана

возвращён православным! Он словно и не замечал, в каком жутком и полуразрушенном состоянии находился собор: стяжки внутри собора были распилены, центральный купол разваливался, а в стенах зияли огромные трещины». Но владыка говорил тогда: «Несмотря ни на что мы намерены восстановить храм в первоначальном виде». И делал для этого всё возможное. Первым делом после побелки, покраски, помывки был восстановлен алтарь, а на купол был поднят крест, и при пустых стенах начались службы. Как рассказывает нижегородский журналист Наталия Рождественская, владыка Николай пригласил её на освящение и возведение креста на купол Староярмарочного собора, которое происходило солнечным летним июльским днём 1989 года. Людей, пришедших на это неординарное и столь долгожданное для каждого верующего нижегородца событие, было очень много. Это были и простые верующие, и бабушки в белых платочках, и живущие в округе люди, и уже тьма журналистов, начавших живо интересоваться такими существенными сдвигами в религиозной жизни региона. Народ стоял поодаль в несколько рядов.

По воспоминаниям журналиста Александра Цирульникова, «в момент восстановления порушенной духовной святыни участь прораба и завхоза легла на плечи священнослужителей». Это был и первый настоятель собора протоиерей Сергей Попов, который в то время был у главы Нижегородской епархии «правой рукой», и мать Михаила, игуменя Макарьевского женского монастыря на Волге, откуда и пошла Нижегородская ярмарка. По воспоминаниям журналиста, «мать Михаила, придерживая двумя руками приподнятые от пола одежды, бегала по грохочущим железным крышам и давала указания кровельщикам, как правильно укладывать листы металла. Они удивлялись, откуда им было знать, что она в миру была инженером-строителем».

Реставрация Спасского Староярмарочного собора, начало которой было положено владыкой Николаем, была успешно завершена его преемниками на нижегородской кафедре – архиепископом Евгением (Жданом) и митрополитом Георгием (Даниловым). И теперь собор снова радует нас своей строгой классической красотой и снова собирает верующих, соединённых в стремлении к Богу за Божественной литургией. А сам владыка Николай, начавший эту большую и трудную работу, ныне покоится в часовне за алтарной частью трепетно любимого им собора.

ПРАЗДНОВАНИЕ 1000-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ В ГОРЬКОВСКОЙ ЕПАРХИИ. 1988 г.

В 1988 году владыка Николай (Кутепов), тогда архиепископ Горьковский и Арзамасский, принимал активное участие в праздновании в Советском Союзе 1000-летия Крещения Руси. Ещё 23 декабря 1980 года Священный Синод постановил «начать подготовку к празднованию Русской Православной Церковью предстоящего великого юбилея». Предполагалось, что празднование будет строго внутренним церковным торжеством. С 1986 года, с постепенным пересмотром государственной политики в отношении религии и прав верующих граждан, в СМИ начали появляться материалы о репрессиях в СССР, о Русской церкви как хранительнице народной культуры и духовности, об Оптиной пустыни, о судьбе храма Христа Спасителя и других уничтоженных святынях. А 1988 год стал переломным в общественном восприятии церкви и её роли в истории России.

Генеральная ассамблея ЮНЕСКО призвала отметить «1000-летие введения христианства на Руси как крупнейшее событие в европейской и мировой истории и культуры». Празднование проходило летом 1988 года во всех национальных республиках Советского Союза, во многих городах страны – Ленинграде, Киеве, Львове, Харькове, Минске, Владимире, Арзамасе и, конечно, в Москве. К этому времени советские власти выпустили около 500 тысяч экземпляров Молитвослова и около 100 тысяч экземпляров Священного Писания Нового завета, о чем в прежние годы и подумать было невозможно. Мероприятия церковного празднования транслировались по центральному телевидению и широко освещались в местной, республиканской и союзной прессе. Были организованы торжественные концерты в Большом театре и на главных сценах республиканских столиц и крупных городов СССР.

Незадолго до торжеств Русской православной церкви были переданы значимые для неё обители: Козельская Введенская Оптина пустынь (Калуга), Толгский монастырь (Ярославль), Даниловский монастырь в Москве, а также частично была возвращена Киево-Печерская лавра (Дальние пещеры и наземные сооружения). Кроме того, церкви были возвращены её святыни, долгое время находившиеся на хранении в музеях московского Кремля, – такие как частица Креста Господня и камни Гроба Господня, десница св. апостола Андрея Первозванного, глава святителя Иоанна Златоуста, частицы мощей святых князей Владимира и Александра Невского.

На торжества 1000-летия Крещения Руси в Советский Союз тогда съехались более 500 гостей со всего мира, в том числе главы и представители почти всех православных поместных церквей, а также кардиналы Римско-католической церкви, главы протестантских церквей, Англиканской церкви, церковные иерархи из Америки, Азии и Африки. Однако путь к «повторному крещению Руси» в 1988 году был тернистым. Фундамент для этого празднования священноначалие стало готовить ещё в 1970-е годы, однако тогда предложение церковных иерархов в советском правительстве восприняли с прохладцей, поскольку подобный поворот дел означал бы, что власти признают: христианство оказало положительное влияние на историю советского народа. Только к середине 1980-х это стало восприниматься как реальная перспектива.

Полномасштабное празднование сделали возможным несколько важных факторов. Во-первых, на закате брежневской эпохи советская власть стала более лояльной по отношению к церкви, выполнявшей роль миротворца в отношениях с капиталистическим миром. Церкви тогда на Западе доверяли, а вот партии и советскому правительству – нет.

А во-вторых, отмечать тысячелетие тогда собирались все зарубежные митрополии православной церкви, и проигнорировать это событие СССР просто не мог, поскольку иначе Кремль продемонстрировал бы всему миру, что в Советском Союзе свободы совести, декларируемой годами, просто нет. Известно, что «на праздновании 1000-летия Крещения Руси присутствовало 211 делегаций из 89 стран, было аккредитовано 1100 журналистов, из них 446 человек – иностранных».

Нижегородский краевед и многолетний помощник владыки О.В. Букова в своей книге «Святитель земли Нижегородской» пишет, что «в 1987 году в Москве произошла ключевая встреча: генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачёв принял у себя патриарха Пимена». Константин Харчев, бывший в 1984–1989 годах председателем совета по делам религий при Совете

Министров СССР, вспоминал, что «православные иерархи на протяжении многих лет просили этой встречи», но долгое время это было невозможно. Тем более что в последний раз такая встреча проходила более 40 лет назад – в 1943-м, когда в самый разгар Великой Отечественной Иосиф Сталин пошёл на сближение с церковью, чтобы укрепить дух советского народа.

Архиепископ Николай (Кутепов) и архимандрит Иерофей (Соболев) в Воскресенском кафедральном соборе г. Арзамаса

Нынешняя же встреча ознаменовала собой желание власти сделать жизнь в Советском Союзе более либеральной. В итоге этой встречи родилось историческое решение – из разряда «опиума для народа» религия переходила в ранг одного из элементов советского быта, в частности теперь в дни Пасхи на улицах стали появляться растяжки с надписью «Христос воскрес!», а в светских изданиях слово «Бог» снова стали писать с большой буквы. Главным же следствием этой беседы патриарха и генсека стало принципиальное решение отпраздновать дату «воцерковления» славянских земель Союза, а для партийных и советских органов это стало сигналом, что дозволяется освещать празднование юбилея как общенациональное мероприятие.

Денег на проведение юбилея государство не выделило. Впрочем, это не слишком огорчило священнослужителей, поскольку, как отмечал владыка, «проблем с финансами не было – у церкви их было достаточно для этого».

Кроме того, власти уже не чинили препятствий для регистрации новых приходов, хотя старые храмы отдавали в руки церкви по-прежнему с большим скрипом. Особенно это касалось зданий, которые занимали научные учреждения, музеи или государственные конторы, как это было в случае со зданиями Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде.

Архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай (Кутепов) и митрополит Таллинский и Эстонский Алексей (Ридигер) за богослужением в Арзамасе в дни празднования 1000-летия Крещения Руси, 1988 г.

По первой программе центрального телевидения тогда показали большой концерт братского хора Троице-Сергиевой лавры под управлением архимандрита Матфея (Мормыля). Сам этот факт был просто невероятным, но когда этот знаменитый хор выводил на разные голоса «Яко с нами Бог», люди старшего поколения, помнившие ещё годы хрущёвских гонений, так и говорили – «бедный Хрущёв, уж теперь в гробу переворачивается».

По словам владыки Николая, уже до юбилея, а особенно после него контроль власти над церковью значительно ослаб. С этого времени стало

возможным возрождение церковной жизни в Русской церкви в целом и в епархиях, в частности в Горьковской. Торжества было решено проводить в Арзамасе, в Воскресенском кафедральном соборе. Впоследствии нижегородские власти признавали, что это было ошибочным решением, и празднование нужно было проводить в городе Горьком. Однако на тот момент в областном центре достаточно большого храма для такого события не нашлось.

Многочисленные публикации в горьковской областной прессе (в газетах «Горьковский рабочий», «Горьковская правда», «Ленинская смена», «Арзамасская правда») широко освещали церковное торжество. Эти статьи и многочисленные интервью с правящим архиереем сохранились в архиве приснопамятного митрополита Николая (Кутепова), что позволяет нам проследить хронику этого эпохального события.

Непосредственная подготовка празднования, как рассказывал владыка в одном из своих газетных интервью, началась с приёма председателем горьковского облисполкома А.А. Соколовым группы духовенства и мирян во главе с правящим архиереем – архиепископом Горьковским и Арзамасским Николаем (Кутеповым). В книге «Святитель земли Нижегородской» отмечается, что в Горьковской области отношение к церкви в это время стало заметно меняться.

Хотя в делах уполномоченного ещё встречались документы о недопустимости участия детей в церковных хорах и прислуживании священнику, а в Дивеево и Первомайске, как и прежде, задерживали группы людей у святых источников, но уже в 1987 году в местной прессе стали появляться интервью с высшими церковными иерархами, такими как митрополит Алексей (Ридигер), в которых рассказывалось о миротворческой деятельности церкви, о грядущем праздновании 1000-летия Крещения Руси.

Поскольку торжества было решено проводить в Арзамасе, в городе начались реставрация Воскресенского кафедрального собора и работы по созданию всех необходимых условий для приёма многочисленных гостей со всего мира. Однако 4 июня 1988 года, менее чем за месяц до празднования, в городе случилась трагедия – на железнодорожной станции Арзамас-1 прогремел взрыв страшной силы, унёсший 91 человеческую жизнь и разрушивший огромное количество зданий. Даже на только что отреставрированном соборе, по свидетельству очевидцев, «железо его крыш стало задирается как на китайских домиках».

Владыка Николай находился в это время на праздничных торжествах в Москве. Как только ему стало известно о постигшем епархию и область горе, он рассказал об этом участникам юбилейного Поместного собора.

Церковные иерархи тут же собрали и передали значительную сумму денег для жителей пострадавшего города, куда нижегородский архипастырь выехал при первой же представившейся возможности.

В эти трагические дни Арзамас спасали всем миром, приходы стали собирать вещи и все необходимое для пострадавших. Владыка Николай в Воскресенском соборе сам отпевал погибших и утешал родственников, а священнослужители епархии активно участвовали в ликвидации последствий взрыва. В этом проявилось невиданное и невозможное в прежние атеистические годы единение власти и церкви.

К началу празднования в Арзамас съехались представители более чем 100 стран мира. Только от патриархии тогда прибыли около 180 участников, в частности все постоянные члены Священного Синода, представители крупнейших монастырей и духовных школ. Запечатлеть торжества для современников и истории были приглашены операторы, режиссёры, фотокорреспонденты и журналисты Ленинградской студии документальных фильмов, киностудии «Центрнаучфильм» (Москва), начинавшего тогда свою работу российского телевидения, информационного агентства «Новости», журналов «Советский Союз» и «Огонёк» и других федеральных средств массовой информации.

Приехали, как отмечала газета «Горьковская правда», и несколько групп иностранных специалистов из Италии, Швеции, ФРГ и Финляндии, работавших на предприятиях и стройках области, в частности на реконструкции Горьковского автозавода. Арзамас им очень понравился своей открытостью, искренностью людей и их живой верой. Один из представителей итальянской фирмы Unimorando сказал тогда: «В Воскресенском соборе красивая роспись, но я думал, что в храме будет мало посетителей, и буквально был поражён тем, что весь собор был заполнен людьми».

Празднование 1000-летия Крещения Руси состоялось в Арзамасе 2 и 3 июля 1988 года. Газета «Горьковская правда» писала тогда, что по разрешению Арзамасского горисполкома «впервые за полвека над берегами Тёши раздался колокольный звон, возвещавший о начале торжественной службы». Богослужение в Воскресенском соборе возглавил митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер) в сослужении архиепископа Николая (Кутепова) и духовенства Арзамаса и Горьковской епархии. Служба впервые транслировалась через усилители для верующих, собравшихся на площади около храма. Как вспоминали очевидцы, «торжественное пение хора, мощный бас дьякона плыли над рекой и по лугам уносились аж к виднеющейся вдали Скорбященской выездновской церкви».

Для людей около храма, по словам старосты Воскресенского собора Н.С. Емельянова, в эти дни «были установлены лотки и палатки, где можно было попить и перекусить». Кроме того, у собора дежурили милиция, пожарный наряд и машина «скорой помощи». В воскресенье в соборе состоялось торжественное заседание, посвящённое 1000-летию Крещения Руси, на котором с приветственным словом выступил Иван Петрович Складаров, председатель Арзамасского горисполкома, – человек, ставший впоследствии верным соратником владыки Николая и создавший фонд его памяти после его безвременной кончины. На этом заседании также присутствовали митрополит Алексей (Ридигер) и уполномоченный совета по делам религий при Горьковском облисполкоме А.Я. Миронов.

В завершение празднования силами объединённого хора Горьковской епархии из 70 человек под руководством регента Ирины Фёдоровны Муратовой был дан большой концерт духовной музыки, что для атеистических времён было невиданным событием. В программе концерта, как свидетельствуют документы, сохранившиеся в личном архиве приснопамятного владыки Николая, были произведения церковных композиторов и песнопения современных авторов, таких как архимандрит Матфей (Мормыль) и диакон Сергей Трубочёв.

9 и 10 июля торжества продолжились уже в Горьком, в Свято-Троицком Высоковском кафедральном соборе. 10 июля, как отмечается в отчёте «Журнала Московской Патриархии», владыка Николай совершил Божественную литургию, а после праздничного молебна вручил регенту И.Ф. Муратовой орден Святого равноапостольного князя Владимира III степени – «за усердные труды по подготовке юбилейных торжеств».

Торжественное церковное празднование по всей стране и в частности в Горьковской епархии показало всю значимость Русской православной церкви для атеистического советского государства. Как отметил тогда владыка Николай в одном из своих интервью, «верующие составляют значительную часть нашего народа, это такие же полноправные граждане, как и все остальные, поэтому они заслуживают уважения». Праздник всколыхнул всё огромное государство. Верующие и воспитанные вне веры устремились в храмы – и это было поистине второе крещение Руси, которого ждал и жаждал сам народ. 1988 год – год 1000-летия Крещения Руси – вернул церковь и православную веру в жизнь людей после стольких лет забвения.

ВРЕМЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КИРОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ.

1978 г.

Ногда приснопамятному владыке Николаю, как и другим архипастырям, вручалось временное управление «вдовствующими» епархиями до назначения туда новых правящих архиереев. Одно из таких назначений случилось в 1978 году, когда владыка уже был архиепископом Горьковским и Арзамасским: с 4 по 19 апреля он руководил ныне Вятской, а тогда Кировской епархией.

Расположенный на Большой Сибирской дороге, город Хлынов, впоследствии Вятка и потом город Киров, ещё в 1554 году получил исключительное право торговли с Великой Пермью и караванами отправлял пермскую соль вниз по Вятке. Через сто лет он превратился в один из самых крупных и влиятельных городов Северо-Восточной Руси: в 1654 году в нем было более 700 дворов, два монастыря, более десятка церквей. И все же дальнейшее развитие православия в столь населённом и удалённом от центра регионе настоятельно требовало учреждения епархиальной кафедры и архиерейской власти.

В октябре 1657 года на Поместном Соборе в Москве была учреждена Вятская и Великопермская епархия с центром в городе Хлынове. Как было сказано в соборном определении: «Страна, именуемая Вятка, отстоящи от царствующего града Москвы многим расстоянием, и есть оная страна и места имущи многочеловечны, и сего ради требует своего ей архиерея и пастыря». Границами новоучреждённой Вятской епархии на востоке были Уральские горы, на юго-востоке – река Сылва, приток Чусовой, на юге – линия от Кукарки к востоку, на западе – населённые места между реками Вяткой и Ветлугой, на севере – верховья Камы и Вычегды. Всего новоучреждённая епархия включала в себя 138 церквей.

В 1917 год Вятская епархия вступила, имея более 1500 храмов, около 500 приходов, в которых служило почти 2000 человек, а также 13 монастырей, но беды скорбного начала XX века не обошли Вятскую епархию стороной. В 1920–1930 годах по епархии прокатилась волна репрессий, погромов, антицерковных кампаний, закрытия и уничтожения храмов. Было арестовано и погибло подавляющее большинство священнослужителей и архиереев Вятской епархии, в их числе священномученик митрополит Горьковский Евгений (Зернов), бывшие викарные Яранские епископы Нектарий (Трезвинский) и Вячеслав (Шкурко).

Самый главный и безжалостный удар гонители постарались нанести по столице Вятской земли – городу Вятке, который в декабре 1934 года был переименован в Киров и стал центром сначала самостоятельного края, а затем и области. В 1930-е годы в нем были варварски уничтожены самые древние и прекрасные соборы, расположенные в центральной части города: Свято-Троицкий кафедральный, Богоявленский, Воскресенский, Александро-Невский, построенный по проекту известного архитектора Александра Витберга.

Великолепная Свято-Серафимовская церковь, построенная в 1907 году на средства прихожан в неорусском стиле, уцелела, поскольку была признана «зданием, подходящим под школу», и в 1930-е была снова открыта для верующих. Недолгое время в годы войны она исполняла функцию антирелигиозного музея, но после войны была снова открыта и долгие годы оставалась единственным действующим храмом в городе. В эти годы Свято-Серафимовская церковь носила статус Кафедрального собора епархии, каковой её и застал владыка Николай. Почти все остальные храмы Вятской епархии были обезглавлены, осквернены и отданы различным городским службам и учреждениям.

На момент прихода в епархию владыки Николая в качестве временно управляющего в Кировской области было всего 32 прихода, два из которых не действовали из-за отсутствия священнослужителей. Как отмечал по этому поводу архиепископ Кировский и Слободской Мстислав (Волонсевич) в своём годовом отчёте за 1977 год на имя управляющего делами Патриархии, «на многих приходах служат престарелые священники, требующие замены, по-прежнему крайне необходимы псаломщики».

Сведения о кратком пребывании приснопамятного владыки Николая на Вятской земле сохранились в личном архиве преосвященного. Как свидетельствуют документы, 3 апреля 1978 года владыка Николай получил от патриарха Пимена срочную телеграмму следующего содержания:

«Второго апреля скончался архиепископ Кировский Мстислав. Вашему преосвященству поручается совершить отпевание и погребение почившего с последующим докладом нам. Временное управление Кировской епархии возлагается на Ваше Преосвященство».

Архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай (Кутепов)
на отпевании архиепископа Кировского и Слободского Мстислава, 1978 г.

На следующий же день, 4 апреля 1978 года, владыка Николай приступил к исполнению обязанностей временно управляющего. В своём рапорте на имя Святейшего патриарха Пимена владыка Николай писал: «В исполнение предписания Вашего я прибыл в город Киров и 4 апреля с соборным и епархиальным духовенством совершил отпевание почившего архиепископа». В частности, как отмечается в некрологе архиепископа Мстислава, «в середине дня гроб с телом усопшего архипастыря был перенесён в кафедральный собор, где после совершения парастаса началось чтение Евангелия. Вечером архиепископ Николай отслужил заупокойное Всенощное бдение. 5 апреля, в среду, после Литургии Преждеосвящённых даров с участием городского клира и священников из других приходов началось отпевание. Перед отпеванием архиепископ Николай сказал надгробное слово, в котором просил молиться об усопшем, чтобы Господь простил ему все прегрешения вольные и невольные». Как отмечал владыка Николай в своём рапорте, «почивший архиепископ Мстислав погребён в пещерном

храме во имя св. Трифона Вятского, который расположен под соборным храмом».

После этого владыка приступил к временному управлению Кировской епархией и решению епархиальных вопросов. Остро стоял вопрос, связанный с замещением должности священника в храме города Слободского. Прежний настоятель храма был уволен за штат, поскольку, как писал владыка Николай в своём рапорте, «имеет весьма вздорный характер и не имеет подхода к верующим». И далее отмечал: «Его я хорошо знаю, ибо за это же уволил его из Омской епархии».

Для ведения текущих дел до назначения постоянного правящего архиерея архиепископ Николай учредил деятельность Епархиального совета, которому было поручено «изыскать способ нормализации церковной жизни в приходе города Слободской» и провести ревизию епархиального имущества и личных вещей покойного архиепископа Мстислава.

Ещё одним вопросом, который предстояло решить временно управляющему, было очередное награждение епархиального духовенства. В марте 1978 года архиепископ Мстислав направил в Патриархию письмо, в котором представил список священнослужителей Кировской епархии, «представляемых к очередным наградам к празднику Пасхи».

Однако награды вручать владыке Николаю не пришлось. Уже 19 апреля 1978 года Священный Синод постановил, что «епископом Кировским и Слободским быть архимандриту Хрисанфу (Чепилю), настоятелю Крестовоздвиженского собора г. Петрозаводска», и недолгое временное управление Кировской епархией для владыки Николая закончилось.

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ. 24 апреля – 4 мая 1978 г.

Владыка Николай за время своего святительского служения не единожды бывал на Святой Земле. И как руководитель официальных церковных делегаций, как это было весной 1978 года, и в составе паломнических групп, направляемых в Иерусалим по случаю каких-либо важных торжественных мероприятий, как это было в июне 1984 года в связи с престольным праздником храма Русской духовной миссии. Посещал Святую землю нижегородский архипастырь и как частное лицо, так было в конце 1990-х годов. Своё первое паломничество в Святой град Иерусалим он совершил с 24 апреля по 5 мая 1978 года.

9 марта 1978 года архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай получил из Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) предписание возглавить паломническую группу Русской православной церкви, направляемую во Святую Землю на празднование Пасхи. Это была традиционная ежегодная поездка для русского духовенства. В этот раз помимо горьковского архипастыря в группу вошли также преосвященный Исидор, епископ Архангельский, настоятель патриаршего Богоявленского собора Виталий Боровой, ректор Одесской семинарии прот. А. Кравченко, а также клирики разных епархий и сотрудники ОВЦС, всего 11 человек. Все участники группы, кроме референта-переводчика, ехали в Святую Землю впервые.

Сохранившийся в архиве владыки отчёт об этой поездке свидетельствует, что накануне отъезда паломники получили в совете по делам религий соответствующие разъяснения о том, как им подобает вести себя за рубежом. Дипломатические отношения между СССР и Израилем на тот момент были приостановлены, поэтому прямых авиарейсов не было,

и группа русских паломников 24 апреля 1978 года летела в Иерусалим через столицу Румынии Бухарест.

В Бухаресте паломники сделали однодневную остановку и посетили русскую церковь во имя святителя Николая, патриарший кафедральный собор и поклонились мощам святителя Димитрия Бессарабского. Запланированное посещение семинарии сорвалось из-за печального события – случившегося накануне землетрясения, унесшего жизнь одного семинариста, и пасхальных каникул. Вместо этого группа паломников из СССР была радушно принята архимандритом и братией монастыря Черника, расположенного недалеко от столицы Румынии.

Утром 25 апреля русские паломники вылетели из Бухареста в Израиль, где в аэропорту их уже встречали представители Русской духовной миссии во главе с её руководителем архимандритом Николаем (Шкрумко). «Вы посещаете Святые места, и мы надеемся, что для вас будут созданы все условия, чтобы вы почувствовали себя как дома», – обратился он к прибывшим из России паломникам.

Программа пребывания на Святой Земле была очень насыщенной. В первый же день русская паломническая группа посетила Хеврон, пещеру Рождества Христова в Вифлееме и гробницы ветхозаветных патриархов. В этот же день вечером радио Израиля передало на русском языке, что «делегация РПЦ во главе с архиепископом Николаем из Горького прибыла сегодня на праздник Пасхи».

В Великую Среду, 26 апреля, после ранней литургии в Миссии и в женском Горнем монастыре паломники посетили Блаженнейшего патриарха Святого града Иерусалима Венедикта, а затем выехали на Мёртвое море. Погода в эти дни установилась очень жаркая, поэтому все члены группы искупались в его соленых водах. Завершился этот насыщенный день посещением обители Герасима Иорданского, где делегацию приветствовал единственный её насельник – грек с Кипра отец Матфей. Обитель эта находится на том самом месте, где по преданию Пресвятая Богородица с Богомладенцем и Иосиф Обручник отдыхали по пути в Египет.

Ранним утром в Великий Четверток все паломники приняли участие в Божественной литургии на Гробе Господнем, а в 8 часов утра на соборной площади перед храмом присутствовали на Чине омовения ног. «Наши иерархи – архиепископ Николай и епископ Исидор, – как отмечается в отчёте, – были на почётном месте на помосте, где совершался Чин». А в это время «в голубом иерусалимском небе с рёвом проносились, барражируя над городом, самолеты-фантомы, везде были патрули с автоматами, которые

придирчиво осматривали арабов. На дорогах танки, а в предместьях города раскинулся целый военный палаточный городок». Так Израиль готовился к празднованию Дня независимости 15 мая.

28 апреля, в Великий Пяток, после посещения Претория, куда был приведён на суд Пилата Христос Спаситель, группа русских паломников прошла по Крестному пути Спасителя до Голгофы. Владыка Николай и владыка Исидор приняли участие в несении Креста, а на остановках, где служились литии с прошениями, как отмечается в отчёте, «слышались голоса наших иерархов».

Ночью в храме Миссии было отслужено Погребение Спасителя и состоялась Божественная литургия, а на следующий день, в Великую Субботу, в полдень наши паломники стали свидетелями события, которое всегда вызывает страх и трепет у православного человека, – так называемого «Чина Благодатного огня». В отчёте владыка Николай писал: «Молящиеся – преимущественно греки – были накалены, и экзальтация достигла наивысшего предела, когда стало ясно, что Чудо схождения Благодатного огня на Гроб Господень свершилось и на этот раз. И весь храм наполнился морем огня от зажжённых свечей».

Ночное пасхальное богослужение 30 апреля было совершено в Храме Воскресения. Накануне в 22.30 из двора Греческой Патриархии при криках ликования и под бой барабанов процессия вместе с паломниками из России направилась к Кувуклии, и все молились там за Пасхальной заутреней и Божественной литургией. Затем заутреня и литургия были совершены в храме Русской миссии, а после Пасхальной вечерни у Гроба Господня русские гости были приглашены на торжественный приём.

В Светлый понедельник, 1 мая, после ранней литургии члены делегации Русской церкви поздравили иерусалимского патриарха Венедикта. Обращаясь к своим гостям, патриарх сказал, что «в Иерусалиме есть традиция – уделять высокие знаки внимания тем, кто прибыл к нам для поклонения Святым местам Гроба Господня. Особенно гостям из православной России». Владыка Николай был награждён тогда большим крестом с короной и венком. В этот же день русская делегация посетила губернатора древней израильской столицы, а днём состоялся приём в ресторане «Континенталь».

На следующий день русские паломники совершили литургию на Гробе Божией Матери в Гефсимании, а затем посетили церковь Св. первомученика Стефана и Гефсиманский сад. В официальную программу этого дня входило посещение мэра Иерусалима. После этого владыка Николай дал

развёрнутое интервью корреспонденту радио «Голос Израиля». Отвечая на вопрос о своих впечатлениях от Святого града, владыка сказал, что «его сердце наполнено духовной радостью, как сердце каждого верующего человека».

Говорил нижегородский архипастырь и на приёме Министерства религий Израиля: «Не ново, что в Иерусалим пришли паломники из России, но мы приложили меньше труда, чем наши предшественники, ведь сейчас другие средства передвижения, но как бы то ни было, не найдётся человека, который бы не желал посетить эти святые места». Владыка подарил директору министерства сувенирный самовар как символ доброго отношения и семейственности. Вечером того же дня радио «Голос Израиля» передало, что «встречи между израильскими представителями и советскими гостями традиционно проходят в обстановке взаимного доверия».

В последний день пребывания группа посетила Генисаретское озеро с остановкой на Иордане. После прощальной молитвы в храме Русской духовной Миссии русские паломники вылетели на родину через Кипр.

Поездка в Святую Землю была для владыки очень важной и, как сказал он в одном из интервью, в Иерусалиме он «нашел и поклонился святыням и получил духовную поддержку той благодати, которую дают посещаемые Святые Места». По возвращении в Горький владыка Николай пригласил к себе священнослужителей епархии для того, чтобы поделиться с ними впечатлениями от поездки. Как вспоминали священники, «раньше ничего такого не было, и это было интересно». Владыка привёз с собой плакаты и открытки с видами Иерусалима и подарил каждому по святыньке, что было для всех «новым, неожиданным и очень приятным».

ГРЕЦИЯ И СВЯТАЯ ГОРА АФОН. 11–28 ноября 1980 г.

Преподобный Антоний Печерский, рождённый в местечке близ Чернигова и почувствовавший с юных лет влечение к высшей духовной жизни, принял постриг в одной из обителей святой Афонской горы. Именно там будущий основатель русского монашества начал свой духовный подвиг, дабы впоследствии, по благословению афонского игумена, полученный на этой святой земле духовный опыт принести на русскую землю. Так на высоких киевских горах появился один из древнейших русских монастырей – благословенная Киево-Печерская лавра. Владыка Николай как постриженник этой святой обители стал продолжателем афонской монашеской традиции, поэтому Афон для нижегородского святителя всегда был местом особым.

В преддверии спасительных дней Рождественского поста 1980 года владыка Николай, тогда архиепископ Горьковский и Арзамасский, в составе большой группы паломников, возглавляемой митрополитом Таллинским и Эстонским Алексием (Ридигером), совершил долгожданное паломничество в Грецию и на святую гору Афон.

11 ноября 1980 года паломники из России прибыли в Афины, где их встречали представители Элладской православной церкви. Прежде чем отправиться в Первый удел Пресвятой Богородицы – Афон, гости жили в монастыре Пендели близ греческой столицы и посещали афинские достопримечательности и храмы.

13 ноября на пароходе из Уранополиса (последний населённый пункт перед Афоном) паломническая группа отправилась на Святую гору, в русский Пантелеимонов монастырь, в так называемый Новый Руссик, в котором гости из России проживали в течение всего пребывания на Афоне, этой же ночью была совершена первая ночная литургия в главном монастырском храме.

Положение дел в Пантелеимоновом монастыре в эти годы было очень тяжёлым из-за отсутствия нового поступления иноков из России. Известный греческий богослов Антоний Тахиаос говорил по этому поводу, что «духовное состояние монастыря к худшему идёт, и один Бог знает, что будет дальше». Свою озабоченность тогда по этому поводу высказывал и руководитель паломнической группы митрополит Таллинский и Эстонский Алексий (Ридигер) на встречах с игуменом обители архимандритом Иеремией.

Следующим утром паломники выехали в Карею – административную столицу монашеской республики, но по дороге заехали в Старый Руссик, где, как свидетельствует архивный отчёт, посетили собор св. Пантелеимона и стали свидетелями обширных ремонтных работ, проводившихся в обители.

В Карее у русских паломников состоялась встреча с председателем Кинота, коллективного органа управления полуостровом, также гости из России были представлены губернатору Святой горы Димитрию Цианису. Следуя весьма насыщенной программе, в этот же день паломническая группа посетила Андреевский скит. В течение следующих дней паломники молились в Пантелеимоновом монастыре, совершая положенные уставные богослужения и посещая достопримечательности обители: обширную библиотеку, усыпальницы монастыря и маслобойню.

17 ноября русские паломники посетили лавру св. Афанасия, где были радушно встречены братией. Как свидетельствует архивный отчет, в храме

прошел краткий молебен, после чего гости совершили поклонение гробу основателя обители – преп. Афанасию Афонскому. Паломникам также показали храм свт. Николая, трапезную, лаврскую библиотеку и ризницу. В последующие дни русские паломники посетили множество других монастырей Афона: Иверский монастырь; монастырь Ксенофонта; монастырь Дохиар, где был отслужен молебен с акафистом перед иконой Божией Матери «Скоропослушница»; монастырь Симона Петра, а также болгарский монастырь Зограф.

Архиепископ Горьковский и Арзамасский Николай (Кутепов) в составе паломнической группы на святой горе Афон, 1980 г.

Путь в Зограф от пристани был преодолен паломниками сначала пешком, а потом, по афонской традиции, верхом на мулах. Гостей болгарского монастыря встречала братия, поскольку игумен задерживался на сборе маслин, а ночью в соборе св. Георгия была отслужена Божественная литургия, за которой большинство участников паломнической группы, в том числе и владыка Николай, пели на клиросе.

В один из дней пребывания на Афоне члены паломнической группы имели возможность подняться на самую высокую точку полуострова – на вершину горы Афон (2033 м), на которой возвышается храм во имя Преображения Господня. Как вспоминал потом владыка, этот подъём дался ему

очень тяжело, поскольку напомнили о себе военные ранения (частично ампутированные ступни). И тогда он вспомнил один свой сон, который видел в первые дни после принятия монашества. Ему тогда приснилось, что он должен отнести в гору крест, который поначалу казался ему легким, и владыка выбрал для подъёма из нескольких вершин самую высокую. Но с каждым шагом идти становилось всё сложнее, он устал, оступался, падал под тяжестью креста, полз и цеплялся руками за уступы скалы, в результате чего руки и ноги его были ободраны, а из ботинок сочилась кровь. Бросить крест было нельзя, и, изнемогая под его тяжестью, он продолжал идти, пока наконец не достиг этой самой вершины. Так здесь, на Афоне, сбылось увиденное им когда-то во сне. В храм Преображения Господня он поднялся в ботинках, полных крови...

Мулы – лучший способ передвижения по святой горе Афон, 1980 г.

21 ноября, после ночной литургии в Пантелеимоновом монастыре состоялась прощальная трапеза, на которой владыка Николай выразил сердечную благодарность игумену и братии обители за тёплый прием, после чего гости отбыли в Салоники. В Салониках русских паломников принимал митрополит Пантелеимон. 24 и 25 ноября гости из России посетили храм св. вмч. Димитрия Солунского, спустились в крипту – место страданий

и смерти святого, а также посетили духовную семинарию, где в их честь был устроен торжественный приём. В завершение поездки русские паломники помолились в храме преп. Иоанна Русского в Нео-Прокопии. На церковнославянском, эстонском и греческом языках была отслужена Божественная литургия, за которой все участники святого паломничества причастились. Память об этом паломничестве владыка нёс до конца своих дней.

ПЮХТИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ. 1990-е гг.

Местом молитвы и духовного отдохновения для владыки Николая (Кутепова) всегда была Пюхтицкая Успенская женская обитель в Эстонии. Владыку связывала тесная дружба с настоятельницей монастыря игуменьей Варварой, он сам неоднократно бывал в монастыре и принимал у себя в Горьком пюхтицких сестер. «Пюхтица (эст. – святое место) – село на границе Псковской и С.-Петербургской губерний в 16 верстах к северо-западу от Чудского озера. Оно населено частью русскими крестьянами, а частью так называемыми „полуверцами“, то есть олютеранившимися русскими, переселившимися сюда в XV веке из-за Чудского озера для рыбного промысла», – читаем в словаре Брокгауза и Ефрона. Именно в этом месте суждено было появиться святой Успенской обители.

Богородицкая гора, на вершине которой ныне расположен Пюхтицкий Свято-Успенский женский монастырь, издревле носила название Куремяэ (эст. – Журавлиная гора). Еще в XII–XIII веках через эти места пролегал торговый путь, соединявший Новгородскую и Псковскую земли с древними эстонскими городами Юрьевом (Тарту) и Кольванью (Таллин). В те далекие времена возникли в этом районе первые русские поселения. С XIII века вместе с экспансией крестоносцев началась латинизация края, и все же часть населения оставалась верной православию. С введением в Эстляндии лютеранства (в первой половине XVI века) для православных наступили трудные времена: храмы разрушались, богослужение совершалось на непонятном немецком языке, а на верующих периодически производились гонения. И вот в этом краю, в утешение измученным непосильной борьбой с тевтонскими рыцарями людям, явилась Божия Матерь.

По свидетельству Сыренецкой летописи XVI века, в Куремяэ случилось чудесное знамение: ранним летним утром пастухи увидели на горе Светозарную Деву в дивном лазурном одеянии. Они устремились на гору, но видение скрылось. Когда же они стали удаляться, Богоматерь вновь предстала перед их взорами. Вернувшись домой, пастухи рассказали об этом

жителям своей деревни, а на другой день на рассвете все селяне отправились на гору и тоже увидели Пречистую Деву Марию, стоящую в сиянии чудного света. На третий день собрались у горы крестьяне со всех окрестных деревень, и вновь Пресвятая Дева почтила их Своим явлением. Она стояла у подножья горы, где забил источник ключевой воды, а потом стала подниматься все выше, выше и, остановившись у величавого дуба, исчезла. На том месте, где стояла Пресвятая Дева Мария, селяне обрели в расщелине дуба икону Успения Божией Матери и на этом месте построили часовню в честь Успения Божией Матери, где и поставили обретенный образ. С той поры Журавлиную гору стали называть Пюхтицкой, то есть Святой.

1 февраля 1887 года в городе Иевве (современный Йыхви) было открыто отделение православного братства Христа Спасителя и Покрова Пресвятой Богородицы. При братстве образовалась небольшая женская община, которая занималась обучением детей-сирот, прежде всего, девочек, но основной целью братства было все же устройство монастыря в Пюхтицах. «По мысли нашего братства, будущая женская обитель могла бы явиться хранительницей чудотворной иконы Успения Богоматери на самом месте ее чудесного явления и под сенью этой святыни совершать путь иноческого подвига», – писала одна из основательниц братства княгиня Елизавета Шаховская. В 1891 году на праздник Успения состоялось торжественное открытие общины, а в 1892 году Указом Священного Синода было определено монашескую общину переименовать в Пюхтицкий Успенский женский монастырь.

Главной святыней обители была и остается сегодня обретенная в XVI веке чудотворная икона Успения Божией Матери, которая пребывает в возведенном в 1910 году великолепном пятиглавом Успенском соборе, выдержанном в стиле древнерусской московско-ярославской архитектуры. Среди святынь обители была и одна нижегородская. В 1892 году первая игуменья обители привезла из Нижнего Новгорода старинную икону (1782 г.) на кипарисовой доске с серебряным золоченым крестом, в который были вделаны 32 частицы святых мощей угодников Божиих. Среди меценатов и благотворителей обителей были и князья, и купцы, и простые верующие. Был среди них и протоиерей Иоанн Кронштадтский – проповедник и чудотворец. Он заботился о монастыре, регулярно помогал деньгами и присылал новых насельниц.

Проявлял постоянную заботу о святой обители в более позднее время и митрополит Эстонский и Таллинский Алексей (Ридигер). Это было очень значимое для него место – ведь именно сюда отец привозил его

еще младенцем, а потом именно здесь он проводил очень много времени в свои юные годы. В начале 1960-х годов, когда он был уже архипастырем, ему даже пришлось спасать монастырь от закрытия. Для этого он возил в обитель иностранные делегации и часто во время этих визитов и потом, во время своих частных посещений монастыря, брал с собой владыку Николая.

Впоследствии и сам нижегородский владыка часто приезжал сюда. Настоятельница монастыря игуменья Варвара вспоминала: «Нижегородский митрополит Николай очень любил приезжать к нам», – и рассказывала такую историю: «Однажды выхожу зимой, думаю, что такое? – У архиерейского дома владыка Николай расчищает снег.

– Владыка, что вы делаете?

– Матушка, на завтрак зарабатываю кусочек хлеба.

Выходит владыка Алексей, и я пытаюсь пожаловаться ему на владыку Николая. Но он мне в ответ:

– Я, – говорит, – вижу. Но как же, ведь это стыдно, надо на кусочек хлеба заработать, – и сам начнет расчищать дорожки вместе с сестрами».

Сам нижегородский архипастырь всегда называл Пюхтицкую обитель «оплотом женского православия» и говорил, что «мать Варвара воспитывает истинных монахинь». Владыку восхищали порядки в монастыре и «очень толковое хозяйственное управление». После каждой своей поездки владыка рассказывал отцам и работникам епархии о монастыре и однажды стал восхищаться тем, как в Пюхтицах «дрова складывают стожком», то есть как стог сена. По его словам, «при таком способе укладки дров при дожде намокает только одна сторона, а другая остается совершенно сухой». Рассказал и наказал: «Вам нужно съездить, посмотреть и перенять этот опыт!»

Таким образом, посещения Пюхтицкой обители всегда давали владыке Николаю не только новые духовные силы для несения своего архипастырского креста в столь сложное для церкви время, но и новые идеи для устройства жизни в ставшей ему родной Горьковской (Нижегородской) епархии.

ВИЗИТ В ЭССЕН (ГЕРМАНИЯ). Декабрь 1992 г.

Приснопамятный митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) часто бывал в Германии: в составе официальных делегаций Русской православной церкви и по линии советских общественных организаций (Советский Фонд мира и общество «Родина»), как это было в советское время, и как частное лицо по приглашениям немецких христианских общин, как это случалось уже в конце 1980-х и в 1990-е годы. Однако эта поездка была необычной и очень важной – владыка представлял Нижний Новгород в городе Эссене, который со столицей Приволжья связывали побратимские отношения.

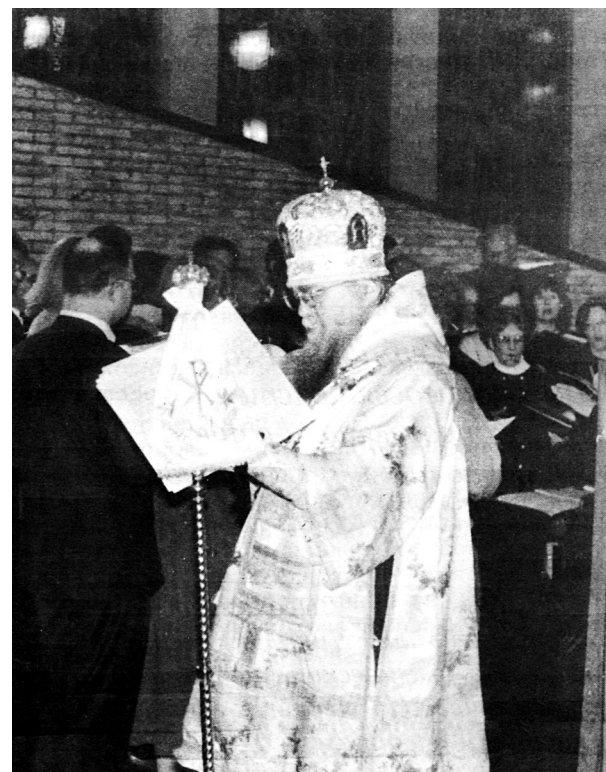
Город Эссен (622 тыс. жителей) находится на западе Германии, в земле Северный Рейн – Вестфалия в центре так называемой Рурской области – крупнейшей городской агломерации Германии. Город живописно расположен на холмистой равнине между долиной реки Рур и каналом Рейн-Херне. История Эссена началась в 800 году с основанием так называемого Верденского аббатства – женского монастыря Святой Марии, Космы и Дамиана, где в христианской вере воспитывались дочери местных дворян. Вокруг обители на месте будущего Эссена (от старонемецкого – «ясень») тогда располагались пять деревушек кузнецов, поэтому месту дали название Астниде, что значит «кузнечная печь». Позднее (ок. 1000 года) к монастырю и поселениям вокруг него присоединился купеческий посёлок, а в 1240 году город обнесли городской стеной.

Уголь в Эссене добывали ещё в XIV веке, но тогда спрос на него был невелик. С развитием индустрии в XIX столетии объёмы угледобывающей промышленности заметно возросли и в Эссене, в начале XX века работало около 80 шахт. Вместе с тем развивалась металлургия. Во время Второй

мировой войны город был сильно разрушен, поэтому после ее окончания он был отстроен заново. В 1986 году в городе закрыли последнюю шахту, и современный Эссен – это город искусства и культуры. В 2010 году вместе с другими городами Рурской области Германии Эссен был «культурной столицей Европы».

10 сентября 1991 года было подписано «Соглашение о создании сообщества городов-побратимов Эссена и Нижнего Новгорода», а через два года, в июне 1993-го, на основе этого соглашения был подписан договор о сотрудничестве между Нижегородской областью и всей землёй Северный Рейн – Вестфалия. В рамках этого события с 5 по 13 декабря 1992 года владыка Николай и нижегородский епархиальный хор находились в Эссене по приглашению Евангелической общины этого города, представители

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов)
в Эссене (Германия), 1992 г.

которой гостили в Нижнем Новгороде на Пасху того года, о чем свидетельствует заметка, опубликованная в одном из номеров епархиального журнала «Сеятель».

Помимо чисто представительской цели, по словам владыки, он ставил перед собой задачу «ознакомиться с диаконией Евангелической церкви, то есть с тем, как данная церковь служит ближнему своему». Поэтому гости из России посетили с визитом дом престарелых, детский сад и две больницы, находящиеся под церковным попечительством.

После посещения дома престарелых владыка отмечал «идеальный уход за „старичками“, опеку и внимание, которые и во многих семьях редко встречаются». Также преосвященный говорил, что «в этом доме есть место, где можно помолиться, есть священнослужитель (пастор), который духовно окормляет всех, кто в этом нуждается». Посещение детского сада и двух церковных больниц произвели на владыку не меньшее впечатление. Например, в детском саду дети находились только четыре часа – с 8 до 12 часов дня, но, по словам преосвященного, «за столь малое время они не только успевают поиграть, погулять и позаниматься, но и ведут своеобразные „богословские“ беседы на такие темы как, например: действительно ли умер святитель Николай или он превратился в Санта-Клауса и приносит им счастье под Новый год и желанные гостинцы».

В итоге «пришлось признать, – говорил потом нижегородский святитель, – что диакония находится у немецких евангелистов на высочайшем уровне». Правда, владыка отметил, что для этого есть вполне объективные причины, поскольку «у них не было тех потрясений, тех лихолетий, которые испытали мы; не было жесточайших гонений на Церковь Христову и воинствующего атеизма, а следовательно, и ужасных последствий всего этого».

Кроме евангелических социальных учреждений делегация из Нижнего Новгорода посетила католический кафедральный собор города Эссена, где гостей встречал старший священник. Как отмечалось в статье, «он рассказал о церковной жизни в своём городе и в своём храме и показал гостям сокровища, которые хранятся в соборе». Кроме того, немецкий священник поделился с христианами из России своей глубокой озабоченностью тем, что немецкое молодое поколение становится всё более безрелигиозным и, стремясь к материальному благополучию, забывает о главном – о душе».

В православном греческом храме нижегородский преосвященный вместе с греческим духовенством совершил вечерню в сопровождении двух хоров: греческой церкви и кафедрального собора Нижнего Новгорода под управлением регента И.Ф. Муратовой, а после вечерни была отслужена

панихида на Эссенском кладбище, где нашли своё последнее пристанище дети русских военнопленных Второй мировой войны.

Владыка рассказывал, что «наши соотечественники жили там годами, работали на германских предприятиях, женились или выходили замуж, рожали детей. И вот эти дети умирали от голода, поскольку на памятниках значатся годы их жизни: 1945–1946, 1946–1947 и т. д.». В дневнике одной певчей читаем: «Поехали на кладбище в Кеттвиг (район Эссена), где находятся могилки детей русских работниц, умерших во время войны. Там отслужили панихиду. Плакали все, особенно когда зазвучала молитва „Мати Божия“. На каждой могилке были зажжены свечи». Это была первая панихида, отслуженная в этом месте за все десятилетия после войны.

Кроме Эссена гости из Нижнего Новгорода побывали в Мельтахайне и Дюссельдорфе, где находится русский православный храм. Нижегородский епархиальный хор часто выступал с концертами: в католическом соборе Эссена, в евангелической церкви, а также в Кёльне на Рождественском празднике знаменитых кёльнских пивоваров. 11 декабря, когда хор выступал в церкви эссенского района Рулерум, зал аплодировал стоя.

Программа пребывания русской делегации в Эссене была чрезвычайно насыщенной, но эта поездка показала всем, что и в Германии люди, пусть и относящиеся к другой конфессии, ведут себя по-христиански, излучают тепло, свет и доброту. Пример их самоотверженной работы на социальном поприще стал для нижегородского владыки в сложные годы возрождения Русской церкви после долгих лет гонений примером и стимулом для организации в Нижегородской епархии подобных социальных учреждений и, как говорил преосвященный, после этой содержательной поездки «стали возможны контакты на уровне духовного единения. Хотя этот процесс и трудный, и долгий, но пути Господни неисповедимы...».

УВЛЕЧЕНИЯ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ

Владыка Николай очень любил книги. Они сопровождали его всю жизнь. Самые разные: от церковной истории и православного богословия до практической астрономии и зимней рыбалки. Это был человек энциклопедической начитанности. Он всегда читал или хотя бы просматривал новые издания по интересовавшим его темам, даже в те годы, когда непосильный груз святительского служения и забот почти не оставлял для этого свободного времени.

Любовь к книге началась у приснопамятного владыки с самого детства. Дома у Кутеповых была хорошая библиотека, книги в семье любили и очень ценили, поэтому Николай много читал, был активным посетителем школьной библиотеки. Сестра владыки Римма Васильевна вспоминала, что любовь Николая к книгам была совершенно удивительной.

Следующим этапом приобщения будущего нижегородского архипастыря к книжной и культурной сокровищнице, сформировавшим его стремление к собиранию библиотеки, стало его знакомство и многолетнее общение с архиепископом Антонием (Марценко), секретарём, иподиаконом и духовным чадом которого он был с октября 1946 до декабря 1951 года, когда владыка Антоний был арестован. Но связь с духовным наставником Николай Кутепов поддерживал до самой кончины преосвященного Антония в декабре 1954 года.

Владыка Антоний был очень образованным человеком, он владел иностранными языками, разбирался в музыке и литературе, имел большую коллекцию пластинок и хорошую библиотеку, полную ценных и редких изданий... Приобщил он к художественной культуре и Николая, передав ему любовь к книге на всю жизнь.

В годы обучения в духовных школах – в Московской духовной семинарии и Ленинградской духовной академии – студент Николай Кутепов не имел практической возможности приобретать книги и хранить их, однако уже после хиротонии во епископа Мукачевского и Ужгородского в сентябре 1961 года это стало возможным.

Архив и книжное собрание приснопамятного владыки дают возможность узнать, что уже в эти годы было положено начало его ценнейшей книжной коллекции. До наших дней сохранилось несколько книг, о которых с уверенностью можно сказать, что они были приобретены именно в годы его служения на первой кафедре. Например, в архиве владыки сохранилась небольшая книжица на русинском языке (языке коренного народа Подкарпатской Руси) «В обороне наших церковных школ», изданная в Ужгороде в 1930 году. Эта брошюра повествует о появлении и развитии школьного и церковно-приходского образования на территориях компактного проживания русинов.

В этот же период, безусловно, был приобретён русско-украинский словарь, изданный во Львове в 1893 году и переизданный репринтом в Берлине в 1924 году. Этот словарь согласно инвентарной печати входил в фонд библиотеки Свято-Никольского Мукачевского женского монастыря, который на протяжении нескольких столетий был обителью католических монахов-василиан, а потом словарь стал частью книжной коллекции приснопамятного митрополита Николая.

Ещё одно удивительное приобретение владыки в Закарпатье – памятная книга Ужгородского Покровского храма-памятника. Это книга записей посетителей и почётных гостей Покровской церкви, построенной в Ужгороде в 1931 году в память о русских солдатах, погибших на полях сражений Первой мировой войны. Завёл эту книгу 18 декабря 1938 года второй настоятель этого прихода, известный церковный писатель XX века игумен Аверкий (Таушев). Книга состоит из двух больших тетрадей, вложенных в деревянный переплёт. На обложке переплёта изображён сам Покровский храм-памятник с надписью «Памятная книга Русского Православного Храма-памятника в Ужгороде. Памятуйте о России!», а на обороте – равноконечный крест, окружённый растительным орнаментом. Оба изображения выполнены в технике выжигания по дереву. Сейчас сложно сказать, кто создал этот шедевр церковного искусства, но прошедшие годы почти никак не повлияли на его сохранность.

Записи в книге охватывают период с 1938 по 1960 год. С 1938 по 1944 год записи в книге сделаны преимущественно на венгерском языке,

поскольку Подкарпатье в этот период стало частью Венгрии. С 1944 по 1960 год записи делались уже в основном на русском и украинском языках, так как Подкарпатье вошло в состав Советской Украины как Закарпатская область. В начале 1960 года храм-памятник был закрыт и разграблен. Вероятнее всего, случилось это ещё до приезда в Мукачево новопоставленного епископа Николая, но книгу ему удалось сохранить, и она стала одной из жемчужин собрания владыки.

На протяжении всего своего дальнейшего церковного служения владыка Николай приобретал ценнейшие книжные памятники и редкие книги везде, где ему после Закарпатья приходилось нести святительское послушание: в Омске, Ростове, Владимире, Калуге и, наконец, в Нижнем Новгороде. В частности, в годы архипастырского служения в Калуге (1975–1977 гг.), как рассказывал секретарь владыки в те годы иеромонах Донат (Петенков), владыка часто ездил в Москву в антикварные и букинистические лавки и магазины, где всегда находил ценные книги, вещи и эмали. Покупал книги он и в самой Калуге.

К этому времени у владыки уже накопилась достаточно большая коллекция. Как рассказывал о. Донат, всё, что владыка Николай привёз с собой с других кафедр, он не распаковывал. Просто потому, что епархиальный дом был маленький, и всё просто некуда было сложить, так что большие ящики с книгами так и простояли все два года служения в Калуге в гараже епархиального управления, а в 1977 году приснопамятный владыка переехал на свою последнюю кафедру в город Горький.

Долгое время обширная библиотека и личный архив митрополита Николая размещались в епархиальном доме на улице Пискунова, где владыка прожил последние годы своей жизни. Как отмечается в книге «Святитель земли Нижегородской», «знаменитая библиотека заняла одну из больших комнат и огромный коридор. Ему катастрофически не хватало времени... но он не мог отказать себе в удовольствии хоть полчаса провести в библиотеке».

Одним из важных источников пополнения фонда владыки были подарки от знакомых, друзей и священнослужителей Нижегородской епархии, часто с дарственными надписями. Так, одним из ценнейших приобретений этого периода стала Ставленническая грамота самого первого нижегородского митрополита Филарета, датированная 1672 годом, специально купленная для владыки Николая и подаренная ему нижегородскими бизнесменами. Директор Нижегородского архива Валерий Харламов вспоминал: «Мне довелось посмотреть библиотеку митрополита. Конечно, в качестве частного собрания она впечатляла. Владыка собирал её всю свою жизнь».

В феврале 2007 года по благословию митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия книжное собрание и архив были переданы в фонд библиотеки Нижегородской духовной семинарии, а в 2014 году книжное собрание приснопамятного нижегородского святителя, насчитывающее около 10 000 томов, было включено в Фонд книжных памятников Нижегородской области.

РЫБАЛКА

Владыка Николай был заядлым рыболовом, очень любил летнюю и особенно – зимнюю рыбалку. Как отмечали близкие к владыке люди, рыбалка была его подлинным увлечением, и даже человеческой слабостью, которой он с удовольствием предавался в свободное время. Владыка сам говорил, что «только на рыбалке он по-настоящему отдыхает от насущных дел». Там, на Волге, следя за поплавком, он, вероятно, более спокойно перебирал в памяти текущие события, находил ответы на вопросы, да и просто восстанавливал свои силы.

Как у заядлого и опытного рыболова у него была полная рыбацкая экипировка – высокие сапоги, роба, складной стул, и, разумеется, великолепные снасти: масса удочек, крючков, блёсен. Кроме того, из каждой своей заграничной поездки владыка старался привезти рыболовные новинки: складные удочки, спиннинги, которых тогда не было в СССР, крючки и блёсны. У Владыки сложилась своя компания любителей рыбалки, которых он уважал, и очень горевал, когда умер один из его друзей-рыболовов. Владыка любил рыбацкие анекдоты, всегда с удовольствием слушал их, весело хохотал. Естественно, он хорошо знал рыбные места на Волге и на многих озёрах области и всегда приезжал с рыбалки с уловом.

Близкие к владыке люди могли рассказать немало историй, связанных с архиерейской рыбалкой. Покойный ныне протоиерей Константин Миюхин, который начинал своё церковное служение, будучи иподиаконом архиепископа Николая, рассказывал об одном таком случае: «Однажды зимой поехали рыбачить в Заволжье под плотину. Порыбачили, а владыке в этот же день нужно было вернуться, какая-то встреча у него была. Пошли к машине – она не заводится, а время бежит... Я предложил ему идти на электричку. Только подошли, а тут электричка, еле успели в вагон сесть. Едем. И ему и мне не в ум, что билетов у нас нет. Сидим друг напротив друга, рады, что успели. Мне не видно, а он уже увидел, что в вагон вошли контролёры. Спрашивает меня: „Костя, а тебя когда-нибудь высаживали из электрички?“ Я ему говорю, что нет, не высаживали. Тогда он мне говорит: „Ну, готовься,

сейчас будут. Имей в виду, что у меня денег нет“. А у нас одёжка-то рыбацкая, никто не угадает, что он важная личность, высадят за милую душу. Я давай лихорадочно по карманам шарить, еле нашёл рубль замятый. Заплатил. Приехали, а водитель нас уже встречает. Он разогрел машину и примчался, а то как без билета в автобусе в Карповку ехать?»

О.В. Букова вспоминала: «Вечером после рыбалки по телефону Владыка с удовольствием рассказывал мне об улове, о том, сколько рыбок он поймал и сколько они весят. Говорил о том, что его кот Барсик с удовольствием поедает улов: „Ты же видишь, он на моих харчах поперёк себя шире стал“, – смеялся владыка». А в разговоре со священниками о рыбалке отшучивался, что ловит не самую крупную рыбу: «Отцы, если у меня крупная рыба клюнет, как я её тащить-то буду? Упирается-то нечем!» (он, вероятно, имел в виду свое военное ранение – частичную ампутацию ступней на обеих ногах).

В книге «Святитель земли Нижегородской» О.В. Букова пишет: «Мне интересно было наблюдать за Владыкой, когда он готовился к рыбалке, он был предан своему увлечению, с удовольствием перебирал удочки, крючки, блесны, глаза его при этом светились, настроение было приподнятым. Тревожно было за Владыку, когда он выезжал на зимнюю и весеннюю рыбалки – лёд бывал тонким, а рыбаки – народ азартный, в погоне за рыбой у них притупляется чувство опасности, и бывали случаи, когда Владыка проваливался под лёд. Говорил он мне об этом со смешком, но становилось за него по-настоящему страшно».

О другой опасности зимней рыбалки рассказывал в своих воспоминаниях диакон Николай Трушкин: «Одно время владыка просил меня свозить его на зимнюю рыбалку на снегоходе „Буран“. „Я, – говорит, – подъезжаю к озеру на машине, а дальше-то надо идти пешком по сугробам. Самому мне неудобно покупать снегоход. Скажут: архиерей не в своём уме!“ Я было согласился, но потом по новостям передали несколько случаев, когда люди разбивались на снегоходах. „Нет, – говорю, – Владыка. Это опасная вещь. Не будем рисковать“. Так и отказались от этой затеи».

Страстное увлечение рыбной ловлей нашло отражение и в обширном книжном собрании, и в личном архиве приснопамятного нижегородского владыки. В собрании документов, перевезённых в 2007 году по благословению митрополита Георгия из архиерейского дома на улице Пискунова в фонд библиотеки Нижегородской духовной семинарии, сохранились разные материалы и книги, посвящённые рыбалке. Прежде всего, это многочисленные вырезки из периодических изданий, которые

он собирал на протяжении всей своей жизни в тех епархиях, где он нёс архипастырское послушание. В материалах из разных газет («Труд», «Сельская жизнь», «Горьковская правда», «Коммунар» (Тула) и др.) мы видим, что владыка интересовался как сведениями о нормативных актах, регулирующих правила, места, сроки, порядок и нормы вылова, так и материалами о секретах и тонкостях летней и зимней рыбалки.

Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов)
на зимней рыбалке, 1990-е гг.

Владыка читал много книг по рыбалке, что видно по составу его книжного собрания. Также делился он и своим собственным многолетним опытом увлечённого рыболова. Примером тому служит одна очень интересная книга из собрания владыки, которая называется «Ловись, рыбка. Для тех, кто увлекается рыбалкой, аквариумом и рыбной кухней». Эта книга была написана коллективом авторов, в который вошли руководители органов власти и правоохранительных органов Нижегородской области, и была издана в 1994 году. Однако, как отмечено на форзаце специально сделанного для владыки экземпляра книги, руководителем авторского коллектива выступил именно «Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнейший Николай, митрополит Нижегородский и Арзамасский».

В этой связи в предисловии к книге читаем: «Руководители правоохранительных органов Нижегородской области и городской Думы г. Нижнего Новгорода в многотрудных заботах о своей пастве по благословению и благодатными молитвами Владыки Николая составили сей знаменательный труд. При его сотворении они зрили пред собой яркий облик Апостолов Христовых славных рыбарей Петра и Андрея. Авторы чают, что все вкусившие от сего плода познания оставят свои хульные помыслы, исторгнут нечистоту души своей и, ангельски просветлённые, предадутся уловлению рыб. ...Книга весьма полезна благочестивым христианам, а также всем добрым людям». Так и чувствуется стиль и слог митрополита.

Один из авторов книги о рыбалке, тогда начальник областного УВД Виталий Потапов, так вспоминал об одной из зимних рыбалок с архипастырем: «23 февраля мы пригласили Владыку на рыбалку на плотину ГЭС. Всё было устроено „на высшем уровне“, компания была ему хорошо известная. Порыбачили, а потом отъехали в лесок на уху и шашлычок и, воткнув бутылку в снег, примерно в 40 метрах, устроили стрельбу из винтовки. Предложили пострелять и Владыке, призом служила машина „Газик“. Сначала отстреляли все, кто по долгу службы умел стрелять, – никто не попал. Владыка же, не прислонившись ни к чему, вскинул винтовку к плечу и выстрелил, бутылка – вдребезги. Владыка радостно потирал руки, а мужики онемели. Вторую бутылку по сугробам поставили дальше, метров за 60. Призом объявили винтовку, из которой стреляли. И снова владыка попал в цель. Увёз винтовку, договорившись со мной, что в ближайшее время приедет её зарегистрировать... Вот так не совсем молодой архиерей „умыл“ нас, не старых ещё вояк!»

Как мы помним, владыка был фронтовик и провёл на фронте несколько месяцев в самые жаркие дни Сталинградской битвы, поэтому успешная стрельба по бутылкам не представляла для него трудности, тем более с таким призовым фондом.

Владыка рыбачил и с другими известными светскими людьми, среди которых были и журналисты, и редакторы газет, и военные, и партийные чиновники. Это было и в те времена, когда с архиереем было не принято общаться открыто, но на рыбалке были все равны и многие даже не подозревали сначала, кто он такой. Как рассказывал сам владыка, зачастую это было не только отдыхом, но и возможностью узнать все необходимые новости города и области. Потом уже, спустя годы, все оценили эту дружбу и многие из тех, кто рыбачил с владыкой, потом пришли в церковь, к Богу.

Таким образом, для владыки это было и увлечение, и отдых, но в то же время и форма проповеди Слова Божия, даже в такой неожиданной форме.

«ЦВЕТЫ ЖИЗНИ»

Еще одним страстным увлечением владыки был сад. При своей постоянной загруженности он не имел возможности часто бывать на природе, поэтому очень красивый сад он развёл при своей резиденции в Карповке. Все деревья и кустарники там были посажены его руками, причём он не ограничивался только грушами или яблонями, там были и орехи, и виноград, и всевозможные ягоды и цветы. Из Иерусалима преосвященный привёз отросток от дуба Мамврийского, который удивительным образом в его саду прижился. Много всевозможных диковинок росло у владыки в саду, цвело, плодоносило и давало урожай. На все праздники владыке обычно дарили розы, поэтому в доме у него стояло огромное количество дорогих роскошных букетов в вазах, наполняя комнаты благоуханием.

Ольга Букова вспоминала: «Однажды в саду я наблюдала, как Владыка возился с цветами, пересаживал анютины глазки. Держал в своих больших ладонях нежные стебельки и искренне любовался разнообразием оттенков. Я спросила, какие цветы у него самые любимые, он ответил, что ему нравятся все цветы, но анютины глазки – особенные. После этого я постаралась сломать традицию дарения ему огромных роскошных букетов, старалась дарить то веточку орхидеи, то небольшие букетики нежных цветов. Было приятно видеть свои цветы на его рабочем столе. Среди домашних цветов у него росла любовно выращенная Неопалимая Купина, которую он привёз из монастыря св. Екатерины на Синае».

Зная о страстной любви митрополита Николая к цветам и деревьям, сестры Дивеевского монастыря превратили свою обитель в прекрасный райский сад, высадив колоссальное количество разнообразных цветов, кустарников и плодовых деревьев. Дивные цветы стали визитной карточкой Дивеевского монастыря.

Иногда владыке на несколько дней все-таки удавалось поехать отдохнуть. Одним из таких мест, куда он с удовольствием ездил, был небольшой, отдельно стоящий хутор в Эстонии, где было всего два дома и жили две женщины. Они не знали, кто он такой на самом деле, а он говорил, что простой пенсионер из России, воевал, а сейчас занимается наукой и искусством. Они называли его просто Николай Васильевич, вместе выезжали на природу, где владыка катался на велосипеде и читал книги, сидя в простом садовом кресле, а потом они все вместе за неторопливой приятной

беседой сидели у костра, о чём свидетельствуют сохранившиеся в личном архиве приснопамятного владыки фотографии. Это искреннее человеческое общение давало владыке возможность по-настоящему отдохнуть от всех тягот его тяжёлого архипастырского служения и увидеть жизнь простых людей.

Еще одной удивительной чертой характера митрополита Николая была его любовь к детям. Он не мог равнодушно пройти мимо ребёнка, обязательно останавливался и беседовал с маленьким человечком, угощал конфетой или шоколадкой. Дети его совершенно не боялись, они охотно отвечали на его вопросы и смело спрашивали его о чём-то своём. О.В. Букова пишет в своих воспоминаниях: «Однажды в кафедральном соборе, уже после службы, Владыка у выхода поговорил с маленьким мальчиком и, попрощавшись, ушёл. Когда мать спросила малыша, знает ли он, с кем сейчас разговаривал, тот не моргнув глазом сказал: „Знаю, с Богом“, – и важно пошёл дальше».

Еще одна цитата из книги О.В. Буковой «Святитель земли Нижегородской»: «Помню один из вечеров в Макарьевском монастыре – 6 августа. После Всенощной, отслуженной на преп. Макария Желтоводского и Унженского чудотворца, мы, молодёжь, сидели на травке перед Троицким собором и весело болтали. Тёплый августовский вечер, комаров нет, настроение после архиерейской службы всегда приподнятое. Мы все друг друга знаем: иподьяконы, пресс-секретарь, помощники – нам хорошо и радостно. С нами сидят приехавшие на праздник дети священников. Вдруг открылась дверь игуменского корпуса, и вышел митрополит. Одет он был в летний голубой сатиновый подрясник, в руке низенькая скамеечка: „Ну, что, молодёжь, разрешите посидеть старику рядом с вами?“ – „Конечно, Владыка“, – радостно галдим мы. Он присел на скамеечку, а мы, образовав полукруг, расположились рядом на траве. Он оглядел всех нас и вдруг поманил к себе дочку макарьевского священника, трёхлетнюю малышку. Она без всякой робости пошла к нему и тут же залезла на колени. Владыка помог ей устроиться поудобнее и стал спрашивать, как её зовут, сколько ей лет, где она живёт и так далее».

Девочка очень спокойно отвечала на его вопросы, одновременно поглаживала Владыку ручонками по лицу и по бороде. Чувствовалось, что малышке очень нравилось гладить бороду и щёки Владыки. Матушка, увидев, что дочка её сидит на архиерейских коленях и гладит бороду Владыки, застыла на месте, всплеснув руки ко рту, мы же сидели с блаженными улыбками, а Владыка забыл обо всех, поглощённый разговором с малышкой.

Светлая, в кудряшках, головка ребёнка прижималась к лицу архиерея, к его серебристой бороде. Владыка наклонялся, что-то говорил ей, затем они вместе начинали смеяться и снова говорили. Так продолжалось довольно долго, пока девочка не увидела маму. Она слезла с колен и побежала к ней, зажав в руке шоколадку, которую архиерей незаметно ей дал. Перед тем как уткнуться в подол материнского платья, девочка обернулась и помахала рукой Владыке, он помахал ей в ответ. Мать, подхватив девочку на руки, понесла в дом, укладывать спать.

Навсегда осталась в памяти картина непринуждённого общения митрополита с маленьким ребёнком, их обоюдная радость. Стены могучего Троицкого собора были бело-розовые от закатных облаков, упругим ковром стелилась под ногами трава. Воздух, напоённый запахом ромашки, свежестью реки, и так светло и покойно на душе, потому что от Владыки волнами расходилась огромная любовь: к малышке, к нам, к обители подобного Макария, ко всему миру, и так хорошо было жить!»

Любовь владыки к детям не ограничивалась только общением с ними, но была и реальная помощь, которую он им оказывал, особенно в тяжёлые 1990-е годы. Только один пример. Как пишет журналист Наталья Рождественская, «по благословению преосвященного приходы епархии принимали на лето интернатовских воспитанников, хотя никто никаких денег им не мог дать на питание детей и за заботу о них. Так, в 1991–1992 годах дети-сироты нижегородской школы-интерната № 1 ездили в село Болтинка в гости к „своим бабушкам и дедушкам“, как потом они стали их называть – прихожанам прихода этого села. Ребятишки стали как бы приёмными внучатами. Они возились вместе с бабушками в огороде, помогали в саду и на кухне, а по осени копали картошку, мариновали и солили фрукты-овощи на зиму. Все делалось в охотку, без всякого принуждения. Дети исправно и с удовольствием ходили в церковь, учили на радость бабушкам молитвы. А когда начался учебный год, стали писать „своим“ бабулям и дедулям письма». Так владыка реально помогал детям.

Удивительно, но любовь владыки к детям и его увлечения: книги, рыбалка, сад и огород – были для него и возможностью по-настоящему отдохнуть, но в то же время это была и форма его архипастырского служения, служения простым людям и служения Богу, чему приснопамятный митрополит Николай посвятил всю свою жизнь.

Источники:

1. Государственный архив Владимирской области. Ф. 630, 632 (Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Владимирской области).
2. Государственный архив Закарпатской области. Архив уполномоченного совета по делам Русской православной церкви при Совете министров Украинской ССР по Закарпатской области (Украина).
3. Государственный архив Калужской области (ТАКО). Ф. Р-3501 (Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Калужской области).
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. Р-4173 (Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Ростовской области).
5. Документы отдела краеведения и отдела периодической печати Владимирской областной научной библиотеки.
6. Личное дело студента диакона Николая Кутепова, хранящееся в архиве Санкт-Петербургской Духовной академии и семинарии.
7. Личный архив митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова), хранящийся в фонде Фундаментальной библиотеки Нижегородской духовной семинарии.

Литература:

8. III Генеральная ассамблея Всемирного Совета Церквей в Нью-Дели // Журнал Московской Патриархии. – 1962. – № 1.
9. *Аринин Е.И.* Религия и религиозность во Владимирском регионе. Монография. Владимир, 2013.
10. *Букова О.В.* Святитель земли Нижегородской. Нижний Новгород, 2009.
11. В.С. Юбилей Московских Духовных школ // Журнал Московской Патриархии. – 1999. – № 1. – С. 51–53.
12. *Гавриил (Кризина), иг.* Православная церковь в Закарпатье (век XX). Киев, 1999.
13. *Данилец Ю.В., Пидгайко В.Г.* Мукачевская и Ужгородская епархия // Православная энциклопедия. Т. XLVII. С. 625–632.
14. *Данилец Ю.В., Пимен (Мацола), иером.* Православные монастыри Закарпатья. Путеводитель. Киев, 2010.
15. *Дьяконов А.В.* Штрихи к портрету святителя // Дамакин. – 2013. – № 2 (24).
16. Из дневника поездки певчей хора // Сеятель. – 1993. – № 1.
17. *Марков В., диак.* Архиепископ Кировский и Слободской Мстислав // Журнал Московской Патриархии. – 1978. – № 7.
18. *Монич А., протодиак.* Жизнь и церковное служение архим. Василия (Пронина) // Труды КДА, 2010, № 12. С. 297–311.
19. Начало учебного года в Ленинградской духовной академии и семинарии // Журнал Московской Патриархии. – 1954. – № 11.
20. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007 гг.). Киров (Вятка), 2007.

21. *Пидгайко В.Г.* Мукачевский во имя святителя Николая чудотворца монастырь // Православная энциклопедия. Т. XLVII. С. 632–637.
22. *Поп Д., Волошин Т.* История Подкарпатской Руси через призму христианских идей. Ужгород, 2010.
23. Сведения из епархий // Журнал Московской Патриархии. – 1962. – № 11.
24. *Светозарский А.К.* Московские духовные школы в 1917–1964 гг. // Московской Духовной академии 325 лет. Юбилейный сборник статей в 2-х т. Т. 1. Книга 1. М., 2010. С. 257–393.
25. Святитель / Сост. и ред. Т.Е. Упирвицкая. Нижний Новгород, 2001.
26. Совместное коммюнике о визите делегации представителей церквей из СССР по приглашению Национального Совета Церквей США // Журнал Московской Патриархии. – 1963. – № 5.
27. *Сперанская Е.С.* Всемирный Совет Церквей // Православная энциклопедия. Т. IX.
28. *Упирвицкая Т.Е.* Визит в Германию его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Николая, митрополита Нижегородского и Арзамасского // Сеятель. – 1993. – № 1.
29. *Упирвицкая Т.Е.* Святитель // Нижегородские новости. – 1992. – 7 ноября.
30. *Цирульников А.М.* Служение людям: губернатор и митрополит. Нижний Новгород, 2014.
31. *Штиллер В., прот.* Ответный визит национальному Совету Церквей Христа в США // Журнал Московской Патриархии. – 1963. – № 11.

Электронные источники:

32. Город Эссен. <http://www.voyageservice.net/page/11/30/3/2.aspx>
33. История Саратовской православной духовной семинарии. <http://www.sarpsds.ru/istoriya-spds/2012-12-25-14-30-30/stranitsa-5.html>
34. Краснощеков Кирилл, свящ. Из истории Саратовской православной духовной семинарии. http://mefodiy-kirill-hram.ru/articl_okirill_08.html
35. Отчёт по Вологодской епархии за 1954 год // Вологодская епархиальная газета «Благовест». <http://blagovest.orthodoxy.ru/mb/2006n07n09/2006n07n09s23.php>
36. Празднование 1000-летия Крещения Руси. Поместный собор Русской православной церкви 1988 года. www.vmeremina.narod.ru/istor3/ist3-59p.rtf
37. Санкт-Петербургская духовная академия. <http://ru.wikipedia.org>
87. Тысячелетие Крещения Руси. <http://www.mir-slovo.ru/text/17495.html>
39. Храм Рождества Пресвятой Богородицы (Казанская церковь) в г. Таллин (Эстонская республика). <http://palomniki.su/countries/ee/g20/tallin/kazanskaya-cerkov.htm>
40. Шкаровский М.В. Открытие духовных школ и их развитие при митрополите Григории (Чукове). <http://www.sedmitza.ru/text/823744.html>

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	3
ГЛАВА I	
ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. 1924–1942 гг.	5
ГЛАВА II	
НА ФРОНТЕ. 1942–1943 гг.	9
ГЛАВА III	
СЛУЖЕНИЕ С АРХИЕПИСКОПОМ ВИТАЛИЕМ (ВВЕДЕНСКИМ). 1943–1946 гг.	13
ГЛАВА IV	
НИКОЛАЙ КУТЕПОВ И АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ (МАРЦЕНКО). 1946–1951 гг.	16
ГЛАВА V	
ОБУЧЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ. 1950–1952 гг. ВСТРЕЧИ 20 ЛЕТ СПУСТЯ. 1972 г.	24
ГЛАВА VI	
СЛУЖЕНИЕ В ВОЛОГОДСКОЙ ЕПАРХИИ. 1952–1954 гг.	33
ГЛАВА VII	
ОБУЧЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. 1954–1958 гг.	38
ГЛАВА VIII	
СЛУЖЕНИЕ В КИЕВСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЯХ. 1958–1961 гг.	47
ГЛАВА IX	
ПЕРВАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: МУКАЧЕВСКАЯ И УЖГОРОДСКАЯ. 1961–1963 гг.	53
ГЛАВА X	
ВТОРАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: ОМСКАЯ И ТЮМЕНСКАЯ. 1963–1969 гг.	61
ГЛАВА XI	
ТРЕТЬЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: РОСТОВСКАЯ И НОВОЧЕРКАССКАЯ. 1969–1970 гг.	66
ГЛАВА XII	
ЧЕТВЕРТАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: ВЛАДИМИРСКАЯ И СУЗДАЛЬСКАЯ. 1970–1975 гг.	75

ГЛАВА XIII	
ПЯТАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: КАЛУЖСКАЯ И БОРОВСКАЯ. 1975–1977 гг.	87
ГЛАВА XIV	
ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ	94
ГЛАВА XV	
СЛУЖЕБНЫЕ ПОЕЗДКИ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ. 1961–1986 гг.	104
ИНДИЯ. 1961 г.	104
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ. 1963 г.	106
ЗАПАДНАЯ АФРИКА. 1968 г.	109
ГРУЗИЯ. 1972, 1976, 1983 гг.	113
ГЕРМАНИЯ. 1984 г.	115
ШОТЛАНДИЯ. 1986 г.	118
ГЛАВА XVI	
ШЕСТАЯ ЕПИСКОПСКАЯ КАФЕДРА: ГОРЬКОВСКАЯ И АРЗАМАССКАЯ. 1977–2001 гг.	121
ГЛАВА XVII	
ПРАЗДНОВАНИЕ 1000-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ В ГОРЬКОВСКОЙ ЕПАРХИИ. 1988 г.	129
ГЛАВА XVIII	
ВРЕМЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КИРОВСКОЙ ЕПАРХИЕЙ. 1978 г.	136
ГЛАВА XIX	
ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ	140
СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ. 24 апреля – 4 мая 1978 г.	140
ГРЕЦИЯ И СВЯТАЯ ГОРА АФОН. 11–28 ноября 1980 г.	143
ПЮХТИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ. 1990-е гг.	147
ГЛАВА XX	
ВИЗИТ В ЭССЕН (ГЕРМАНИЯ). Декабрь 1992 г.	150
ГЛАВА XXI	
УВЛЕЧЕНИЯ ВЛАДЫКИ НИКОЛАЯ.	154
КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ	154
РЫБАЛКА	157
«ЦВЕТЫ ЖИЗНИ»	161
<i>Использованная литература</i>	164

ОБ АВТОРЕ

Алексей Владимирович Дьяконов,
преподаватель и заведующий кафедрой Церков-
ных практических дисциплин Нижегородской
духовной семинарии, заведующий Фундамен-
тальной библиотекой Нижегородской духовной
семинарии, кандидат богословия. Член «Зино-
вьевского клуба» МИА «Россия сегодня» (Москва).
Член «Нижегородского клуба» имени митропо-
лита Нижегородского и Арзамасского Николая
(Кутепова) (Нижний Новгород).

А.В. Дьяконов

Митрополит
Нижегородский и Арзамасский
Николай (Кутепов)
и его время

Очерки из жизни

Лауреат премии
Нижнего Новгорода
издательство «Кварц»
Нижний Новгород,
ул. Бетанкура, 29
телефон/факс:
(831) 299-87-45
izdbook@mail.ru

Генеральный директор
ГК «Кварц» *Д.В. Кузин*
Координатор
издательских проектов
Т.А. Кузьмина
Главный редактор
О.И. Наумова
Исполнительный
директор *Д.А. Иванов*

Редактор
И.Г. Дементьева
Дизайн, верстка
А.В. Романов
Обработка
фотоматериалов
В.А. Быховский
Корректор
О.В. Горнова